17770

Библіотека Ученаго Комитета Мин. Фин.

19408.

ФРАНКО-РУССКІЯ

ВПЕЧАТЛѢНІЯ

Библиотека ЛКФ СССР

1770

ФРАНКО-РУССКІЯ

1908.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ

ПИСЬМА

съ парижской выставки

В. Дѣдлова

БИБЛІОТЕКА Ученаго Комитета Мин. Фин.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. А. Лебедева. Невскій, 8.
1890.

39

Библиотека ПИФ СССР

71304

Предисловіе.

Письма, составившія эту книжку, совсѣмъ не измѣнены по содержанію и очень мало исправлены по формѣ. Они были и остались написанными нàскоро, средѝ напряженной суеты выставки и Парижа, и отражаютъ то состояніе, въ которомъ находились какъ устроитель, такъ и посѣтитель выставки. Это то мнѣ и нужно. Моя цѣль—не поучать читателя, а просто-на-просто *замънить* его, передать впечатлѣнія такъ, чтобы читатель хоть отчасти могъ вообразить, будто это онъ самъ былъ на знаменитой выставкѣ.

Войдите въ какую-нибудь большую мастерскую. Вездѣ—пыль, соръ, стружки, опилки. Всюду машины и инструменты, которые раздражающе гремятъ и визжатъ. Вездѣ усталые грязные мастера, съ грубыми, иногда пораненными руками; они непривѣтливо вскидываютъ на васъ глазами и сейчасъ-же опять нагибаются къ работѣ. То, что дѣлаютъ машины и люди, непонятно и безтол-

ково. Въ одномъ мѣстѣ что-то обтачиваютъ, въ другомъ рѣжутъ, въ третьемъ рубятъ,—и вездѣ щепки, осколки да безсмысленные куски металла и дерева. Безпорядокъ полный; но только кажущійся, временный.

Подобное-же впечатлѣніе производитъ жизнь Парижа. Какъ ни стараются французы показать другимъ—въ особенности нѣмцамъ—и себя увѣрить, что они совершенно довольны собою и своей судьбой, никто мало-мальски вдумывающійся въ жизнь современнаго человѣка не повѣритъ, будто Парижъ—храмъ культуры, а французъ—жрецъ ея. Парижъ всего лишь мастерская, въ которой ничто оконченное и окончательное еще не выработано. Французъ—всего лишь мастеровой, утомленный, запыленный и далеко не всегда довольный и веселый.

Да, Парижъ не храмъ, а мастерская. Но развѣ этого мало, развѣ и это не почетно! Грохотъ, который не умолкаетъ въ мастерской,—не шумъ разрушенія, а гулъ созиданія, гулъ, подобный весеннему «зеленому шуму». Руки мастеровъ покрыты не грязью, а пылью поднятою тяжкимъ шествіемъ труда. Изъ грязи и безпорядка, изъ разбросанныхъ невзрачныхъ и непонятныхъ частей готовится возникнуть стройное и прекрасное цѣлое.

Вотъ что желалъ я передать въ моихъ письмахъ. Они были писаны въ самой мастерской,—и я не хотѣлъ

отряхать съ нихъ ея пыли и смягчать отраженія въ нихъ ея безпоряда, шума и суеты. Повторяю, читатель долженъ самъ быть въ Парижѣ и на выставкѣ.

Остается сказать о заглавіи книги: — Франко-русскія впечатлѣнія. По моему, оно самое подходящее къ содержанію. Русскій видѣлъ и описывалъ Францію. Франція въ настоящее время дружитъ съ Россіей. Россія показывала себя на выставкѣ Франціи. Французъ (въ моемъ пятомъ письмѣ) изложилъ свое мнѣніе о выставочномъ отдѣлѣ Россіи. Франція и Россія, французы и русскіе, — вотъ предметъ этой книги. А такъ какъ я не изслѣдованіе писалъ, а передавалъ впечатлѣнія, то, конечно: — «Франко-русскія впечатлѣнія»

Письмо I.

Газета «Недѣля» послала меня въ Парижъ, снабдивъ слѣдующей «вѣрительной грамотой»:

Редакція

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

«НЕДѢЛЯ»

Le 25 Juin 1889.

Je soussigné, directeur de la «Nédiéla» de Saint-Pétersbourg, certifie que le porteur de cette lettre M. Diédlow est chargé de rendre compte de l'Exposition Universelle de 1889 dans mon journal.

Je prie les représentants de la presse à Paris ainsi que les autorités de bien vouloir lui faciliter sa tâche.

(Слѣдуютъ подпись и печать).

Кромѣ этого, вашъ покорный слуга отправился въ фотографію г. Шапиро, гдѣ его и изобразили довольно молодцевато, этакъ вродѣ Поля Деруледа, въ двухъ экземплярахъ. На оборотѣ обоихъ изображеній сдѣлана такая надпись:

Wladimir Diédlow, Rédacteur à la «Nédiéla» de Saint-Pétersbourg.

И грамота, и молодцеватыя изображенія должны были доставить даровой входъ на выставку, даровыя восхожденія на Эйфелеву башню и право посѣщать «павильонъ прессы», съ его дешевымъ рестораномъ, залой для писанія, библіотекой, почтой и телеграфомъ. Все это, конечно, отлично,—но какъ смягчить скуку переѣзда втеченіе шестидесяти часовъ, какъ и гдѣ найти въ биткомъ набитомъ Парижѣ квартиру, квартиру вообще, и сносную по цѣнѣ въ особенности? Эти вопросы сильно угнетали меня, когда я ѣхалъ на вокзалъ варшавской дороги. Въ угнетенномъ настроеніи взялъ я билетъ, въ угнетенномъ настроеніи вошелъ въ вагонъ—но тутъ сталъ проясняться.

Сначала со мной рядомъ очутился мой сотрудникъ по «Недѣлѣ», г. Р. Д.

— Отецъ родной!—воскликнулъ я.—Въ Парижъ?

— Нѣтъ, въ Ригу.

— Жаль. Но и за то спасибо.

Прошло нѣсколько минутъ, раздался второй звонокъ, и въ вагонъ впопыхахъ вошелъ И. Е. Р—ъ, извѣстный художникъ.

— На дачу?

— Нѣтъ, отвѣчалъ И. Е. съ обычною сдержанностью,—подальше.

— Въ Псковъ, стало быть?

— И еще дальше.

— Въ Ригу?

— Н-нѣтъ, не въ Ригу.

— Жаль! Вотъ еслибы бы въ Парижъ ѣхали...

— Да я и то въ Парижъ.

Я возблагодарилъ судьбу, которая послала мнѣ нетолько прекраснаго спутника, но и «благодѣтеля»: И. Е. хорошо знаетъ Парижъ, и только благодаря ему, по пріѣздѣ, я устроился и удобно, и дешево.

Всю дорогу «мы рисовали». Сначала былъ нарисованъ Р. Д. въ двухъ видахъ, бодрствующимъ и спящимъ потомъ—я, тоже въ двухъ тѣхъ-же самыхъ видахъ. Я нашелъ, что г. Шапиро изобразилъ меня гораздо лучше, Карандашъ И. Е. лишилъ меня и тѣни деруледовской молодцеватости, такъ что я и въ натурѣ отъ огорченія нѣсколько опустился; тогда какъ послѣ сеанса у г. Шапиро я ходилъ почти военнымъ человѣкомъ. Ахъ, этотъ реализмъ! Истинную цѣну ему узнаешь только тогда, когда испытаешь его на собственной шкурѣ. А тутъ еще злодѣй Р. Д., критикъ по профессіи, говоритъ, что я «схваченъ необыкновенно удачно».

Рано утромъ, въ туманѣ и по холодной, едва-ли не морозной росѣ, мы переѣхали границу, претерпѣвъ обычныя русскія и нѣмецкія формальности. До Берлина «мы» не рисовали, а только наблюдали. Особенно врѣзались въ нашей памяти нѣмецкіе мужики, между которыми попадались фигуры и лица такія аккуратныя, такія покорныя, такія добродѣтельныя и такія идіотскія, что мы подвергались большому искушенію:—или усомниться въ добродѣтели, или увѣровать въ кретинизмъ. Мужчины одѣты въ пиджаки, въ жокейскихъ шапкахъ изъ какого-то сѣдого плюша; бабы въ соломенныхъ шляпахъ и перчаткахъ,—и видно, что и сѣдыя шапки, и

шляпки изъ ржаной соломы, и перчатки изъ парусины заработаны годами каторжной работы, и что заработаны онѣ однажды въ жизни и на всю жизнь, потому что заработать двѣ сѣдыя шапки, двѣ пары перчатокъ—при нѣмецкихъ условіяхъ, свыше человѣческихъ силъ. Какія изможденныя лица! Какія фигуры, ссохшіяся въ рабочей позѣ, какіе потухшіе глаза! А на лицѣ разлито несокрушимое самодовольство: не даромъ прожилъ нѣмецъ,—въ тюрьмѣ не сидитъ, съ голоду до сихъ поръ не умиралъ, плюшевую шапку на головѣ имѣетъ, *здѣсь* былъ честенъ, *тамъ*, по авторитетному увѣренію пастора, будетъ на лонѣ Лютеровомъ. Таково подножіе нѣмецкаго народа: несокрушимый добродѣтельный идіотъ. Съ такимъ народомъ шутки плохія. Выше найдутся у него и огромный умъ, и желѣзная энергія, и любовь къ свободѣ,—и Бисмарки, и Лютеры. И вся эта каменная громада проникнута чувствомъ долга и патріотизма.

Вечеромъ, часовъ около восьми, мы подъѣзжали къ столицѣ каменной націи. Столица стоитъ на пескѣ, но тѣмъ не менѣе твердо; только песчаныя окрестности ея унылы. Нѣсколько послѣднихъ станцій поѣздъ мчится по пескамъ, которые у насъ, конечно, были-бы голыми и служили-бы на пользу только охотникамъ, отыскивающимъ, около Динабурга, напримѣръ, зайцевъ по слѣдамъ на пескѣ, какъ по снѣжной порошѣ. Каменный нѣмецъ зайцами пренебрегъ, а развелъ на пескахъ сосновые лѣса, рожь и картофель. Лѣса, конечно, жалкіе, низкорослые, съ незначительнымъ годовымъ приростомъ, но все-же лѣса, а не песочница. Ржица и картофель тоже

неважные, но все-же рожь и картофель, а не заячьи слѣды. Нѣмецъ попытался даже обсадить для тѣни лиственными деревьями полевыя дороги, но это ему не удалось. Дерево не нѣмецъ и на пескѣ не проживетъ. Только кое-гдѣ уцѣлѣли березки и пирамидные тополи. У тополей усохли верхушки, а березы, рѣденькія, плохенькія, наклонились подъ дуновеніемъ нѣмецкаго бранденбургскаго вѣтра и точно ищутъ дружескаго плеча, на которомъ могли-бы выплакать свое горе. Тутъ нѣмецкіе школьники, которыхъ пріучаютъ къ долгу и патріотизму березовой кашей, чувствовали-бы себя отомщенными.

Берлинъ ростетъ быстро, несмотря на то, что и онъ на пескѣ. Я видѣлъ его семь лѣтъ тому назадъ. И тогда онъ былъ первостепеннымъ городомъ, но съ тѣхъ поръ еще выросъ и поплотнѣлъ. Съ тѣхъ поръ берлинцы устроили желѣзную дорогу, которая пересѣкаетъ и окружаетъ ихъ городъ, и устроили *по-лондонски*, на столбахъ, вровень со вторыми и третьими этажами домовъ. Вы ѣдете по этой широкой воздушной улицѣ, залитой асфальтомъ, и видите безконечныя перспективы неширокихъ, сѣрыхъ улицъ, кишащихъ народомъ, фасады громадныхъ домовъ, съ безчисленными окнами, *спины* этихъ домовъ, безъ оконъ, но съ безчисленными объявленіями и вывѣсками, видите сады, площади со статуями, старый королевскій дворецъ, ничтожную Шпре, такъ осмѣянную Гейне,—и каменный духъ современнаго нѣмца, нѣмца не разсѣяннаго по безчисленнымъ маленькимъ государствамъ, а сплоченнаго въ великій единый германскій

народъ, возстаетъ предъ вами изъ камней огромнаго города. Смотришь на это и не вѣришь, что въ семилѣтнюю войну русскій главнокомандующій велѣлъ высѣчь на площади прусскихъ «газетировъ» за какіе-то напечатанные ими «пашквили». Должно быть, у русскаго главнокомандующаго рука была легкая, потому что теперь нѣтъ бо̀льшей газетной силы, какъ нѣмецкая печать, потому что нѣтъ бо̀льшей силы, какъ нѣмецкій народъ, который печать ведетъ, если не за своимъ знаменемъ, то за своимъ поводомъ. Каменный народъ! Каменный духъ!..

«Станція Берлинъ, поѣздъ стоитъ сорокъ минутъ!» Но и въ сорокъ минутъ можно сдѣлать много. Правда, мы не рисовали, но успѣли взглянуть на живопись. «Подъ Липами» есть какое-то кафѐ, стѣны котораго расписаны какимъ-то Вернеромъ, изобразившимъ идиллическія, эпикурейскія и даже вакхическія сцены изъ классической жизни (нѣмецъ свои слабости оправдываетъ ссылкой на классическіе авторитеты, а въ авторитетъ этотъ онъ вѣруетъ больше, чѣмъ въ доктора Лютера). Маршъ-маршемъ, разспросивъ дюжину нѣмцевъ и дюжину нѣмокъ (которыя покрасивѣй), мы дошли до упомянутаго кафе. И. Е. возобновилъ свои впечатлѣнія и остался доволенъ. Я сдѣлалъ новое знакомство и тоже остался доволенъ: пиво въ кафе было прекрасное. Затѣмъ, все маршъ-маршемъ и все разспрашивая нѣмцевъ и нѣмокъ (которыя покрасивѣй), мы взглянули на памятникъ Фридриху Великому. Фридрихъ Великій, несмотря на то, что это при жизни его величества

нашъ генералъ поролъ прусскихъ газетировъ за пашквили, взглянулъ на насъ, съ двойной высоты своего пьедестала и своего боевого коня, благосклонно и отпустилъ съ миромъ. Мы пожалѣли, что заперты музеи и намъ нельзя взглянуть на портретъ кого-то работы Веласкеца, любимца И. Е.,—усѣлись въ вагонъ и помчались дальше.

Отъ Берлина мы мчались вихремъ: насъ точно швыряли отъ станціи до станціи, точно мы были кегельный шаръ и нами играли въ кегли. Слава Богу, игралъ нами плохой игрокъ и все попадалъ мимо, ничего не сшибая. Мы сидимъ, трясемся, какъ мука въ рѣшетѣ, и обмѣниваемся впечатлѣніями отъ Вернера, Фридриха Великаго, нѣмцевъ и нѣмокъ (которыя покрасивѣй), а противъ насъ трясутся два субъекта; одинъ съ виду какой-то Вакхъ или Гамбринусъ, а другой—напоминавшій зубочистку Вакха или Гамбринуса. Эта пара тоже обмѣнивается впечатлѣніями, притомъ на французскомъ языкѣ. Чортъ знаетъ, что это были за впечатлѣнія,—отъ нѣмокъ, которыя покрасивѣй и подоступнѣй! Вдругъ Вакхъ хлопаетъ меня съ размаху и съ хохотомъ по колѣну.

— Вы итальянцы! восклицаетъ онъ.

— Нѣтъ, русскіе, отвѣчаю я.

— Да вѣдь вы все время говорите по-итальянски! Но все равно... Какія канальи эти нѣмцы и въ особенности эти нѣмки. Ни граціи, ни скромности, ни деликатности! Парижанки! О, парижанки!

— О, парижанки! вторитъ зубочистка Вакха.

— Молчи! приказываетъ Вакхъ своей зубочисткѣ и продолжаетъ:—Парижанка вамъ сразу говоритъ:—«mon bibi, je suis très cochonne», но она продѣлываетъ эту cochonnerie съ такой граціей, скромностью и деликатностью, что вы преклоняетесь передъ ней. А нѣмка...

И «пошла писать» западно-европейская буржуазія.

Вакхъ оказался бельгійцемъ, фабрикантомъ чего-то и либераломъ. За erotica пошли politica.

— Нашъ король—большая каналья! объявилъ Вакхъ.

— О, большая бестія! подхватила зубочистка.

— Молчи! прикрикнулъ Вакхъ.—Подай-ка мнѣ мои туфли... Принципъ «liberté, égalité, fraternité» у насъ снова нарушенъ: четверть, понимаете-ли, четверть всей бельгійской территоріи принадлежитъ теперь іезуитамъ! Не каналья-ли послѣ этого нашъ король?!

— А онъ чѣмъ-же виноватъ?

— Онъ долженъ распускать парламентъ и назначать новые выборы, до тѣхъ поръ пока не подберется такой составъ депутатовъ, который выгонитъ іезуитовъ и конфискуетъ ихъ имущества... Я всегда освистываю короля, когда его встрѣчаю въ Брюсселѣ. Но я скоро перестану свистать. Я пущу въ ходъ свинецъ, кровь и...

— И порохъ! воскликнула зубочистка.

— Молчи, дуракъ! прервалъ Вакхъ и окончилъ самъ:—и порохъ! А королева... продолжалъ Вакхъ. Но тутъ politica снова смѣнились erotica.

Вакхъ и его зубочистка, оказавшаяся старшимъ прикащикомъ и лейбъ-собутыльникомъ Вакха, скоро заснули. «Мы» сейчасъ-же стали ихъ съ жадностью рисовать.

Только глядя на «нашъ» рисунокъ, я вполнѣ постигъ Вакха. Утромъ я видѣлъ идіота съ голода, вечеромъ я увидѣлъ идіота съ жиру. Круглое чрево, круглая голова, круглое лицо; толстыя губы во снѣ распустились не то паралитически, не то отъ тошноты пресыщенія. На лицѣ утренняго идіота было написано, что онъ доволенъ-предоволенъ тѣми двумя картофелинами, которыя онъ съѣлъ третьяго дня; идіотъ вечерній чувствуетъ силы съѣсть своего Леопольда II, какъ онъ съѣлъ своихъ рабочихъ и своего мужика, и блаженствуетъ, предвкушая пріятности этого новаго пищеваренія. Ничего не было написано на лицѣ спящаго Вакха, кромѣ этихъ утробныхъ ощущеній, ничего, кромѣ сытости жира, и аппетита.

Мы ѣхали дальше. Минула ночь, и мы проснулись на границѣ той самой Бельгіи, которая породила нашего Вакха. Холмики, холмы, скалы, узенькія рѣчныя долины маленькихъ рѣчекъ,—и вся дорога—заводы, фабрики, копи, и вывѣски и объявленія этихъ фабрикъ и заводовъ. Холмы и горы всѣ въ деревьяхъ, но не деревья тутъ ховяева, не лѣсъ божій. Поля хлѣбовъ тучны, но они разбиты строеніями, и пшеница-матушка нашихъ черноземныхъ степей представляется здѣсь какимъ-то паразитомъ, выросшимъ на презрѣнныхъ отбросахъ городовъ и фабрикъ. Русскому варвару какъ-то не вкусенъ и хлѣбъ, смолотый изъ ея зеренъ. Точно тутъ и дожди и солнце не божіи, а сдѣланные гдѣ-нибудь на фабрикѣ Bourgeoiset C°, въ то время, когда «дѣла шли хорошо», былъ большой спросъ и не было стачекъ. Солнце тутъ и въ самомъ дѣлѣ нуждается въ капитальномъ ремонтѣ!

Оно потускнѣло. Полчища фабричныхъ трубъ, извергающихъ густой каменно-угольный дымъ, закоптили солнце и небо,—и мой спутникъ, русскій художникъ, все повторялъ съ тоской: «нѣтъ горизонта, нѣтъ дали, нѣтъ простора!» Неужели-же все тѣмъ и кончится, что не будетъ, какъ здѣсь, въ этой странѣ, сказавшей послѣднее слово цивилизаціи, ни простора, ни дали, ни будущаго? Для отдѣльнаго человѣка это такъ, но неужели тоже предстоитъ и его роду?

Бельгія, страна сказавшая послѣднее слово цивилизаціи, ничтожна, какъ и ея слово,—и черезъ нѣсколько часовъ мы уже переѣхали французскую границу. Наше купэ было полно нѣмцами, которые однако робѣли показать, что они нѣмцы, и усиливались и говорить, и держать себя какъ будто по-французски. Ихъ нѣмецкіе «гиды» были припрятаны, нѣмецкая каменная сущность тоже. Нѣмецъ сталъ мягокъ и пріятенъ, точно россіянинъ, который чиномъ пониже, передъ россіяниномъ, что чиномъ повыше. «Вѣдь, эти французы народъ сумасшедшій», на ухо объяснилъ мнѣ свое преображеніе мой сосѣдъ нѣмецъ.—Сумасшедшій тамъ, или не сумасшедшій, подумалъ я,—а въ Россіи ты, батюшка, еще очень недавно такимъ индѣйскимъ пѣтухомъ ходилъ, что и не подступайся.

Между нѣмцами нашелся и одинъ французъ, двадцать лѣтъ живущій въ Петербургѣ, немного обрусѣвшій и освѣжившійся въ Россіи, но не черезчуръ.

— Я люблю Россію, говорилъ онъ.—Знаю я ее, какая она, но полюбилъ. Что подѣлаешь!.. Что это, вы

меня, кажется, рисуете?—воскликнулъ французъ, обращаясь къ И. Е.

— Извините, рисую, отвѣтилъ тотъ, вглядываюсь въ свою жертву.

— Какая жалость, что я забылъ въ Петербургѣ свою моментальную фотографію. А то вѣдь я тоже любитель!

И. Е. улыбнулся.

Французъ снисходительно взглянулъ на свой портретъ и заговорилъ объ Эйфелевой башнѣ. Объ этой башнѣ говорили, начиная съ Петербурга. Поэтъ Н. М., только что вернувшійся изъ Парижа, говорилъ, что это не башня, а труба. Ѣхавшій съ нами изъ Петербурга инженеръ говорилъ, что башня неминуемо расшатается отъ вѣтра, заклепки ослабнутъ, въ нихъ затечетъ вода, башня проржавѣетъ и въ недалекомъ будущемъ развалится. Одинъ изъ моихъ спутниковъ нѣмцевъ сообщилъ мнѣ на ухо два вица: во-первыхъ, что башня не Эйфеля, а Тейфеля, и во-вторыхъ, что она не tour d'Eiffel, а pour Teufel. Нѣмецъ много смѣялся этимъ вицамъ, но тоже мнѣ на ухо, такъ-какъ мы были уже во Франціи. Вообще, я еще первый разъ въ жизни видѣлъ, что нѣмецъ поджалъ хвостъ и трусилъ.

По словамъ «Guide Bleu», изданнаго редакціями «Figaro» и «Petit Journal», башня видна за девяносто верстъ. Видъ съ башни на девяносто верстъ вокругъ описанъ въ гидѣ такъ заманчиво, что, казалось, будто и видъ на башню изъ-за девяноста верстъ такъ же восхитителенъ. Однако, какъ мы ни искали, и направо, и налѣво, высовываясь изъ оконъ, съ рискомъ посадить верх-

нюю половину корпуса на встрѣчный поѣздъ, мы ничего не видѣли. А между тѣмъ мы были уже совсѣмъ близко отъ Парижа и мчались по лѣсу Шантильи. Мы мчались то по насыпямъ, то по выемкамъ, глубоко прорубленнымъ въ скалистой подпочвѣ. Мы неслись то мимо дубовъ, липъ, граба, березъ и осинъ незавиднаго шантилійскаго лѣса, то мимо каменоломенъ, доставившихъ тотъ мягкій камень, вродѣ одесскаго, изъ котораго построенъ весь Парижъ. Впереди и немного влѣво стояла грозовая туча, а надъ нами накрапывалъ небольшой дождь.

— Къ нашему пріѣзду Парижъ освѣжится грозой. Это будетъ очень пріятно, сказалъ кто-то изъ моихъ спутниковъ.

— Да, очень пріятно, отозвался другой;—но какъ однако насъ сильно покачиваетъ и трясетъ.

Дѣйствительно. мы мчались, точно нашего паровоза ожидали въ Парижѣ двадцать лѣтъ имъ невиданныя жена и дѣти. Проволока телеграфныхъ столбовъ точно играла, прыгая на перевѣсахъ внизъ и потомъ дѣлая новый прыжокъ на столбы, къ которымъ она была прикрѣплена. Бѣдныя березки и осинки, выросшія около рельсовъ, гнулись отъ вѣтра поднятаго поѣздомъ и мелькали мимо оконъ со взрывомъ трепета всѣхъ своихъ листиковъ до единаго. Когда намъ встрѣчались поѣзда изъ Парижа, запряженные паровозами, убѣгавшими должно быть отъ тещъ, происходилъ такой хаосъ звуковъ, красокъ и очертаній, что оставалось только жмуриться и «ухать».

— Чего это они и въ самомъ дѣлѣ такъ разлетѣлись! говорили мы.

— О, это французское самолюбіе! съ торжествомъ воскликнулъ спутникъ-французъ.—Теперь вы никакими силами не остановите машиниста. Поѣздъ немного запоздалъ, притомъ и не по винѣ Франціи совсѣмъ, а еще въ Бельгіи,—и вотъ машинистъ хочетъ придти все-таки минута въ минуту... Видите, видите: онъ еще ускоряетъ ходъ.

Онъ дѣйствительно еще ускорялъ ходъ. Гм... Суждено намъ черезъ оставшіяся десять минутъ быть въ Парижѣ или не суждено?

71304

— Вотъ она! воскликнулъ И. Е., зоркимъ глазомъ художника открывшій, наконецъ, Эйфелеву башню.

Все наше купе устремилось къ окну, справа. Вдали верстахъ этакъ въ десяти, въ ямѣ, отдѣленной отъ насъ холмистой мѣстностью, въ синеватомъ туманѣ стояла фабричная труба, съ виду небольшая. При основаніи она расширялась; въ бинокль было видно, что она сквозная. Это была Эйфелева башня въ полтораста саженей высоты.

Онъ еще поддалъ пару, не смотря на то, что мы уже въѣхали въ городъ, и лишилъ меня возможности разсмотрѣть въѣздъ въ Парижъ. На нѣсколько верстъ тянутся безчисленные, переплетающіеся между собою, пересѣкающіе другъ-друга «пути». Вездѣ сигнальные знаки круглые и узкіе, красные и зеленые, деревянные, чугунные и стеклянные. Вездѣ будки, будочки, сараи, склады и станціи. Вдоль пути, и какъ-будто и поперекъ его, ряды вагоновъ. Вездѣ движутся паровозы, люди и огром-

ныя, понураго вида лошади, которыми таскаютъ вагоны, устанавливая ихъ въ порядокъ. Мы не обращаемъ ни на что вниманія и мчимся, со скрежетомъ переходя съ одного пути на другой, и непереставая свищемъ самыми отчаянными голосами. Ничего нельзя хорошенько разсмотрѣть и глазъ улавливаетъ только колоссальныя, во весь домъ, объявленія «Petit Journal», написанныя на брандмауерахъ зданій и гласящія, что газетка расходится въ 950,000 экземпляровъ. Намъ остается ѣхать какихънибудь тридцать секундъ, но тридцать секундъ при такомъ бѣшеномъ бѣгѣ могутъ стоить тридцати крушеній...

Но вотъ *онъ* убавляетъ ходу, *онъ* начинаетъ тормозить, причемъ кажется, что поѣздъ попалъ въ густой птичій клей и быстро въ немъ вязнетъ. *Онъ* свистнулъ въ послѣдній разъ, завернулъ свой тормазъ накрѣпко; мы не вкатываемся, а. какъ на салазкахъ, подъѣзжаемъ въ крытый, стеклянный дебаркадеръ, и, сильно клюнувъ носомъ, останавливаемся.

— Смотрите! съ торжествомъ восклицаетъ нашъ французъ, и, высоко поднявъ свои карманные часы, приглашаетъ всѣхъ взглянуть на нихъ.

Мы смотримъ. На часахъ ровно шесть часовъ тридцать пять минутъ.

— Безъ трехъ секундъ! еще торжественнѣй поправляетъ насъ французъ.—*Онъ* выигралъ цѣлыхъ три секунды!

Мы рѣшительно не знали, чѣмъ такъ драгоцѣнны эти три секунды, и что намъ съ ними дѣлать.

Первые шаги въ Парижѣ.

Первый шагъ труденъ, очень труденъ. Если бы не И. Е., мы очутились-бы, кто знаетъ, въ какомъ-нибудь первоклассномъ отелѣ, гдѣ лакеи во сто разъ важнѣе monsieur Carnot, какъ здѣсь попросту зовутъ президента, гдѣ швейцаръ держитъ свою булаву словно маршальскій жезлъ, и гдѣ съ васъ сдерутъ шкуру и нетолько не поблагодарятъ, но еще и обдадутъ презрѣніемъ. Быть презираему лакеями—это очень почетно, но непріятно и дорого.

На вокзалѣ предстояло имѣть дѣло съ носильщиками, таможенными и извощиками. Никто изъ нихъ не оставилъ по себѣ пріятнаго впечатлѣнія. Носильщики точь-въ-точь столичные воробьи. Такіе-же маленькіе, съ виду такіе-же молодые, живые и наглые. Вообще, наглости въ Парижѣ не мало. Всякій воробей, питающійся навозомъ, считаетъ себя тою nation, къ которой вѣжливо и почтительно обращаются и либералы, и консерваторы, и щедринскіе «бонапартисты» всѣхъ сортовъ, тѣмъ peuple, къ которому богослужебно взываютъ радикалы. И парижскій воробей совсѣмъ забылъ, что онъ грязная и маленькая птица, и держитъ себя орломъ.

Съ такимъ подонкомъ парижскаго peuple надо держать себя строго, чтобы онъ не сѣлъ вамъ на шею, не позволилъ-бы себѣ дерзостей и не обобралъ-бы васъ. Но строгость эта никоимъ образомъ не должна быть въ русскомъ стилѣ. Горломъ и кулакомъ тутъ ничего не возьмешь. Если вы прикрикните или погрозитесь рукою (объ *отрезвляющемъ* ударѣ ужь и говорить не-

чего), вамъ придется плохо. Peuple дружень, и въ минуты когда грозитъ опасность его «правамъ гражданина и человѣка», всѣ встаютъ за одного. Права эти весьма несложны и исчерпываются правомъ не быть битымъ и поносимымъ скверными словами, но этотъ minimum уже завоеванъ и охраняется, за исключеніемъ особо важныхъ случаевъ, вродѣ разныхъ coup d'état, прочно. Ни кричать, ни битъ нельзя, а нужно быть твердымъ. Если, напримѣръ, лакей въ ресторанѣ давая вамъ сдачу, дѣлаетъ достойный видъ, будто онъ взялъ у васъ не двадцать франковъ, а десять, скажите ему строгимъ, нѣсколько горловымъ, но вѣжливымъ голосомъ: —Я вамъ далъ не десять, а двадцать франковъ, s'il vous plait.—Гарсонъ сейчасъ-же окрысится и строгимъ, нѣсколько горловымъ, но вѣжливымъ голосомъ вамъ отвѣтитъ: «Я еще не кончилъ давать вамъ сдачу, s'il vous plait; я ищу остальное въ моемъ жилетномъ карманѣ, s'il vous plait».—Не сдавайтесь, но и не впадайте въ крикъ и русскую мимику,—не сдавайтесь, подбавьте только горлового тембра и увѣренности тона и отвѣчайте: — Я не зналъ, что вы непогрѣшимы, какъ папа; я хотѣлъ исправить возможную ошибку (слово *ошибку* нетолько можно, но и слѣдуетъ иронически подчеркнуть); итакъ, продолжайте искать въ вашемъ жилетномъ карманѣ, s'il vous plait.—Гарсонъ сейчасъ-же сбавитъ горлового тембра, увидѣвъ, что вы не изъ мягонькихъ и не изъ дурачковъ, и не обсчитаетъ васъ.

Такъ въ Парижѣ «резонятся». И какъ это далеко отъ русскаго «разговора» (ты у меня не разговари-

вай!)... Я, грѣшный человѣкъ, держусь того мнѣнія, что ссора приличная лучше ссоры неприличной, и что назвать трактирнаго лакея непогрѣшимымъ папой лучше, чѣмъ помянуть худомъ его родителей. Поклонники *сути*, *нутра*, *подоплеки* будутъ противъ меня, но я буду настаивать на томъ, что форма вовсе не такъ ужь отдѣльно существуетъ отъ содержанія, чтобы такъ-таки на содержаніе совсѣмъ и не вліять.

По сказанному рецепту боролись мы за существованіе съ первыхъ-же шаговъ въ Парижѣ: и съ носильщиками, испитыми, съ наглыми глазами, неподвижно, но недоброжелательно васъ созерцающими, въ синихъ блузахъ и удивительныхъ шапкахъ, не то кэпи, не то фригійскихъ колпакахъ; и съ таможенными солдатами, перерывшими у насъ весь багажъ; и съ извощиками, бритыми, сытыми, толстыми и удивительно самодовольными, послѣ успѣха ихъ недавней стачки, господами, въ хорошихъ пиджакахъ и разноцвѣтныхъ лощеныхъ цилиндрахъ. Но самая трудная задача предстояла впереди: отыскать квартиру.

Мы выѣхали изъ-подъ стекляннаго потолка, которымъ накрытъ дворъ Сѣвернаго вокзала, и насъ принялъ въ себя Парижъ. Мы медленно и почти безшумно катились по торцовой мостовой широкой улицы, обсаженной платанами. Нижній этажъ домовъ сплошь состоитъ изъ зеркальныхъ оконъ, безъ которыхъ тутъ не обходится послѣдняя пивная лавчонка. На тротуарахъ густые ряды пѣшеходовъ, то и дѣло перебѣгающихъ черезъ улицу. Между ними очень много женщинъ, въ

черныхъ платьицахъ и простоволосыхъ. Черныя платья вошли въ моду послѣ франко-германской войны, когда Франція надѣла трауръ, и съ тѣхъ поръ удержались въ низшихъ классахъ парижскаго населенія. Нижніе этажи блещутъ зеркальными стеклами и позолотой внутренней отдѣлки магазиновъ и кафе, но дома и вывѣски очень просты. Вывѣски безъ всякихъ «картинъ», а только съ одними надписями, притомъ не вычурными, а самыми простыми, «печатными» буквами; а дома безъ лѣпныхъ украшеній, безъ каріатидъ и колоннъ, но все-таки изящные. Улицы заняты ѣдущими экипажами, упомянутыми выбритыми à la Наполеонъ Великій извощиками и многочисленными омнибусами, кондуктора и рожки которыхъ вопятъ плачущимъ, ослинымъ крикомъ.

Мы ѣдемъ цѣлой процессіей, въ двухъ экипажахъ: впереди—я вмѣстѣ съ нашимъ «благодѣтелемъ», И. Е; позади—нашъ дорожный знакомый, русскій земецъ изъ черноземныхъ странъ, который, по его словамъ, бѣжалъ въ Парижъ потому, что не хотѣлъ повѣситься у себя дома, вслѣдствіе непріятностей, которыми его доняло его кулацко-купеческое земство. Сначала мы останавливаемся у Hôtel Moderne, который роздалъ намъ свои рекламы на французской границѣ. И. Е. выходитъ и справляется насчетъ комнатъ. Съ нимъ разговариваютъ черезъ плечо, какъ навѣрно ни съ кѣмъ не разговариваетъ «monsieur Carnot». Ни одной комнаты нѣтъ.

— Такъ зачѣмъ-же вы раздаете рекламы и зазываете къ себѣ, s'il vous plait?!

— Потому что мы отпечатали рекламу въ пятидесячи тысячахъ экземпляровъ и обязали нашихъ агентовъ непремѣнно все роздать, s'il vous plait.

— Чтобы васъ чортъ побралъ, s'il vous plait! ворчимъ мы про себя и обращаемся къ кучеру:—Въ Maison Dorée, s'il vous plait.

Извощикъ, слѣзшій тѣмъ временемъ съ козелъ и заболтавшійся подъ тѣнью платана (онъ-же пушкинскій и лермантовскій чинаръ) съ извощикомъ нашего земца, оканчиваетъ начатую бесѣду, подходитъ къ козламъ, заноситъ ногу, чтобы взлѣзть на нихъ, потомъ мѣняетъ намѣреніе, возвращается къ собесѣднику, еще минутъ пять бесѣдуетъ и только тогда окончательно принимаетъ бразды своей худой клячи (она, бѣдная, не участвовала въ стачкѣ) и двигается дальше. Въ это время къ экипажу земца подходитъ нищая старуха и проситъ милостыни. Пока земецъ досталъ монету, старуха отстала и только вслѣдъ умоляюще смотритъ и машетъ рукой.

— Дайте я ей передамъ! на чистомъ русскомъ языкѣ говоритъ какой-то маленькій мальчуганъ, беретъ деньги и отдаетъ ихъ старухѣ.

Земецъ удивленно смотритъ на внезапно появившагося маленькаго соотечественника; тотъ издали дѣлаетъ ему знаки, что, молъ, передалъ, и исчезаетъ въ толпѣ.

Maison Dorée. Та-же исторія. Разговаривать разговариваютъ, но комната имѣется только одна. И. Е. могъ-бы занять ее и успокоиться, но онъ жертвуетъ собою намъ и велитъ извощикамъ везти насъ куда знаютъ, къ чорту, къ дьяволу s'il vous plait, но только-

бы на квартиру. Извощики привозятъ. И. Е. исчезаетъ въ подъѣздѣ какого-то отеля, но сейчасъ-же появляется вновь.

— Вертепъ! объясняетъ онъ. — Тутъ не только въ переносномъ, но и въ прямомъ смыслѣ ограбятъ. Тутъ по близости Folies Bergères, кафе-шантанъ, а отель, должно быть, имѣетъ съ нимъ нѣкоторую связь.

Мы начинали унывать. Шестьдесятъ часовъ пути давали себя чувствовать. Смертельно хотѣлось вымыться, смертельно хотѣлось раздѣться и хоть на минуту вытянуться. О, «peuple»! о, «nation»! развѣ ты не умѣешь сострадать? Пріюти насъ, вымой и успокой. Въ ветхозавѣтныя времена, пишется, съ путниками обращались гуманнѣй.

— Куда-же теперь? спрашиваемъ нашихъ cochers.

— Куда угодно: Парижъ городъ большой.

— Развѣ вотъ напротивъ попробовать? уныло совѣщаемся мы между собой, увидѣвъ вывѣску «меблированныхъ комнатъ», съ очень скромнымъ входомъ.

Мы попробовали—и остались. Нашлись три комнаты въ шесть шаговъ длины, четыре шага ширины, аршина въ четыре высоты. Стоитъ это пять франковъ, то-есть около двухъ рублей въ сутки, не считая свѣчей, постельнаго бѣлья, утиральниковъ, чистки сапогъ, услуги, спичекъ и, кажется, тоже не считая стѣнъ, пола, потолка и лѣстницы. При комнатѣ есть передняя (аршинъ ширины и полтора длины). Мебель состоитъ изъ вещей, дѣланныхъ по заказу лилипутовъ, но не взятыхъ заказчиками, и изъ монументальной, не только двухъ-, но

трехъ-спальной кровати. Во всей западной Европѣ только нищіе не имѣютъ монументальныхъ кроватей. Что это? Культъ семьи? Культъ домашняго очага? Культъ любви? Я думаю, и то, и другое, и третье. И, конечно, это лучше, чѣмъ отсутствіе всякаго культа, а тѣмъ болѣе лучше культа «ракитоваго куста» и «темной ночки», о которомъ въ Россіи даже барышни романсы поютъ.

Какъ три года тому назадъ, мнѣ и знакомымъ читателю моихъ писемъ изъ Италіи и Египта, Инглезе и Адвокату, не позволялъ лѣниться профессоръ Аристотель, такъ теперь меня и земца подбадривалъ И. Е. Лишь только мы вымылись и пріодѣлись, онъ повелъ насъ на «бульвары».

Бульвары, бульвардье, бульварныя кафе, бульварныя газетки и кокотки,—про это слышалъ сто разъ каждый россіянинъ, но воображаетъ ихъ каждый по-своему. Одинъ думаетъ, что это московскій бульваръ, то-есть, баррикада, препятствующая переходу и переѣзду съ одной стороны улицы на другую. Другой полагаетъ, что это губернаторскій садъ, гдѣ устраиваются лотереи въ пользу пріютовъ. Третій, съ воображеніемъ менѣе чистымъ, рисуетъ себѣ на бульварахъ сплошныя процессіи полу-обнаженныхъ красавицъ. Газетный корреспондентъ изъ Закамчатска видитъ иногда во снѣ, будто на бульварахъ стоятъ 950,000 подписчиковъ «Petit Journal», каждый съ экземпляромъ своей газеты въ рукахъ, и всѣ читаютъ послѣднія политическія извѣстія и руководящую статью. Россіянинъ изъ робкихъ видитъ бульвардьеровъ въ образѣ шикарнѣйшихъ

парикмахерскихъ подмастерій изъ французской цирюльни, которые шаговъ пять пройдутъ спокойно, а на шестомъ кого-нибудь вызовутъ на дуэль.

И. Е. шелъ впереди,—впечатлительный художникъ былъ уже охваченъ нервной парижской атмосферой,—мы едва поспѣвали за нимъ.

— Ну что, каковъ Парижъ? спрашиваю я земца.

— Ничего, какъ будто легче стало.

— Чѣмъ легче?

— Да не «задумываюсь» больше. Гораздо легче.

— Чего-же «задумываться»-то?

— Я и самъ не знаю, чего. Ужь очень меня въ уѣздѣ затравили, кто чѣмъ могъ. кто доносами, кто сплетнями, кто ядовитымъ разговоромъ... Въ Одессѣ доктора сказали, что душевной болѣзни у меня нѣтъ и велѣли разсѣяться, съѣздить въ Парижъ. Какъ будто и дѣйствительно легче...

Бульваръ былъ въ двухъ шагахъ отъ насъ: электрическіе синеватые и золотистые огни, зеленый навѣсъ платановъ, сплошная толпа пѣшеходовъ на тротуарахъ и сплошная вереница экипажей на улицѣ. Бульвары оказались широкими улицами, съ широчайшими тротуарами, высаженными деревьями: вязомъ, каштанами, айлантомъ и платаномъ.

— Да что у нихъ табель сегодня, иллюминація что-ли? воскликнулъ земецъ.

По улицѣ катятся экипажи и уносятъ неумолчно кричащихъ кондукторовъ омнибусовъ и кучеровъ, которые то направо, то налѣво перекидываются словеч-

ками съ публикой, съ продавцами газетъ и съ своей братіей, кучерами и кондукторами. Иногда они ругаются, но ругаются литературно, не такъ какъ наши газеты: иногда острятъ, иногда просто дѣлаютъ солидныя замѣчанія, что, молъ, не слѣдуетъ неосторожно лѣзть подъ лошадей, или что «Café Madrid» сегодня поступаетъ глупо, вывѣсивъ электрическій фонарь, безъ матоваго стекла, который непріятно рѣжетъ ему, извощику, глаза. Эти отрывистые голоса и замѣчанія не умолкаютъ.

На тротуарахъ голоса звучатъ равномѣрнѣе и рѣчи текутъ плавнѣе. Передъ кафе нижнихъ этажей, залитыми позолотой и золотистымъ свѣтомъ эдисоновскихъ лампочекъ, рядовъ въ пять стоятъ стулья и столики, занятые страшными бульвардьерами и обольстительными кокотками. Тѣ-же бульвардьеры и кокотки сплошной толпой идутъ по свободной части тротуара. Ходятъ здѣсь необыкновенно ловко. Кажется, всѣ спѣшатъ, всѣ заболтались, «рукй» не держитъ никто, встрѣчныя толпы не разминаются, а лѣзутъ одна сквозь другую; между тѣмъ, никто васъ не толкнетъ ни разу и не наступитъ на ногу. Особый даръ ходить въ толпѣ имѣютъ эти парижане! Нечего дѣлать, и мы стали лавировать, болтать, дѣлать жесты и никого не толкать.

— А вѣдь, ей-Богу, легче! повторялъ земецъ.—Только они, кажется, на мой счетъ начинаютъ острить, прибавилъ онъ, но не обижаясь, а благодушно.

Обижаться въ самомъ дѣлѣ было нечего, хотя надъ земцемъ дѣйствительно острили. Острили, какъ дѣти, надъ парусинной его фуражкой уѣзднаго фасона, съ ка-

кой-то сиротливой черной пуговочкой на макушкѣ,—незлобиво, съ добродушными улыбками и дружно. Гдѣ ни появится сирота-пуговка, тамъ ближайшая толпа, какъ подсолнечники къ солнцу, повернется къ ней всѣми своими мужскими и женскими лицами, замѣчанія и остроты перелетаютъ съ устъ на уста, и всѣ улыбаются съ такимъ видомъ, что, молъ, спасибо за пуговку: веселѣй стало. У насъ-бы сейчасъ начали вслѣдъ ухать, а кто поостроумнѣй, такъ и хлопнулъ-бы по пуговкѣ сразмаху ладонью и, съ крикомъ: «не выдавай, ребята!»—скрылся-бы въ толпѣ.

Толпа на видъ была «господская», въ черныхъ сюртукахъ, сѣренькихъ пиджакахъ и шляпахъ-«котелкахъ», но «господъ», въ нашемъ смыслѣ, тутъ, навѣрно, и одного процента не было. Все это мелкіе приказчики, дворники, извощики, контористы, маленькіе чиновники, солдаты. Женщины почти сплошь кокотки, — небольшія, мелкія женщины, одѣтыя въ скромныя платья. Кто изъ нихъ помоложе, тѣ какъ будто и веселы. Постарше — ходятъ угрюмо и устало, съ какимъ-то трагическимъ выраженіемъ утомленнаго порока на каменныхъ лицахъ.

Но есть лица и еще болѣе страшныя, чѣмъ эти извѣрившіяся жрицы Венеры. Мы присѣли у одного изъ кафе, лицомъ къ улицѣ, и предъ нашими столами стали останавливаться продавцы газетъ, изображеній Эйфелевой башни, грошевыхъ портсигаровъ, запонокъ, входныхъ билетовъ на выставку. Все это субъекты, одѣтые въ дешевенькія, правда, но приличныя пиджачныя пары; но видно, что подъ пиджакомъ нѣтъ ничего. Субъекты

эти худые, блѣдные, съ ввалившимися глазами и заостренными носами. Худыя-прехудыя руки, въ которыхъ они держатъ свой товаръ, дрожатъ, а на вискахъ выступилъ потъ. Они кричатъ, видимо, изъ послѣднихъ силъ, глухимъ горловымъ голосомъ, однообразно, какъ рожокъ омнибуса, но стараются придать и своему виду, и своему голосу оттѣнокъ бравый. И слова они выкрикиваютъ бравыя. «Одинъ франкъ! кричитъ субъектъ:— описаніе башни, сдѣланное вполнѣ научно! Мой совѣтъ купить: одинъ франкъ!» — «Le Soir»! кричитъ другая машина: — «Газета имѣющая два вечернихъ изданія. Весьма интересны послѣднія политическія извѣстія! Телеграмма о путешествіи Цесаревича! Пятнадцать сантимовъ!»—«Усовершенствованный, согласно послѣднимъ открытіямъ механики, портсигаръ!»—«Билеты для входа на всемірную выставку! Пятьдесятъ сантимовъ вмѣсто франка! Огромная экономія!»—Субъекты дѣлаютъ видъ, что имъ не чужды послѣднія открытія механики, политическія комбинаціи и инженерные разсчеты строителей Эйфелевой башни. На самомъ-же дѣлѣ, эти «выкрикиватели»—паріи Парижа, наравнѣ съ кокотками, не знающіе, будутъ-ли они сегодня ѣсть и гдѣ имъ переночевать. Особенно страшенъ былъ одинъ, съ глазами сумасшедшаго, кричавшій отъ изнеможенія совсѣмъ *шепотомъ*. И. Е. впился взглядомъ въ его глаза, которые то безумно расширялись, то изнеможенно закрывались, то дико блуждали; онъ настойчиво рекомендовалъ парижанамъ завтрашній бой быковъ. И. Е. глядѣлъ на него, глядѣлъ, вздрогнулъ и отвернулся. Кто знаетъ, можетъ

быть, въ этотъ моментъ родилась новая картина этого художника, любящаго щемящія душу темы... Достоевскій тоже не пропустилъ-бы этой сцены мимо...

Первые шаги на выставкѣ.

Это настоящій кошмаръ, эта Эйфелева башня...

— Ничего не подѣлаешь, ничего! говоритъ мнѣ земецъ, идущій рядомъ. — Устроилъ дьяконъ на своей землѣ посередь самаго села на базарной площади отхожія мѣста и цѣлый мѣсяцъ не убираетъ. А вѣдь у насъ на югѣ жары стояли, — чистая холера! Я официальное предписаніе уряднику, урядникъ къ дьякону — не слушается. Я самъ къ нему. А онъ къ намъ, нѣкоторымъ образомъ, какъ на смиреніе присланъ, — прежде былъ въ губерніи,—но, понятно, не смирился, а пуще ожесточился... Вотъ-съ я—къ нему, а онъ лыка не вяжетъ. Я говорю ему: стыдно, еще образованный человѣкъ, въ семинаріи были. А онъ: «а къ кому ты по ночамъ ходишь!? Я на тебя доносъ отправлю въ явномъ развратѣ и прелюбодѣяніи!» Какъ это вамъ понравится? Ну, не слушается. Я тогда становому предписаніе—убрать немедленно разсадникъ холеры. А становой: средствъ нѣтъ. Я говорю: потомъ съ виновнаго взыщите. Отвѣчаетъ: пока взыщу, до тѣхъ поръ и средствъ нѣтъ. Да вѣдь, говорю, жарища, холера, передохнемъ! Признаюсь, накричалъ на него: нельзя-же не кричать, когда я эту холеру вотъ такъ, вотъ живою передъ собой и вижу. Обидѣлся становой. Я, говоритъ, на васъ исправнику пожалуюсь...

Такое чудовище, какъ Эйфелева башня, можетъ только во снѣ привидѣться или придти на умъ Жюлю Верну...

— И въ самомъ дѣлѣ исправнику насплетничалъ. Пріѣхалъ къ нему свидѣтельство на выѣздъ за-границу брать,—не принялъ. Я ему карточку посылаю,—назадъ вернулъ. Каково? Позвольте, вѣдь я исконный тамошній дворянинъ, помѣщикъ, два трехлѣтія былъ мировымъ и жалованье цѣликомъ отдавалъ на больницу моего села. Позвольте, я не «радикалъ» какой-нибудь, не студентикъ, мнѣ ужь, слава Богу, подъ сорокъ лѣтъ, «увлеченіями» не занимаюсь, да и не занимался. За что-же, скажите, этакій щелчокъ по носу?

Чудовище стоитъ на четырехъ ногахъ и подъ животомъ у него помѣщается площадь почти въ полторы десятины. Нога отъ ноги отстоитъ на...

— Нѣтъ, вы позвольте-съ, прерываетъ меня земецъ. Его голосъ начинаетъ дрожать, онъ разводитъ руками и идетъ, упорно глядя въ землю.—Позвольте-съ, я требую только двухъ вещей: чтобы исполняли законъ и чтобы не крали. Кажется, требованія справедливыя. И за это-то меня травятъ какъ зайца. Волостной старшина былъ у меня мерзавецъ. Я говорю: смѣнить. А они говорятъ: нѣтъ. Предводителю онъ нуженъ на земскихъ выборахъ, кулакамъ и жидамъ онъ нуженъ, чтобы кабаки открывать. У насъ земство все кулацкое, всѣ гласные—кулаки, грабители. Раскладки грабительскія, взысканія грабительскія, подряды-поставки — прямо разбой. А врачей нѣтъ, больницъ нѣтъ, бабокъ нѣтъ; а отъ одного сифи-

лиса, я вамъ скажу, народъ прямо заживо гніетъ... Что это такое?!

— Да, худо.

— Нѣтъ, я говорю, что это передъ нами такое?

— Да Эйфелева-же башня! Неужели вы до сихъ поръ ея не замѣчали?

— Признаться, нѣтъ: всю эту дребедень вспомнилъ. А сколько въ ней высоты?

— Полтораста саженей.

— Великолѣпно! Сейчасъ на нее полѣзу. Ощущеніе, знаете-ли, сильное: авось вся эта отечественная дрянь изъ головы выйдетъ.

Бѣдный земецъ полѣзъ на башню, и я, въ его отсутствіе, могъ заняться исключительно выставкой.

Прежде всего бросается въ глаза башня. Когда Эйфель представилъ свой проектъ, весь художественный Парижъ пришелъ въ ужасъ. Директору работъ выставки, Альфану, былъ доставленъ протестъ, подписанный между прочимъ такими именами, какъ Мейсонье, Гуно, Гарнье, Жеромъ, Сюлли-Прюдомъ, Сарду, Пальеронъ, Мопассанъ. Протестовавшіе говорили, что эта «фабричная труба» подавитъ своей варварской массой парижскіе памятники и зданія; что ея тѣнь «грязнымъ пятномъ ляжетъ на Парижъ». Ни Альфанъ, ни правительство, конечно, не вняли голосу ужь черезчуръ слабонервныхъ артистовъ, притомъ не потому, чтобы башня представлялась имъ чудомъ красоты, а просто потому, что воздвигнуть зданіе-страшилище, вдвое выше высочайшихъ въ мірѣ зданій, Кельнскаго собора и пирамиды

Хеопса, былъ прямой разсчетъ. И Альфанъ, и правительство, вѣроятно не читали Гоголя, но отлично знали, что публика—мичманъ Дырка, и что покажи ей палецъ—она засмѣется; только нужно, чтобы этотъ палецъ былъ въ полтораста саженей высоты. Эйфель, отличный инженеръ, съумѣлъ «разсчитать» башню такъ, что она не завалится,—ему и отдали ея постройку съ превеликимъ удовольствіемъ.

Это дѣйствительно чудовище, дѣйствительно кошмаръ! На четырехъ нѣсколько разставленныхъ ногахъ, отстоящихъ другъ отъ дружки на пятьдесятъ саженей, вздымаются колоссальныя арки, сплетенныя изъ желѣзныхъ полосъ, цвѣта ржавчины. Подъ животомъ чудовища — цѣлый садъ, почти въ полторы десятины. До вершины арокъ—двадцать пять саженей. Выше идетъ второй этажъ и кончается на высотѣ пятидесяти пяти саженей. Потомъ третій этажъ, въ видѣ трубы, подымается отъ земли на сто двадцать восемь саженей. Наконецъ, еще подъемъ, шпиль и на немъ флагъ, въ четыре сажени длиною и три сажени шириной, кажущійся снизу величиною съ носовой платокъ. Людей, которые забрались на макушку, можно различить только въ бинокль.

Верхніе этажи, если смотрѣть снизу, не производятъ впечатлѣнія: все кажется, что это лѣса, и что настоящая-то башня еще будетъ. Но *брюхо* и *ноги* поразительны. Ноги имѣютъ копыта — каменный фундаментъ, сажени въ три вышиной. Ноги растопырены, заваливаются; никогда вы не видали такого зданія,—и камень и дерево стоятъ отвѣсно, — и башня держится точно

самопроизвольнымъ усиліемъ, точно живой сказочный звѣрь. Она вся сплетена изъ узкихъ желѣзныхъ полосъ, сплетена въ непонятныхъ сочетаніяхъ и представляется чѣмъ-то совершенно новымъ и таинственнымъ, чѣмъ-то сродни подводному кораблю изъ «Восьмидесяти тысячъ верстъ подъ водою», какой-то баллистой для метанія камней въ комету, чтобы не допустить ее близко къ землѣ и не позволить надѣлать на земномъ шарѣ безпорядка; какимъ-то іероглифомъ, помощью котораго хотятъ поздороваться съ обитателями Марса, которые, по догадкѣ Фламаріона, давно уже что-то намъ предлагаютъ или чего-то у насъ просятъ, исчерчивая свою планету видимыми въ телескопъ каналами и валами. Время отъ времени чудовище слегка равномѣрно грохочетъ,— какъ-будто осторожно спускаютъ по желѣзному жолобу щебень. Это по рельсамъ, внутри его ногъ, катятся вверхъ и внизъ подъемные вагоны. Надо будетъ подняться! Подымусь! Но не сейчасъ-же; сначала надо немного попривыкнуть...

Башня и неисчислимая, шумящая, болтающая, движущаяся толпа,—вотъ что прежде всего бросается въ глаза на выставкѣ. Затѣмъ замѣчаешь не главное, а мелочи. Вотъ стоятъ рядами «возильщики», со своими трехколесными креслами, стоятъ праздно, потому-что сѣдоковъ мало. Вотъ прошелъ египетскій мальчишка, погонщикъословъ, въ синей блузѣ, до пятъ; французы на него оглядываются и говорятъ, что это черкесъ. Вотъ, куда ни взглянешь, на каждомъ шагу надпись: «Si vous toussez capsules Girodel»,—и другая: «Savon

Pears». Вотъ, отъ Сены, изъ какой-то выставочной печи, повалилъ густой нефтяной дымъ и всѣхъ ослѣпилъ и заставилъ чихать. Чихаютъ нарочно, чихаютъ громко, для потѣхи, и хохочутъ—заливаются. Дымъ поднялся и окуталъ одну сторону башни,—оттуда тоже раздаются веселые крики. Дымъ пронесло, и снова можно оглядѣться. Вездѣ, куда ни взглянешь, великолѣпныя, причудливыя зданія. Купола, башни, стѣны, къ которымъ прислонились каріатиды; вездѣ—колонны, цвѣтныя окна, во все зданіе, огромныя входныя двери, сверкающіе стеклянные потолки, крыши и купола, выложенные разноцвѣтными изразцами или расписанные золотомъ, серебромъ и красками. Невиданная архитектура, невиданные стили: древне-мексиканскій, сіамскій, перувіанскій. Вотъ пещера троглодитовъ, а неподалеку чистѣйшій Людовикъ XV. Вотъ новѣйшая колоссальная статуя республики, съ вѣткой омелы въ рукѣ, а рядомъ передъ какимъ-то южно-американскимъ павильономъ огромная уродливая жаба изъ сѣраго камня. Всѣ эти зданія и статуи занимаютъ площадь въ семьдесятъ десятинъ, но и зданія, и пространство дѣйствительно подавляются Эйфелевой башней, кажутся маленькими, и глазъ къ собственной досадѣ останавливается не на нихъ, а на этой колоссальной трубѣ.

Зданія раздѣлены просторными газонами и группами деревьевъ. Газоны содержатся изумительно. Травка на нихъ—точно шелковое шитье, и подстригается особыми машинками. Деревья и кустарники велики и тѣнисты, несмотря на то, что еще недавно, передъ выставкой,

мѣсто ею занимаемое, Марсово поле, было голой песчаной площадью.

У газоновъ, подъ деревьями, на дорожкахъ и площадкахъ, разставлены стульи и скамьи. Тамъ и сямъ на нихъ сидятъ компаніи и семейства и закусываютъ провизіей, принесенной съ собою. Это люди изъ самыхъ скромныхъ слоевъ общества. Ѣдятъ серьезно, а поѣвши—еще серьезнѣй ходятъ по выставкѣ: сейчасъ видно, что больше одного раза имъ на нее собраться не придется. Но видно также и то, что они рѣшительно не стѣсняются показывать это и завтракать своимъ хлѣбомъ, кускомъ колбасы и стаканомъ кислаго вина у самыхъ дверей самаго шикарнаго ресторана. Да ихъ никто и не замѣчаетъ, и не обращаетъ на нихъ вниманія: тутъ нестѣсняющійся и несмущающійся peuple—явленіе обычное и старое.

Изъ высшихъ слоевъ парижскаго общества никого не видно. Этимъ выставка уже пріѣлась и надоѣла, вмѣстѣ съ минувшимъ сезономъ, отъ котораго они бѣжали въ деревни и на берегъ моря, вывѣтривать угаръ прошлой зимы. Они вернутся осенью; тогда-же соберется и иностранное «хорошее общество», когда лѣтнія удовольствія на лонѣ природы будутъ исчерпаны, а жары въ Парижѣ спадутъ. Теперь, въ концѣ іюня, выставку наполняетъ парижскій peuple и скромные иногородные и иностранные люди. Ходятъ, изумляются, восхищаются, ахаютъ, и многіе, отъ полноты душевной, гдѣ-нибудь въ закоулкѣ, нѣтъ-нѣтъ да и поцѣлуются или обнимутся. Этими послѣдними дѣлами занимаются новобрачныя па-

рочки, съѣхавшіяся сюда со всѣхъ концовъ вселенной и говорящія на всевозможныхъ языкахъ, но, конечно, однѣ и тѣ-же рѣчи.

Сдѣлаемте, однако, бѣглый осмотръ зданіямъ выставки. Конечно, мы ничего не поймемъ, но все-таки сдѣлаемъ тотъ «первый шагъ», именемъ котораго я озаглавилъ это письмо.

Вотъ мы идемъ павильонами и между павильоновъ южно-американскихъ республикъ. Они роскошны; республики захотѣли показать себя на республиканской выставкѣ, да и Франція отвела имъ лучшее и видное мѣсто. Чили, Перу, Аргентина, Боливія, Эквадоръ, Никарагуа, Венецуелла, Мексика. Всѣ онѣ выставили кожи, пшеницу, соломенныя шляпы, мокассины — и проекты памятниковъ своимъ великимъ людямъ. Великихъ людей тамъ оказывается неисчислимое количество. Особенно счастлива на нихъ Мексика, которая собирается воздвигнуть колоссальный монументъ Кукухтемоку, Коатлахуаку, Какамѣ, Тетлепанкветцалю, Коанакоху и «всѣмъ воинамъ, геройски защищавшимъ свою родину отъ испанцевъ въ 1521 году». А надписи на памятникѣ — на испанскомъ языкѣ!

Вотъ «Изящныя Искусства». Картины, картины, картины; статуи, статуи, статуи,—до тѣхъ поръ, пока не начинаетъ кружиться голова и дрожать ноги. Статуя Мирабо,—и вдругъ крикъ: «Vive Mirabeau, à bas Ferry!» Статуя заснувшей вакханки и два грудныхъ фавника, которые подрались изъ-за груди, — и звонкій дѣвичій крикъ, пополамъ съ восхищеннымъ смѣхомъ: «Maman, vite, vite! Посмотри, какая прелесть, эти ребятишки»!

Вотъ мы попали въ «Главный дворецъ» и часа полтора бродимъ по безконечнымъ галлереямъ, наполненнымъ мануфактурными произведеніями странъ всего земнаго шара, пока, наконецъ, не попадаемъ въ залу машинъ, занимающую восемъ десятинъ, безъ подпоръ и колоннъ. Это стоитъ Эйфелевой башни! Что происходитъ тутъ, сразу нельзя ни разобрать, ни описать. Представьте, что вы попали въ густое облако комаровъ, которые «толкутся» передъ дождемъ, — только комары эти ростомъ съ носорога. Все гудитъ, свищетъ, машетъ, опускается и подымается, кружится и развертывается. И все это—несокрушимыя сталь и желѣзо; всѣ эти движенія разсчитаны до точности тончайшаго волоска; всѣ эти движенія полезны и кормятъ людей точно такъ-же, какъ черноземныя степи Россіи и Америки или моря и океаны, съ ихъ неисчислимыми стадами рыбъ. Богъ создалъ землю, воду и человѣческій разумъ, а разумъ создалъ машину. И только одной машины онъ никакъ не можетъ выдумать, — машины, которая дѣлала-бы счастье...

Письмо II.

На выставкѣ построено огромное каменное зданіе цилиндрической формы, напоминающее своимъ видомъ цистерны для керосина, величиною съ трехъ-этажный домъ. Тамъ два предпріимчивыхъ фантазера-француза (каковы и всѣ французы: предпріимчивые и фантазеры), messieurs Villard Cotard, помѣстили глобусъ-чудовище, діаметръ котораго равняется пяти саженямъ съ третью и который важно и медленно вертится вокругъ своей оси. Глобусъ-чудовище представляетъ собою точный портретъ нашего земного шара въ скульптурѣ, уменьшенный въ милліонъ разъ. Еслибы съ земнымъ шаромъ приключилась какая-нибудь планетная апоплексія и онъ развалился-бы, послѣ него останется точное его изображеніе, на утѣшеніе потомкамъ.

Портретъ такой, чтобы тамъ ни говорили Гартманъ, Шопенгауеръ и К°, все-таки довольно важной особы, какъ земной шаръ, можно осмотрѣть за одинъ франкъ. Въ счетъ того-же франка васъ подымаютъ въ подъемномъ шкапу на самый верхъ и тамъ выпускаютъ. Вы видите передъ собою темя земного шара. Какая она, однако, большая, наша планета, даже и уменьшенная

въ милліонъ разъ! Тутъ мы можемъ представить себѣ и дѣйствительные размѣры земли: чтобы помѣстить ее подъ крышу, нуженъ домъ въ три милліона этажей; за входъ нужна плата въ милліонъ франковъ, т. е. 400,000 рублей; подъемная машина шла-бы до верху милліонъ минутъ, т. е. 12 лѣтъ, на обозрѣніе-же планеты, если ея портретъ мы осмотрѣли въ пятнадцать минутъ, пришлось-бы потратить стовосемьдесятъ лѣтъ. Не вѣрьте поэтому тѣмъ, кто утверждаетъ, будто объѣхалъ «весь свѣтъ».

Да, читатель, большая наша планета. Мы созерцаемъ ея темя. Какъ близко къ нему, къ сѣверному полюсу, наша Европа! Она у земного шара гораздо выше лба, если считать, что экваторъ проходитъ черезъ кончикъ носа. Какой далекій, далекій сѣверъ эта Европа! И какъ невелика разница, если сразу обнимать взглядомъ весь шаръ между Сициліей, напримѣръ и Архангельскомъ. И Сицилія, и Архангельскъ, оба сравнительно съ Африкой, которая тамъ, далеко на югѣ, въ настоящемъ теплѣ, и которая видна вотъ отсюда-же сверху,—оба затерялись совсѣмъ у холоднаго полюса.

Спускаемся ниже по спиральному отлогому помосту. Европа остается все дальше на сѣверѣ, все становится меньше. Колоссальный шаръ медленно вращается, выставляя все новые свои бока, и мы мало-по-малу убѣждаемся, что нетолько Европѣ, но и остальнымъ частямъ свѣта особенно гордиться нечѣмъ. Оказывается, что всѣ эти Африки, Азіи, Америки,—въ свой чередъ тоже довольно скромные острова, потонувшіе среди неизмѣримыхъ океановъ. Человѣкъ говоритъ, что царь земли—онъ. Но

гораздо справедливѣй, что на нашей планетѣ царствуетъ самая сильная акула въ Тихомъ океанѣ. Чего ей бояться, тихоокеанской акулѣ? Воды, огня, бури? Возмущенія оскорбленныхъ и униженныхъ, еще не посоленныхъ селедокъ? Укушенія бѣшеной собаки? Газетнаго пасквиля? Отставки безъ прошенія? Европейской войны?

Какъ-бы тамъ ни было, европейскій человѣкъ, если и не царь земли, во всякомъ случаѣ царь людей. Его маленькая Европа, затерянная на далекомъ сѣверѣ, среди холодныхъ морей, съумѣла завоевать себѣ все остальное человѣчество, а крошечная Франція, примостившаяся на самомъ краешкѣ маленькой Европы, уже не силой, а, что еще удивительнѣй, добромъ заставила человѣчество посѣтить Парижъ, посѣтить его выставку и говорить о ней цѣлыхъ полгода, неумолкая и во всѣхъ углахъ земного шара.

Вотъ каковы Франція и выставка! Приглашаю читателя отправиться со мною на башню Эйфеля, откуда мы увидимъ выставку какъ на ладони, да и не только выставку, но и весь Парижъ, и Францію, вокругъ него на разстояніи девяноста верстъ.

Башня Эйфеля.

Читатель помнитъ, что я представилъ въ выставочную «дирекцію иностранной печати» просьбу о выдачѣ мнѣ даровой входнаго билета. Пошла волокита! Не даромъ Франція пользуется репутаціей страны, страдающей бюрократизмомъ и регламентаціей. Прошла цѣлая недѣля, пока Direction du service de la presse étrangére списы-

валась съ Ministère du Commerce del'Industrie et des Colonies, и когда, наконецъ, я получилъ по почтѣ билетъ, въ сопровожденіи слѣдующаго письма:

«Monsieur et honoré Confrère,

«Conformément à la demande adressée par vous j'ai l'honneur de vous adresser ci-jointe la carte temporaire pour laquelle vous avez été inscrit par le Comité.

«Agréez etc.

«Le commissaire général de la Presse étrangère, Berardi».

Мой новообрѣтенный confrére, г. Берарди,—редакторъ извѣстной «Indépendance Belge». Confrère препочтенный.

Выдача мнѣ билета за входъ была большой любезностью. Еще мѣсяцъ тому назадъ публиковали, что дальнѣйшая выдача билетовъ окончательно безусловно прекращена. Только моя принадлежность къ русской національности и русской печати дала мнѣ право на исключеніе. Несмотря на то, билетъ и любезность никакой пользы мнѣ не принесли, кромѣ сбереженія $17^1/_2$ копѣекъ въ день, которыя иначе пришлось-бы платить за входъ. За все прочее я платилъ точно такъ-же, какъ и другіе не имѣвшіе чести представлять своихъ фотографическихъ карточекъ ни дирекціи прессы, ни министерству торговли промышленности и колоній. Въ панорамахъ я платилъ, въ павильонѣ акварелей платилъ, въ отдѣленіи пастелей платилъ, въ яванской деревнѣ платилъ, на Эфелевой башнѣ платилъ. Насчетъ этихъ «дополнительныхъ» платъ

французы—большіе мастера. Право посѣщать ресторанъ печати и пользоваться кабинетомъ для чтенія и работы также оказалось мало полезнымъ. Ресторанъ—плохой и дорогой. Въ «кабинетѣ» читать нечего, потому-что главныя редакціи высылкой туда своихъ изданій пренебрегли; работать тоже неудобно, по причинѣ шума, производимаго молоденькими репортериками, которые заходятъ туда не для писанія, а для важности. Впрочемъ, любезность остается любезностью, и я пользуюсь случаемъ, чтобы выразить здѣсь мою искреннюю признательность и дирекціи иностранной печати, и, въ особенности—и безусловно,—г-ну Делину, извѣстному здѣсь переводчику русскихъ писателей, который былъ моимъ руководителемъ и въ дирекціи, и на выставкѣ, и вообще въ Парижѣ.

Взобраться на башню Эйфеля по лѣстницамъ почти невозможно: въ нихъ 1792 ступени. Однажды я сошелъ только со второго этажа на первый, и то дня два ломило ноги такъ, точно я безъ привычки сдѣлалъ верхомъ верстъ пятьдесятъ. Нужно, стало быть, садиться въ подъемную машину. Съ низу на первый этажъ эта машина, изображающая собою хорошій желѣзнодорожный вагонъ, идетъ наклонно, внутри одной изъ ногъ башни. Эта нога—густой лѣсъ желѣзныхъ полосъ, которыя перекрещиваются, тянутся параллельно, преграждаютъ другъ-друга, подпираютъ, или наоборотъ, держутъ одна другую на вѣсу. Въ этомъ лѣсу почти темно. Во время движенія въ просвѣты глазъ кое-что успѣваетъ схватывать и вы видите, что внизу зеленые газоны, люди, потомъ фонтаны и деревья, потомъ зданія становятся

все меньше, а сами вы точно пухнете и раздуваетесь въ гиганта. Вамъ начинаетъ представляться, что вашъ глазъ уже съ тарелку величиной, а въ вашей горсти умѣстится порядочный пучекъ тѣхъ человѣчковъ, которые ходятъ тамъ, внизу... Вагонъ остановился,—первый этажъ. Вы на высотѣ двадцати-семи саженей, на площадкѣ, занимающей тысячу квадратныхъ саженей. Обойти ее по внѣшней галлереѣ, займетъ не мало времени. Тутъ помѣщаются, по четыремъ сторонамъ, четыре большихъ ресторана, изъ которыхъ одинъ будто-бы русскій, хотя въ немъ русскаго только двуглавые орлы, безъ коронъ, однако. Другой ресторанъ эльзасскій, гдѣ прислуживаютъ весьма веселыя для угнетенной націи лотарингскія и эльзасскія дѣвицы и дамы, въ огромныхъ черныхъ чепцахъ, въ видѣ бантовъ. Тамъ и сямъ разбросаны балаганчики и будочки, буфеты, торговля бездѣлушками, кассы подъемныхъ машинъ. Толпа толчется какъ на ярмаркѣ, и у ascenseur'овъ уже образовались длинные «хвосты» публики. На первомъ этажѣ есть и еще галлереи, внутреннія, такъ-какъ площадь сплошь не замощена и оставлена огромная дыра, въ которую видно все, что подъ башней. Сюда слѣдуетъ заглянуть непремѣнно. Что такое! На чемъ это мы съ вами держимся!?. Ноги башни разставлены врозь, и вы видите только ту, которая прямо противъ васъ. Она идетъ вкось, огромная, толстѣйшая, какъ колокольня, сплетенная изъ какихъ-то красныхъ лентъ. Вверху направо и налѣво отъ нея вы видите отрѣзки арокъ, продолженіе которыхъ заслонено отъ васъ помостомъ, на которомъ

вы повисли въ воздухѣ. Престранное зданіе, какихъ еще никогда на свѣтѣ не бывало! Внизу снова маленькіе люди, съ маленькими головами, маленькими ручками и ножками; вамъ снова кажется, что глаза у васъ съ шапку. Но вы взглядываете вверхъ—и вы сами превращаетесь въ букашку. Вверхъ стремятся четыре ноги башни. Онѣ выпрямляются и почти сходятся у второй платформы. Здѣсь башня уже пріобрѣтаетъ стройность и летитъ въ высоту. Вонъ, подымается ascenseur. Вы знаете его настоящую величину, а между тѣмъ онъ кажется канарееѣчной клѣткой. Вонъ, вокругъ средняго круглаго стержня ноги обвита лента,—а между тѣмъ изъ-за верхняго края ленты видны человѣческія головки: лента—перила винтовой лѣстницы.

Садимся снова въ подъемный вагонъ, съ такими-же лавками, какъ и въ первомъ. Двинулись. Сначала насъ отвалило на спину, потомъ нагнуло впередъ—дамы вскрикнули—и такъ потащило наверхъ. Снова лѣсъ желѣзныхъ полосъ, снова ощутительное уменьшеніе всего, что осталось внизу, и снова ощущеніе собственнаго величія. Такъ оно и при возвышеніи въ переносномъ смыслѣ бываетъ.

На второмъ этажѣ подъ вами уже пятьдесятъ-четыре сажени, и вы на площадкѣ въ двѣсти квадратныхъ саженей. Отсюда вы уже видите весь Парижъ, построенный въ котловинѣ, окруженный холмами и перерѣзанный граціознымъ зигзагомъ небольшой Сены. На плотформѣ—зачѣмъ-то булочная, «Вѣнская булочная», и редакція и типографія особаго изданія «Figaro», выходящаго на башнѣ. Булочная дѣлаетъ рекламу себѣ, «Figaro»—и

себѣ, и башнѣ. У особаго оконца газеты «хвостъ»: это честолюбцы второй платформы вносятъ свои имена въ списокъ, который затѣмъ печатается газетой. Стòитъ заглянуть въ этотъ списокъ, потому что многіе не довольствуются одною подписью, а еще и присоединяютъ къ ней «краткія размышленія». Размышленія распадаются на двѣ группы, патетическую и остроумную. Вотъ обращики пафоса:

«О французскій геній, куда досягнешь ты въ 1989 году? Облака то скажутъ.—*Перейра Монтейро изъ Бразиліи.*

«О желѣзо! О сталь!—*Шмидтъ архитекторъ.*

«Человѣчество, какимъ ничтожнымъ ты представляешься съ этихъ эфирныхъ высотъ!

«Эйфель—желѣзо!—*Клеопсъ Пьеръ.*

«Слава мосье Эйфелю, инженеру, который съумѣлъ запечатлѣть свое имя въ сердцахъ всѣхъ.—*Матильда Борель.*

«Здѣсь вспоминалъ я всѣхъ милыхъ сердцу моему. Родственники и друзья, шлю вамъ привѣтъ, а вы, г. инженеръ, примите увѣренія въ искреннемъ уваженіи одного изъ вашихъ скромныхъ почитателей.—*Жоржъ Гуо.*

«Паскаль сказалъ, что человѣкъ—былинка. Да, но былинка мыслящая. Эйфель показалъ намъ, до чего можетъ возвыситься человѣческій геній.

«Отсюда видны долины Шампаньи. О, почему я не могу видѣть далѣе, Лотарингію, мою родину, гдѣ движутся маленькіе солдаты, которыхъ ведетъ трехцвѣтное знамя, колеблемое французскимъ вѣтромъ.—*Мари Сиркъ.*

Тутъ мы оставимъ пафосъ и перейдемъ къ обращикамъ остроумія. Этотъ переходъ облегчитъ намъ m-r Франсуа, де-Витри-Франсуа, отвѣтившій г-жѣ Мари Сиркъ слѣдующее:

«Ваше желаніе исполнить совсѣмъ легко: стоитъ вамъ только попросить у г. Эйфеля башню въ пятьсотъ саженей, а у Франціи маленькихъ солдатъ, побольше маленькихъ солдатъ.

«Граждане! Не забывайте, что съ вершины этой башни триста метровъ на васъ смотрятъ!—*Юнкеръ Сен-Сирской школы.*

«Моей ногѣ какъ будто-бы получше.—*Капитанъ Сотэ.*

«Только благодаря г. Эйфелю я наконецъ нашелъ мою тещу: оказывается она—о, удивленіе!—въ раю.

«Два счастливыхъ любовника,—это цѣлый міръ—*Эженъ и Люси.*

«Совершенно вѣрно.—*Карръ.*

«J'y suis, mais je n'y reste pas! *Эленъ Герцъ.*

Есть и еще родъ подписей, самый неинтересный: онъ касается больше дружескихъ и семейственныхъ чувствъ: «Съ высоты этой башни посылаю привѣтъ милымъ семействамъ Фоше и Брамонъ», пишетъ одинъ.—«Мысленно цѣлую папашу, мамашу, брата и Анну», начертала Фридерика Готлобъ.—«Милая жена, здѣсь такъ хорошо, что я непремѣнно приведу сюда и тебя», пишетъ кто-то.—«То-же сдѣлаю и я... когда буду женатъ», прибавляетъ другой.

«Фигаро», которому позволили расположиться на

второй площадкѣ, изъ себя выходитъ, чтобы прославить башню. Онъ дѣлаетъ это ежедневно въ двухъ своихъ изданіяхъ, большомъ и маломъ,—башенномъ; дѣлаетъ единовременно и въ «Путеводителѣ» по выставкѣ. Я уже писалъ вамъ, что парижскіе художники протестовали противъ постройки Эйфелевой «трубы». Протестъ не привелъ ни къ чему, труба поставлена,—и вотъ газета во что-бы то ни стало хочетъ изгладить непріятное впечатлѣніе не только протеста, но и дѣйствительности. Газета и изданный ею Гидъ не переставая кричатъ нетолько о колоссальности башни, но и о ея необычайной красотѣ. Они смѣло увѣряютъ, что прежніе протестанты, когда увидѣли башню, превратились въ горячихъ ея поклонниковъ. Они перечисляютъ всѣ услуги, которыя башня можетъ оказать въ астрономическомъ, метеорологическомъ и даже стратегическомъ отношеніяхъ. Эйфеля они изображаютъ мученикомъ идеи, забывая, что это мученичество весьма смягчается полутора-милліонной ссудой отъ государства, даровымъ мѣстомъ для башни и правомъ пользоваться сооруженіемъ втеченіе двадцати лѣтъ, тогда-какъ и весь вѣкъ-то башни двадцать пять лѣтъ: послѣ этого она расшатается и проржавѣетъ. Самого Эйфеля газета и гидъ изображаютъ такъ, точно тотъ уже умеръ сто лѣтъ тому назадъ и не можетъ заподозрѣть ихъ въ лести. «Г-нъ Эйфель, говоритъ гидъ,—человѣкъ средняго роста, съ необыкновенно тонкимъ и живымъ выраженіемъ лица; лицо круглое, обрамленное короткой бородкой; волоса вьются и побѣлѣли отъ трудовъ. Несмотря на знаменитость и успѣхъ, ученый

остался такимъ, какимъ былъ въ молодости, скромнымъ, терпѣливымъ, грустнымъ,—точно его мысли парятъ гдѣ-то тамъ, далеко, точно онѣ стремятся все выше и выше...» Интересно, что такія рекламы, пафосъ которыхъ, очевидно для всѣхъ, шитъ золотой ниткой, дѣйствуютъ на французовъ. Французъ—это эхо патетическихъ словъ. Скажите погромче: велико, изумительно, прекрасно,—и онъ мимо своей воли отзовется: велико, прекрасно! Кромѣ пафоса, всесиленъ въ своемъ дѣйствіи на француза Почетный легіонъ. У кого есть легіонъ, или хотя-бы легіончикъ, тотъ безспорный геній. Есть у Эйфеля и легіонъ. Немедленно послѣ того, какъ гидъ сообщилъ, что Эйфель скроменъ, терпѣливъ и грустенъ, онъ прибавляетъ: «30-го марта m-r Эйфель получилъ офицерскій крестъ Почетнаго легіона. То была первая награда за выставку, и никогда не было болѣе заслуженной награды, чѣмъ эта».

Взглянемъ, однако, внизъ. Вся выставка подъ вами. Она состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ кусковъ. Одинъ, Трокадеро, зданіе и садъ выставки 1878 года,—по ту сторону Сены. Два другихъ: Марсово поле и площадь Инвалидовъ,—по эту. Трокадеро находится какъ-разъ противъ Марсова поля и соединяется съ нимъ мостомъ. Площадь Инвалидовъ связана съ полемъ узкой полосой набережной Сены, тоже застроенной выставочными зданіями. Все это—площади вовсе не малыя. Поле занимаетъ сорокъ-пять десятинъ. Площадь Инвалидовъ—девять. Трокадеро—двадцать. Набережная, соединяющая поле и площадь, тянется на протяженіи полутора верстъ.

Тутъ построена узкоколейная желѣзная дорога, по которой ѣздятъ не желающіе шагать полторы версты пѣшкомъ. Не желаетъ этого, конечно, большинство и платитъ за проѣздъ 25 сантимовъ. Желѣзную дорогу устроилъ инженеръ Дековиль. Онъ, по словамъ рекламы, тоже герой, тоже мученикъ идеи, тоже имѣетъ необычайно тонкое лицо, носитъ печать высокой грусти и Почетный легіонъ. За все это правительство дало ему возможность тоже малость «заработать» на выставкѣ, устроивъ желѣзную дорогу. Дѣло въ томъ, что Марсово поле и площадь Инвалидовъ своими концами, противоположными Сенѣ, сходятся очень близко, и нѣтъ ничего легче, какъ перейти съ поля на площадь. Вы хотите это сдѣлать но васъ предупреждаютъ, что при входѣ на площадь съ васъ снова возьмутъ входную плату 50 сантимовъ, и совѣтуютъ, чтобы избѣжать этого, сѣсть въ вагонъ дороги Дековиля, гдѣ вы заплатите только 25 сантимовъ.— «Ровно половину!» бодро и любезно прибавляетъ совѣтчикъ. Дѣйствительно, двадцать-пять составляетъ ровно половину пятидесяти; вы довольны, Дековиль доволенъ, и всѣ довольны,—въ особенности газеты и гиды, находящіеся въ дружескихъ отношеніяхъ съ грустнымъ и украшеннымъ орденомъ легіона Дековилемъ. Вдоль всего пути Дековилевской желѣзной дороги, по заборамъ, стѣнамъ и деревьямъ, сплошной полосой расклеены огромныя афиши, предупреждающія публику не высовываться изъ вагоновъ, которые бѣгутъ у самыхъ деревьевъ и зданій. Афиши—на всѣхъ языкахъ, конечно, и на русскомъ; кромѣ того, на венгерскомъ, финскомъ, арабскомъ,

персидскомъ, даже еврейскомъ,—но не на нѣмецкомъ! Такимъ образомъ, бѣдные нѣмцы иной разъ могутъ и пострадать. Но этого французамъ мало, имъ нужно, чтобы «страдали» всѣ нѣмцы безъ исключенія. Объ этомъ долженъ позаботиться Дековиль; и нѣмце-фобскія газеты требовали, чтобы онъ вывѣсилъ слѣдующее объявленіе на нѣмецкомъ языкѣ:

!Высовывайтесь какъ можно дальше!!
!!Никакой опасности!!
Дивные виды развернутся предъ вашими взорами.

Со втораго этажа башни видѣнъ уже весь Парижъ. Но поспѣшимъ выше на третью платформу, которая находится подъ самой вершиной, на высотѣ ста двадцати-восьми саженей. Снизу эта платформа представлялась намъ узенькимъ карнизомъ, маленькимъ рубчикомъ, слегка выступающимъ впередъ. Снизу, третій, самый высокій этажъ башни, казался намъ не толще обыкновенной фаббричной трубы. Теперь, когда мы сѣли въ новый подъемникъ, уже въ видѣ не вагона, а огромной коробки, безъ скамеекъ, гдѣ съ нами вмѣстѣ умѣстилось человѣкъ пятьдесятъ, мы видимъ, что башня и тутъ—все тотъ-же желѣзный лѣсъ, а мы въ сравненіи съ ней не больше божьей коровки.

На половинѣ пути мы мѣняемъ подъемную машину въ томъ мѣстѣ, гдѣ башня состоитъ изъ одной части, вертикально подымающейся вверхъ, и чрезъ минуту находимся на вышинѣ четверти версты отъ подножія башни. Что такое четверть версты, вы можете себѣ представить, припомнивъ, какой долгой она вамъ кажется, когда вы,

иззябшій и усталый, на перекладныхъ подъѣзжаете къ почтовой станціи и съ неудовольствіемъ видите, что до теплой комнаты и мягкаго дивана еще цѣлыхъ четверть версты разстоянія. Могу васъ завѣрить, что четверть версты, поставленная на дыбы, еще внушительнѣй такого-же разстоянія по поверхности земли. Карнизикъ, чѣмъ намъ представлялась снизу третья платформа, превращается въ просторный сарай, покрытый крышей и застекленный по наружной стѣнѣ. Окна съ навѣтренной стороны закрыты: иначе на этой высотѣ васъ продулобы насквозь. Каждая сторона платформы равна восьми саженямъ. Сарай вмѣщаетъ до восьми-сотъ человѣкъ. Эта публика усердно занимается тѣмъ, что пишетъ свои имена на побѣленныхъ стѣнахъ сарая. Нѣтъ живого мѣстечка, гдѣ-бы не красовались эти классическія «имена дураковъ». Разъ, говорятъ, стѣны уже перекрасили, но теперь онѣ снова совсѣмъ сѣрыя, и то не хватаетъ мѣста, и пишутъ уже поверхъ старыхъ надписей, огромными толстыми чертами. Выше публику не пускаютъ. Выше подымается четырнадцати-саженный «фонарь», гдѣ устроены помѣщенія для научныхъ наблюденій и электрическій маякъ. Оттуда-же по вечерамъ двумя огнями освѣщаютъ выставку и Парижъ, направляя снопы свѣта то туда, то сюда.

Колоссальныя зданія выставки, съ первой платформы, еще оставались зданіями. Со второй они уже превратились въ мебель. Отсюда они--туалетныя бездѣлушки. Да и самъ Парижъ, который я видѣлъ съ Notre-Dame, т. е. съ высоты тридцати саженей, и который оттуда

былъ все еще очень порядочнымъ городомъ, здѣсь превращается въ какую-то очень старую и очень грязную, вышитую свѣтло-кофейной шерстью подушку. Парижская котловина превратилась въ плоскость; улицы представляются рубчиками протершейся сквозь шерсть канвы; зигзагъ Сены—точно брошенная старая подвязка грязно-зеленнаго цвѣта. Узора на этой вышивкѣ уже нельзя разобрать. Все одинаковаго кофейнаго цвѣта, и только кое-гдѣ торчатъ какіе-то черные пучки: это вѣковые храмы и дворцы, гордость и краса Франціи и Парижа. Вотъ Лувръ, вотъ Notre-Dame, вотъ Люксанбуръ, башня Saint-Jacques. Вамъ называютъ ихъ, но вамъ смѣшно: и этимъ гордится человѣкъ, тотъ самый человѣкъ, который воздвигъ нелѣпую Эйфелеву трубу и подавилъ ею, въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ унизилъ свои лучшія созданія! Вамъ смѣшно и горько вмѣстѣ съ тѣмъ, и утѣшеніемъ служитъ только то, что труба простоитъ всего двадцать-пять лѣтъ, а Notre-Dame вѣка стояла и еще столько-же просуществуетъ. О monsieur Эйфелѣ не останется и воспоминаній, равно какъ и о Почетномъ легіонѣ, украсившемъ его грудь, и о «Фигаро», прославившемъ его выше его башни,—а память создателей Notre-Dame будетъ жить вѣчно. Конечно, придетъ время, когда и желѣзо дождется своихъ великихъ архитекторовъ и своей славы, но пока оно еще мертво, а реклама, дерзко вырывающая у славы ея трубу, своимъ грубымъ крикомъ не въ состояніи замѣнить гимна безсмертія. Люди глупы, безспорно, но человѣчество рѣдко ошибается,—заднимъ числомъ, къ сожалѣнію...

Видъ на окрестности Парижа безконечно далекъ. Окрестности представляются окрашенными въ два цвѣта: песочно желтый—это созрѣвшія нивы, и темнозеленый—это лѣса. Даль задергивается синеватой дымкой. Тамъ и сямъ бѣлѣютъ и темнѣютъ деревни и городки. Вы начинаете понимать птицъ. Онѣ дѣйствительно «вольныя». Стоитъ имъ только подняться на высоту башни, и страна на сто верстъ въ окружности превращается для нихъ въ небольшую географическую карту, разложенную у васъ на столѣ. А онѣ могутъ подняться еще вдвое, втрое выше,—вотъ и вся географія у нихъ въ карманѣ. Немного практики, и онѣ наизустъ знаютъ всю Францію. Пара сильныхъ крыльевъ, и онѣ летятъ куда хотятъ. И не нужно имъ строить башень, не нужно выпрашивать у правительства субсидій, не нужно самимъ платить субсидіи газетамъ, даже не нужно и Почетнаго легіона. Я увѣренъ, что когда человѣкъ научится летать, онъ станетъ вдесятеро лучше. А впрочемъ, вѣдь и между птицами не одни орлы да голуби, а есть и коршуны и стервятники.

Нагнемся чрезъ перила и взглянемъ внизъ на выставку.

По ту сторону Сены—дворецъ Трокадеро съ его двумя башнями. Отъ дворца по склону холма—фонтаны и резервуары воды, обставленные колоссальными бронзовыми статуями звѣрей и людей. Вечеромъ фонтаны бьютъ, резервуары по своимъ ступенямъ льютъ воду, и вода и дворецъ иллюминованы. Дворецъ окруженъ паркомъ. Во дворцѣ находятся выставки: этнографическая, гипсовыхъ снимковъ и историческій музей церковнаго

искусства. Тутъ-же собираются безчисленные во время выставки ученые конгрессы, а въ залѣ, вмѣщающей 6,000 слушателей, даются концерты. Въ паркѣ тамъ и сямъ разбросаны павильоны: общественныхъ работъ, лѣсного вѣдомства, акваріумъ, многочисленныя теплицы и оранжереи, рестораны. Цвѣтоводы и садоводы расположились, конечно, подъ открытымъ небомъ. Особенно отличились производители розъ, которые выставили 4,500 кустовъ въ 2,500 сортахъ. Налѣво, сбоку отъ Трокадеро, внѣ черты выставки, какъ частное предпріятіе, стоитъ старое зданіе, съ круглыми башнями, остроконечными крышами и шпицами. Это новенькое, но точнѣйшее воспроизведеніе Тампля, замка рыцарей ордена тампліеровъ, превращеннаго потомъ въ тюрьму, въ которой томились въ 1792—93 годахъ Людовикъ XVI и его семейство.

Трокадеро соединено съ Марсовымъ полемъ Іенскимъ мостомъ. Мостъ накрыли полотнянымъ навѣсомъ и такимъ образомъ превратили въ галлерею.

Чуть не наканунѣ выставки Марсово поле было такимъ-же ровнымъ и песчанымъ мѣстомъ, какъ и петербургскій Царицынъ лугъ. На немъ производились смотры войскъ и ученія Сен-Сирской военной школы. Теперь тутъ великолѣпные газоны, цвѣтники, пруды, фонтаны, холмики и рощи тридцати, сорока-лѣтнихъ деревьевъ, изъ которыхъ, однако, не всѣ чувствуютъ себя совсѣмъ здоровыми и благополучными.

У самой воды Сены расположены морская и рѣчная выставка, электрическая станція, выставка гидравли-

ческихъ машинъ и выставка техническихъ примѣненій нефти. Послѣдняя страшно коптитъ, чадитъ и воняетъ, что особенно чувствуютъ посѣтители Эйфелевой башни, куда часто несетъ вѣтромъ этотъ ужасный нефтяной дымъ.

Второй нитью вдоль Сены тянется исторія человѣческихъ жилищъ архитектора Гарнье, здѣшней знаменитости, представленная сорока-тремя постройками. Тутъ «нити» выставочныхъ павильоновъ кончаются и все смѣшивается въ «группы» зданій, въ которыхъ сразу разобраться трудно. Впрочемъ, виноватъ, есть и еще «нити», по остальнымъ тремъ сторонамъ четырехъугольнаго Марсова поля, но онѣ съ башни не видны, да и сойдя внизъ, мы не скоро найдемъ ихъ, за Главнымъ Дворцомъ выставки, между нимъ и оградой Поля. Здѣсь въ сѣверо-восточной сторонѣ павильонъ печати; рядомъ съ нимъ — почта и телеграфъ электрическая станція, одна изъ освѣщающихъ выставку; затѣмъ идетъ рядъ желѣзныхъ и чугунныхъ выставокъ. На юго-востокѣ—рядъ паровыхъ котловъ, которые приводятъ въ движеніе безчисленныя машины Главнаго Дворца. Юго-западная нить, самая интересная для обыкновеннаго зрителя, биткомъ набита «восточными человѣками». Тутъ восточные базары: остиндскій, китайскій и египетскій. Фасадъ послѣдняго изображаетъ собою цѣлый переулочекъ современнаго Каира. Здѣсь-же почему-то примостились и румыны со своимъ рестораномъ.

Переходимъ къ группамъ. Мы все еще стоимъ на башнѣ, лицомъ къ Сенѣ. Направо и налѣво отъ подно-

жія башни устроены маленькіе парки; направо и налѣво по небольшому пруду прихотливыхъ очертаній, по фонтану, по каскаду, по парѣ холмиковъ и лужаекъ. Тутъ деревья,—тополи и ивы—зелены и пышны. И направо, и налѣво среди этихъ парковъ расположены зданія самыхъ причудливыхъ архитектуръ. Одни напоминаютъ дворцы изъ мороженаго, которые подаютъ на купеческихъ свадьбахъ; другіе неуклюже вытесаны точно изъ сплошного параллелопипеда гранита; третьи—всѣ изъ деревянной рѣзьбы, какъ русская изба мудренаго архитектора; фасадъ четвертыхъ усаженъ разноцвѣтными стеклянными подражаніями драгоцѣннымъ камнямъ. Крыши—то въ видѣ куполовъ, на которыхъ танцуютъ густо золоченные геніи, съ эмблемами въ рукахъ; то это—зубчатыя башни, то черепичатыя и аспидныя палатки; то, наконецъ, крыши совсѣмъ нѣтъ, а вмѣсто нея по всему верху дома сплошной балконъ. Словомъ, архитектурная окрошка въ зеленой ботвиньѣ парка.

Въ лѣвомъ паркѣ размѣщены американскія республики. Вотъ ихъ причудливыя имена: Мексика, Аргентина, Боливія, Венецуэла, Чили, Перу, Никарагуа, Сальвадоръ, Уругвай, Парагвай, Гватемала. Среди республикъ не побоялась помѣститься Бразильская имперія. Тутъ-же дѣтскій театръ, карусель и, конечно, нѣсколько ресторановъ.

Въ правомъ паркѣ зданія мельче, числомъ они больше, и подвести ихъ подъ опредѣленныя группы трудно. Тутъ, прежде всего,—національные павильоны: шведскій, норвежскій, финлядскій и «ysba russe», въ которой русскій

кустарь рѣжетъ изъ дерева образки. Тутъ-же павильонъ международнаго разбойника, княжества Монако. Затѣмъ—выставка телефоновъ, продажа французскихъ и турецкихъ папиросъ, павильонъ акварелистовъ, выставка пастеллистовъ и настоящій Дворецъ Газа,—роскошный барскій домъ, гдѣ все освѣщается и огрѣвается исключительно газомъ. На главномъ куполѣ этого дворца находится самый эффектный изъ всѣхъ выставочныхъ геніевъ, посаженныхъ на крыши: весь позолоченный, съ растрепанными золотыми волосами, онъ размахиваетъ двумя факелами, которые вечеромъ пылаютъ настоящимъ огнемъ, разумѣется тоже газовымъ. Въ этомъ правомъ паркѣ—снова театръ, уже для взрослыхъ, и снова ресторанъ. Ресторанъ въ своемъ родѣ знаменіе времени. Содержитъ его Herr Kühn, причемъ Herr Kühn торгуетъ главнымъ образомъ пивомъ Herr'a Dreher'a, а между тѣмъ на вершинѣ его зданія рядышкомъ поставлены знамена французское и русское, а изъ прочихъ флаговъ и флажковъ—ни одного германскаго!

Теперь перейдемте на противоположную Сенѣ сторону башни и попробуемъ разобраться въ Главномъ Дворцѣ. Трудненько это будетъ сдѣлать, потому что домикъ этотъ покрываетъ собою площадь около двадцати десятинъ. Это центръ выставки, ея сердце. Тутъ собрано столько техническаго знанія, что дай половину его Россіи, ей не были-бы страшны никакіе нѣмецкіе фабриканты въ Польшѣ, никакіе Ротшильды въ Баку, Юзы на Дону и французы въ Кривомъ Рогѣ. Здѣсь сосредоточены такія неисчислимыя богатства, что заставь вы

вашего покорнаго слугу ихъ сосчитать, онъ отказался-бы, потому что кому-же охота считать несчислимое.

Главный Дворецъ имѣетъ форму буквы П. Верхняя перекладина этого П очень толстая. Ноги его протянуты къ намъ, къ башнѣ. Пространство внутри П занято громаднымъ газономъ, посреди котораго—четырнадцать малыхъ фонтановъ и одинъ большой скульптурный фонтанъ-каскадъ. Въ ногахъ П помѣщены,—въ лѣвой, выставка картинъ и скульптуры, а въ правой arts liberaux, т. е., ремесла, служащія наукѣ и искусству: печатное дѣло, фотографія, географическіе, геодезическіе, хирургическіе и др. инструменты и приборы; тутъ-же представлены педагогическое дѣло и исторія развитія ремеслъ и художествъ. И это еще не всѣ ноги, это только ихъ нижняя, хотя и большая, часть. Въ верхнихъ частяхъ помѣщены произведенія промышленности. Но промышленность относится уже къ «перекладинѣ», къ главной части дворца.

Эта главная часть, если смотрѣть съ нашего мѣста на башнѣ—какимъ маленькимъ кажется отсюда этотъ двадцати-десятинный дворецъ!—представляется десяткомъ книгъ, составленныхъ вмѣстѣ и такъ вмѣстѣ и поставленныхъ, корешками вверхъ. Если мое сравненіе на словахъ для васъ неясно, исполните его на дѣлѣ: возьмите нѣсколько книгъ и составьте и поставьте ихъ, какъ сказано, притомъ такъ, чтобы ваши глаза были противъ боковой доски переплета ближайшей къ вамъ книги. Выпуклые корешки,—это стеклянные потолки параллельныхъ между собою галлерей. Галлереи,—это

книги. Самая толстая изъ нихъ, этакъ какой-нибудь «карманный» справочный словарь нѣмецкаго изданія,— знаменитая отнынѣ галлерея машинъ, въ семьдесятъ саженей ширины и безъ единой подпоры посрединѣ. Остальныя книжонки, разные краткіе начатки и элементарныя понятія, наполнены всевозможной «индустріей». Галлерея машинъ—международная; здѣсь собрались всѣ страны. Галлереи индустрій хранятъ національную особенность. Больше всего мѣста заняли хозяева, французы. За ними наибольшіе отдѣлы принадлежатъ Великобританіи и Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Потомъ идетъ Бельгія. Далѣе—индустріи средней руки: австрійская, швейцарская, скандинавскихъ государствъ, нидерландская. Наконецъ, идутъ промышленности плохенькія: Испанія, Португалія, Сербія, Греція, Румынія. Египетъ, Китай и Болгарія, вмѣсто выставокъ, устроили базары. Россія занимаетъ мѣсто между плохенькими и средней руки: лучше первыхъ и хуже вторыхъ. А Японія великолѣпна и неподражаема въ производствѣ шелковыхъ матерій и декоративной посуды изъ всевозможныхъ матерьяловъ.

Сколько на свѣтѣ существуетъ индустрій, такъ это просто уму непостижимо! Даю это вамъ почувствовать перечисленіемъ ихъ: мозаика, чеканка, стекло, керамика, мебель, ковры, обойное дѣло, обои (что совсѣмъ отлично отъ обойнаго мастерства), парфюмерія, сафьянъ, часы, бронза, художественно-литейное дѣло, печное производство, руда, брилліанты, золотыхъ дѣлъ мастерство, платье, кружева, золотошвейное дѣло, шелковыя ткани,прикладъ-

вязанныя издѣлія, льняныя ткани, ткани бумажныя, ткани шерстяныя, ручное оружіе, бѣлильное дѣло, красильное, лѣсное дѣло, рыболовство, охота, кожи... Не довольно-ли? И вѣдь это только главныя подраздѣленія, которыя въ свой чередъ дѣлятся на множество разновидностей. Послѣ моего перечисленія вы, пожалуй, и поймете, что можно заполнить «индустріями» тѣ двадцать десятинъ, которыя отведены подъ Главный Дворецъ промышленности.

Тутъ мы съ Марсовымъ полемъ кончили. Изъ принадлежащихъ къ нему зданій надо назвать еще только два павильона парижской выставки, стоящіе передъ главнымъ фасадомъ. Совсѣмъ близко отъ Главнаго Дворца, черезъ улицу, помѣщаются еще двѣ искусныя поддѣлки подъ парижскую древность: Бастилія, съ прилегавшей къ ней мѣстностью, и Нельская башня. Это, равно какъ и Тампль, около Трокадеро,—отдѣльныя отъ выставки предпріятія и туда пускаютъ за особую плату, причемъ, возвращаясь назадъ на выставку, вы снова платите за входъ. Это—и шильничество, и нѣтъ. Шильничество потому, что очень ужь много наставлено ловушекъ карману публики; нѣтъ—потому, что выманиваютъ не рублями, какъ это сдѣлали-бы у насъ, а копѣйками, да кромѣ того, выставка стоила такихъ громадныхъ денегъ, что, по разсчету, должна выручать втеченіе шести мѣсяцевъ своего существованія по сту тысячъ франковъ *въ часъ*, чтобы окупиться.

Снова вернемся на сторону башни, обращенную къ Сенѣ. Направо тянется полутора-верстная Орсейская набережная, занятая исключительно сельско-хозяйственной

выставкой: во-первыхъ, продуктами хозяйства, и во-вторыхъ, земледѣльческими машинами и орудіями. Напротивъ, черезъ Сену, отдѣльно помѣщается временная выставка домашняго скота и птицъ. Скотъ и птицы, кромѣ Франціи, привезли и ближашія къ ней государства. На набережной собрались всѣ, въ томъ числѣ и Россія, кромѣ Германіи, конечно.

Орсейская набережная приводитъ насъ на площадь Инвалидовъ, расположенную противъ колоссальнаго инвалиднаго дома, построеннаго еще Людовикомъ XIV, на пять тысячъ человѣкъ. Тутъ, должно быть въ утѣшеніе инвалидамъ, устроена громадная военная выставка, исключительно французская, занимающая треть площади. На остальномъ пространствѣ—выставка французскихъ колоній: Кохинхина, Аннамъ, Тонкинъ, Алжиръ, Тунисъ, Каледонія и проч. Выставлены нетолько произведенія колоній, но и зданія и солдаты, и люди, трактиры и театры, танцовщицы и музыканты. Восточныхъ человѣковъ навезено множество, и они тутъ и хвораютъ, и плодятся, и умираютъ, какъ у себя дома,—даже еще лучше.

Вотъ мы и кончили, наконецъ, осмотръ выставки съ птичьяго полета. Но прежде чѣмъ спуститься на землю, продѣлаемъ всѣ тѣ глупости, которыя можно сдѣлать на высотѣ четверти версты и которыя дѣлаютъ тутъ всѣ. Во-первыхъ, бросимъ изъ окна развернутый газетный листъ. Въ первое мгновеніе его рвануло вѣтромъ и отнесло на большое разстояніе, а затѣмъ онъ какъ-будто остановился, трепещетъ и медленно уменьшается. Мы не

дождемся, пока онъ упадетъ на землю: его пронесетъ черезъ полъ-Парижа. Во-вторыхъ, купимъ медаль на память объ этой нелѣпой Эйфелевой трубѣ. Всѣ ее покупаютъ, всѣ вертятъ въ рукахъ и улыбаются, какъ-будто получили легіонъ или по крайней мѣрѣ легіончикъ. Медаль третьей платформы вызолочена (второй—посеребрена, а первой—бронзовая). На одной сторонѣ—изображеніе башни и нѣсколькихъ другихъ знаменитыхъ своей высотою зданій. Башня оказывается вдвое выше самаго высокаго—Кельнскаго собора. Надпись на медали говоритъ, что постройка башни начата 15-го января 1887 года, а окончена 24-го апрѣля 1889. Отъ себя прибавимъ, что стоила она шесть съ половиною милліоновъ франковъ (около $2^1/_2$ милліоновъ рублей), что ея желѣзо вѣситъ триста пятьдесятъ тысячъ пудовъ, и что одновременно башня вмѣщаетъ десять тысячъ человѣкъ, которые распредѣляются такъ: шесть тысячъ на первой платформѣ, двѣ тысячи на второй, восемьсотъ на третьей, и тысяча-двѣсти на подъемныхъ машинахъ и лѣстницахъ. На башню лѣзутъ усердно, вездѣ «хвосты», и чтобы около полудня взобраться наверхъ и затѣмъ спуститься внизъ, нужно потратить около трехъ часовъ времени.—На обратной сторонѣ медали надпись: «воспоминаніе о моемъ восхожденіи на вершину башни». Это неправда, потому-что до вершины остается еще тринадцать саженей, хорошій четырехъ-этажный домъ, но такъ-какъ васъ не пускаютъ туда не по вашей винѣ, то вы смѣло можете утверждать, что тамъ были. Въ доказательство можете показывать медаль; на которой подъ

приведенной надписью оставлено пустое мѣсто, гдѣ вы можете вырѣзать вашу фамилію.

Остается третья глупость. Но для этого нужно спуститься на вторую платформу. Отстоявъ себѣ въ «хвостѣ» ноги, проводивъ глазами нѣсколько подъемниковъ, куда попадаютъ стоящіе впереди, съ напрасной надеждой встрѣтивъ нѣсколько новыхъ появленій ascenseur'a снизу, вы наконецъ попадаете «въ штатъ» и становитесь въ подъемную клѣтку. Непріятное ощущеніе. Четверть версты, которая теперь подъ вами, престранно щекочетъ вамъ подошвы. Въ то мгновеніе, когда машина трогается внизъ, вы какъ-будто дѣлаетесь фунтовъ на десять легче. Дамамъ это обстоятельство представляется очень страшнымъ, и онѣ вскрикиваютъ. Мужчины смѣются и острятъ надъ ними. Кондукторъ мрачно косится на публику и презрительно сплевываетъ: вотъ уже три мѣсяца, разъ по тридцати на день слышитъ онъ все тѣ-же дамскія вскрикиванья и мужскія остроты.

На второй платформѣ мы совершаемъ третью глупость,—идемъ расписываться въ «Фигаро». Тутъ тоже длинный «хвостъ», и надобно ждать. Иной разъ и глупость совершить не легко. Хвостъ стоитъ, переминается, приготовляетъ въ умѣ остроты и патетическія фразы, и смотря по настроенію, или глуповато улыбается, или глуповато серьезничаетъ. Тѣ, кто собираегся вписать только одну свою фамилію, имѣютъ видъ очень дѣловой, точно берутъ билетъ для коммерческаго путешествія въ Америку. У книги записей сидитъ малый, презирающій публику еще больше, чѣмъ кондукторъ подъемника, кое-

какъ успокаивающій себя чтеніемъ газеты и не сплевывающій только потому, что буквально плюнуть некуда.

Расписались! Поздравляю! Черезъ недѣлю это будетъ напечатано. Публика, найдя свои имена и самодовольно улыбнувшись, при нашихъ именахъ пожметъ плечами: «и для этого они ѣдутъ изъ Россіи»! Мы сдѣлаемъ рѣшительно то-же самое: «и для этого они стадами собираются со всей Франціи»!

Наконецъ, мы на твердой землѣ. У ногъ башни, изъ каменныхъ копытъ которой выпускаютъ толпы возвратившихся путешественниковъ, — настоящая толкучка. Ждавшіе внизу, съ худо скрываемой подъ личиною насмѣшки завистью, разспрашиваютъ вернувшихся: высоко? видно? страшно? Вернувшіеся, у которыхъ карманы оттопырились отъ напиханныхъ туда сувенировъ башни, столь-же худо скрываютъ торжество и отвѣчаютъ: высоко, видно, не страшно. Особенно искренно утверждаютъ, что ни капельки не страшно, дамы, которыя вскрикивали и когда ascenseur трогался внизъ, и когда его дергало вверхъ, и даже когда кондукторъ со стукомъ захлопывалъ дверь.

Идемте отдохнуть. Вездѣ поставлено множество стульевъ. Не садитесь на нихъ, не потому, что къ вамъ сейчасъ-же подойдетъ почтенная дама въ чепцѣ и взыщетъ 10 сантимовъ, а потому, что вамъ нельзя будетъ ни на секунду встать: вы встали, вы садитесь снова,— пожалуйте новыхъ 10 сантимовъ, ибо вашъ билетъ дѣйствителенъ только для одного «сеанса». Иной разъ и почтенной дамы въ чепцѣ не отыщете. Ждать ее до-

садно, а уйти недождавшись непріятно: вдругъ замѣтитъ и побѣжитъ за вами черезъ всю выставку, окликая на бѣгу. На даровыхъ скамьяхъ мѣстъ нѣтъ: ихъ очень мало. На выступахъ фундаментовъ и пьедесталовъ сѣсть вамъ не позволитъ городовой: онъ блюдетъ интересы «стулопромышленниковъ». Остается отправиться въ ресторанъ. Идемте не въ отдѣльныя зданія, а въ рядъ ресторановъ, тянущихся сплошной линіей по внутренней сторонѣ гигантскаго П, образуемаго Главнымъ Дворцомъ. Тутъ—толпа, тутъ—отовсюду несется музыка ресторанныхъ оркестровъ, одѣтыхъ непремѣнно или въ русскіе или въ венгерскіе костюмы; тутъ видны фонтаны и башня. Тутъ мы можемъ разгрузить и разсмотрѣть свои сувениры: медали, чубучки, вѣера, конверты, бумажники, портсигары. Все—съ изображеніемъ башни; все это—грошовое, но оно выманило у васъ франковъ десять, да путешествіе въ подъемникахъ стоило пять. И вѣдь никто васъ къ этимъ расходамъ не принуждалъ: вы могли подняться по лѣстницамъ даромъ; для этого, вѣдь, и устроены 1,792 ступени. Это называется—умѣть дѣлать дѣла: построить башню въ два съ половиною милліона рублей, предоставить публикѣ пользоваться ею *даромъ*,—и все-таки нажить огромные барыши!

Письмо III.

Годовщина взятія Бастилі

Въ 1889 году исполнилось сто лѣтъ отъ начала того общественнаго движенія, которое привело къ коренной перестройкѣ политическихъ, гражданскихъ, отчасти и экономическихъ порядковъ Франціи. Совершилось это, къ несчастью, путемъ насилія и пролитія крови, и блага, купленныя этой цѣною, до сихъ поръ еще запятнаны зломъ, происшедшимъ столѣтіе тому назадъ. Франція, какъ лэди Макбетъ, стала королевой, но время отъ времени она бредитъ и галлюцинируетъ, она видитъ на своихъ рукахъ кровь и хочетъ смыть ее новой кровью, колоссальными внѣшними войнами или междуусобіями. Кровью пахнетъ послѣднее столѣтіе ея исторіи и могучаго прогресса.

Въ 1788 году король Людовикъ XVI, по настоянію министра финансовъ, Неккера, съ цѣлью улучшить порядки страны, преимущественно финансовое ея положеніе, созвалъ представителей сословій, духовнаго, дворянскаго и буржуазнаго. 21-го апрѣля 1789 года происходили выборы депутатовъ, по приходамъ, въ церквахъ. И тогда-же произошла первая вспышка народнаго бунта:

разграбили и разрушили домъ фабриканта обоевъ, Ревельона, который понизилъ плату своимъ рабочимъ.

5-го мая 1789 года представители сословій начали совѣщанія въ Версали, но уже 20-го іюня король заподозрилъ намѣренія собранія и велѣлъ очистить и запереть залу засѣданій. Большинство буржуазіи и духовенства перешло въ просторное помѣщеніе для игры въ мячъ (знаменитая salle du Jeu de Paume, на улицѣ Vieux Colombier, въ Версали) и поклялось разойтись только послѣ того, какъ имъ будетъ выработано новое устройство государства,—конституція. Король, въ отвѣтъ, далъ отставку Неккеру и вызвалъ въ Версаль наемныя иностранныя войска. Эта мѣра была искрой, брошенной въ порохъ. Парижское населеніе послѣдовало за противниками правительства, вооружилось и 14-го іюля поутру бросилось на политическую тюрьму, Бастилію, которую уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ ужасныхъ краскахъ описалъ въ своей книгѣ побывавшій тамъ адвокатъ Linguet. Эта книжка получила огромное распространеніе, и ненависть къ Бастиліи стала болѣе чѣмъ ненавистью, стала модой; Бастилія стала эмблемой всѣхъ бѣдъ и несправедливостей тогдашняго порядка вещей. Въ два часа дня началась осада и скоро была окончена, такъ-какъ Бастилію защищало только восемьдесятъ почти безоружныхъ инвалидовъ. Тюрьма была взята, восемь ея арестантовъ, изъ которыхъ шестеро были обыкновенные уголовные преступники, освобождены, а комендантъ Делоне, которому взорвать себя на воздухъ помѣшали его солдаты, убитъ, и голову его на шестѣ носили по Парижу.

Съ этого времени революція стала на рельсы и пошла полнымъ ходомъ. Ночью 4-го августа провозглашены «права гражданина и человѣка»: дворянство и духовенство отказались отъ своихъ привиллегій, и было признано равенство всѣхъ предъ закономъ. 5-го и 6-го октября снова вспыхиваетъ народный бунтъ. Въ Парижѣ распространился слухъ, что въ Версалѣ былъ банкетъ королевскихъ гвардейцевъ, которые поклялись вернуть старые порядки. Парижане бросились въ Версаль, ворвались во дворецъ и перевезли королевское семейство въ Парижъ, въ Тюильерійскій дворецъ.

Въ день первой годовщины взятія Бастиліи, казалось, установилось согласіе между королемъ и народомъ. Весь Парижъ собрался на Марсовомъ полѣ, вокругъ «алтаря отечества». Подъ проливнымъ дождемъ была отслужена епископомъ обѣдня, и всѣ присягнули на вѣрность новымъ основнымъ законамъ. Самъ король произнесъ слѣдующія слова: «Я, король французовъ, клянусь употреблять власть, врученную мнѣ конституціоннымъ актомъ государства, на то, чтобы хранить конституцію, установленную національнымъ собраніемъ и принятую мною».

Но пожаръ начался и разгорался все жарче. Король не устоялъ среди огня и попытался бѣжать изъ Франціи. На пути онъ былъ узнанъ и возвращенъ въ Парижъ, снова въ тюильерійскій дворецъ. Съ этого времени народъ превращается въ тирана. 10-го августа 1792 г. онъ врывается въ Тюильери и заставляетъ короля надѣть фригійскій колпакъ. Тогда монархическія

правительства рѣшаются идти на помощь поруганному королю Франціи. Извѣстіе объ этомъ вызываетъ въ Парижѣ новое нападеніе на Тюильери. Толпу ведетъ пивоваръ Сантеръ. Происходитъ ожесточенная схватка, въ которой двѣ тысячи человѣкъ легло убитыми, дворецъ былъ взятъ, а Людовикъ XVI вмѣстѣ съ семействомъ заключенъ въ тюрьму Тампль. 1792 и 1793 года—сплошь кровавые. Иностранныя войска на границахъ Франціи, и тамъ гремятъ сраженія. Внутри страны проливаютъ кровь толпа и террористы. 1-го сентября распространился ложный слухъ, будто пруссаки взяли Верденъ. Народъ бросился по тюрьмамъ за тѣми, кто будто-бы призвалъ иностранцевъ противъ Франціи. Арестантовъ рѣзали безъ разбора и пощады втеченіе цѣлой ночи 2-го сентября. 21-го января 1793 года казнятъ на площади Людовика XVI (нынѣ площадь Согласія) короля, 16-го октября того-же года королеву. Тюрьмы наполнены «подозрительными» и подозрѣнія снимаются съ нихъ вмѣстѣ съ головой. Въ одинъ годъ было 2,700 казней. Церкви заперты, христіанство отмѣнено, и взамѣнъ провозглашенъ культъ разума, а когда это оказалось черезчуръ нелѣпымъ, то, по предложенію Робеспьера,—культъ верховнаго существа и безсмертія души. Наконецъ, Парижъ пресытился кровью и хочетъ смыть ее казнью главныхъ кровопійцъ, Робеспьера, Кутона, Сенъ-Жюста, Лебà и др., 27-го іюля 1794 года.

Съ этого времени революція идетъ все тише и тише. Мѣняютъ формы и названія правительства: конвентъ, директорія, консульство,—но правительство остается апа-

тичнымъ и бездѣятельнымъ. Политическая жизнь Франціи какъ-бы сосредоточивается въ одномъ человѣкѣ, Наполеонѣ. 18-го мая 1804 года сенатъ провозглашаетъ Наполеона императоромъ. Революція кончена.

Революція кончена, но кровь все льется. Наполеонъ—весь въ крови, точно онъ хотѣлъ выкрестить себя въ ней изъ итальянца въ француза. Людовикъ XVIII приходитъ въ Парижъ по слѣдамъ иностранныхъ армій десять лѣтъ спустя послѣ коронаціи Наполеона. Шестнадцать лѣтъ спустя,—новая революція и новая трехдневная междуусобная рѣзня 28-го, 29-го и 30 іюля 1830 года, окончившаяся изгнаніемъ Карла X. 24-го февраля 1848 года революція лишаетъ трона Луи-Филиппа, а въ іюлѣ того-же года, при второй республикѣ, разражается кровопролитное трехдневное возстаніе рабочихъ. Въ ночь съ 1-го на 2-ое декабря 1851 года льетъ кровь Наполеонъ III и чрезъ годъ провозглашаетъ себя императоромъ. Войны Наполеона и коммуны были послѣдними кровавыми страницами исторіи Франціи. Съ тѣхъ поръ, вотъ уже девятнадцать лѣтъ, Франція спокойна. Обычные припадки не возвращались. Никогда еще съ 1789 года Франція не чувствовала себя здоровою такъ долго. Но на горизонтѣ уже показалась багряная туча и поднялась довольно высоко. Пронесетъ ее мимо, или нѣтъ? Эта туча—Буланже...

Воспоминанія о началѣ революціи празднуетъ Франція въ нынѣшнемъ году. Въ маѣ праздновали сотую годовщину клятвы въ Jeu de Paume. При мнѣ, 14-го іюля, происходили торжества въ честь взятія Бастиліи.

Четырнадцатое іюля этого года было рѣшено отпраздновать какъ можно торжественнѣй и шумнѣе. Во-первыхъ, сто лѣтъ. Во-вторыхъ, нѣмцамъ будетъ досадно. Въ-третьихъ, вниманіе населенія будетъ отвлечено отъ Буланже. За нѣсколько дней на заборахъ были расклеены офиціальныя воззванія къ жителямъ, въ которыхъ убѣдительно просили парижанъ какъ можно пышнѣе украситься флагами и какъ можно веселѣе танцовать вечеромъ на уличныхъ балахъ. «Надо показать всему міру!.. Пусть націи знаютъ, что Франція!.. Великій парижскій народъ!..»

Великій народъ, особой радости по случаю 14-го іюля не показалъ, но правительство и городское управленіе постарались. Сколько было истрачено воды въ фонтанахъ, газа на иллюминаціяхъ и словъ во время рѣчей, такъ это уму непостижимо. Расходы были страшные, но—французы умницы—и доходы были страшенные. Желѣзныя дороги понизили плату за проѣздъ въ Парижъ и обратно, газеты изобразили празднества 14-го іюля въ самомъ обольстительномъ видѣ,—и Парижъ переполнился иногородними и иностранцами. «Oui, le 14 juillet a beaucoup fait»,—говорилъ при мнѣ на другой день вечеромъ сосѣдъ-лавочникъ, продавецъ цвѣтовъ, сосѣдкѣ-лавочницѣ, колбасницѣ.

Офиціальная программа была слѣдующая:

Въ девять часовъ утра смотръ школьнымъ батальонамъ передъ ратушей.

Въ часъ дня утреннія представленія въ циркахъ и на садовыхъ эстрадахъ для воспитанниковъ парижскихъ школъ и даровые театры для взрослаго населенія.

Въ три часа дня смотръ войскамъ въ Булонскомъ лѣсу на колоссальной Лоншанской полянѣ, въ присутствіи президента и министровъ.

Въ девять часовъ вечера иллюминаціи на большихъ прудахъ Булонскаго и Венсенскаго лѣса.

Нѣсколько позднѣе, когда публика вернется изъ этихъ загородныхъ парковъ, фейерверки въ городѣ: въ садахъ, на выставкѣ, и иллюминація на площади Согласія.

Я и пріѣхавшій изъ Петербурга собратъ избрали школьные батальоны и смотръ, и весь день наканунѣ посвятили добыванію билетовъ въ мѣста «для представителей печати», т. е. такія, откуда мы могли-бы лучше всего разсмотрѣть нашихъ возможныхъ союзниковъ, какъ въ младенческомъ возрастѣ, такъ и въ зрѣломъ. Къ удивленію, насъ встрѣтили не особенно предупредительно. Постараюсь изобразить наши приключенія съ возможной точностью.

Наши приключенія.

Сначала мы отправились въ ратушу. Внѣшность этой хозяйки Парижа очень располагающая. Великолѣпный французскій ренессансъ, съ куполами на углахъ, съ крутыми крышами, въ видѣ палатокъ, съ мансардами, съ высокими разукрашенными трубами; и крыши, и фасадъ уставлены статуями. Старая парижская ратуша была разрушена коммунарами, но ее выстроили вновь по прежнимъ планамъ XVI вѣка Доминика Боккадоро да-Кортоно. Молодецъ былъ этотъ да-Кортоно; онъ создалъ красивѣйшее зданіе Парижа.

— Куда обратиться за билетами на смотръ школьныхъ батальновъ? спрашиваемъ подъ воротами привратника, т. е. по нашему, дворника.

— Э-э, какъ вамъ сказать, милостивый государь... Я думаю, что это относится къ компетенціи нашего муниципальнаго совѣта. Третья лѣстница налѣво, во второмъ этажѣ... Я вамъ совѣтую поговорить объ этомъ съ президентомъ совѣта,—прибавляетъ дворникъ такимъ тономъ, какъ будто президентъ его близкій пріятель. Надо, впрочемъ, сказать, что и дворникъ-то былъ парижскій: съ солиднымъ брюшкомъ, въ петлицѣ орденская ленточка, на носу pince-néz, а самъ кофе пьетъ, прихлебывая его по-благородному, и газету читаетъ.

Пошли по «третьей лѣстницѣ налѣво». Не лѣстница, а зала въ видѣ лѣстницы. Мраморъ, позолота, лѣпныя украшенія, зеркальныя окна, двери изъ цѣльнаго дуба. Куда Эйфелевой башнѣ до этой лѣстницы! Наконецъ, на матовомъ стеклѣ дверей надпись, среди арабесокъ и завитушекъ: «Муниципальный совѣтъ». Другая надпись, на бѣлой эмалевой дощечкѣ, гласитъ: «Толкайте передъ собой, s'il vous plait». Толкнули и вошли.

Мы снова въ великолѣпномъ салонѣ, въ которомъ, однако, нѣтъ стульевъ. Отсутствіе мебели заставляетъ предположить, что это простой корридоръ. Но зачѣмъ-же въ корридорѣ эти министры, высокіе, достойнаго вида старики, въ отличныхъ фракахъ, безукоризненномъ бѣльѣ, при золотыхъ часовыхъ цѣпочкахъ и съ серебряными цѣпями вокругъ шеи? Вглядываемся въ министровъ пристальнѣе и усиленно соображаемъ. Министры ходятъ

взадъ и впередъ, подложивъ руки подъ хвосты фраковъ, ходятъ какъ привязанные, все вдоль стѣны и не больше десяти шаговъ впередъ и столькихъ-же назадъ. Иногда они зѣваютъ.—Нѣтъ, это не министры: министры, въ особенности теперешніе, во Франціи не зѣваютъ, помня одиннадцатую заповѣдь и то, что долго на своихъ мѣстахъ они не держатся. Зѣвки что-нибудь да значатъ. И дѣйствительно, мы скоро обнаруживаемъ, что наши министры ходятъ каждый у своей двери. На одной двери надпись: кабинетъ совѣтника; на другой: кабинетъ префекта полиціи; на третьей: кабинетъ президента муниципальнаго совѣта. Оказывается, предполагаемые министры—то, что въ нашихъ департаментахъ называется директорскими курьерами. Каковъ-же послѣ этого долженъ быть самъ «директоръ»,—президентъ?!

Обращаемся къ курьеру президента.

— Можно видѣть г. президента.

— Онъ страшно занятъ! порывисто восклицаетъ курьеръ, изображая на лицѣ глубокое сожалѣніе къ страшнымъ занятіямъ президента, очевидно, тоже и курьеру, какъ внизу дворнику, большаго пріятеля.

Мы объясняемъ, съ какою цѣлью хотимъ видѣть президента. Во все время нашей рѣчи курьеръ морщится такъ, точно мы заставляемъ его лизать лимонъ. Вдругъ онъ прерываетъ насъ, просіявъ какъ солнце: геніальная мысль озарила его.

— Постойте! Я знаю навѣрное, что у президента билетовъ больше нѣтъ. Но... видите вы тамъ мосье Леграна?—И курьеръ показалъ вдаль.

Въ противоположномъ углу корридора стояла кучка людей, которые, очевидно, о чемъ-то просили, и какой-то человѣкъ, который, очевидно, въ чемъ-то имъ отказывалъ. Отказывающій и былъ мосье Легранъ, хотя по росту онъ былъ весьма невеликъ.

— Мосье Легранъ, продолжалъ курьеръ, все еще озаренный своей геніальной мыслью,—мосье Легранъ, надо вамъ сказать, нашъ секретарь, т. е. секретарь муниципальнаго совѣта. И онъ—курьеръ быстро нагнулся къ моему уху и шепнулъ съ лукавымъ торжествомъ:— и онъ можетъ дать вамъ билеты!

Мы подошли къ Леграну.

— А, билеты! весело воскликнулъ Легранъ: — отлично, достанете! Только вы обратились не туда, куда слѣдуетъ. Видите, около меня цѣлая толпа журналистовъ, и я отказываю, потому что у меня билетовъ нѣтъ и не было... А вы, господа, обратитесь къ мосье Дёчу.

— Кто-же этотъ мосье Дёчъ?

— А это такой толстый мосье... Да вонъ онъ!

Мы обернулись и—открыли секреты господъ Леграна и Дёча. Дёчъ, курьеръ президента, попался. Когда мы внезапно обернулись, онъ представился нашимъ глазамъ въ такомъ видѣ: онъ довольно низко присѣлъ и слегка растопырилъ руки, быстро трепеща кистями рукъ; голова его быстро качалась изъ стороны въ сторону съ отрицательнымъ видомъ, лицо снова сморщилось, какъ-бы отъ лизанія лимона. Мы изумленно и вопросительно оглянулись на мосье Леграна. Представьте, мосье Легранъ продѣлывалъ точно тѣ-же странныя движенія, что и мосье Дёчъ, точно зеркало!

Нѣсколько слѣдующихъ мгновеній были посвящены смущеннымъ покашливаніямъ, потиранію рукъ и придаванію обыкновеннаго выраженія глазамъ, которые у обоихъ мосье слегка потускнѣли отъ смущенія.

— Отчего вы не позаботились о билетахъ раньше? воскликнулъ мосье Легранъ.

— Отчего вы не позаботились за недѣлю, за двѣ? сказалъ, подойдя къ намъ мосье Дёчъ.

— Оттого, что я въ Парижѣ всего три дня, отвѣтилъ мой собратъ.

— Э, три дня? лукаво сказалъ мосье Дёчъ, и вдругъ напустилъ на себя строгость:—А между тѣмъ я васъ видѣлъ въ Парижѣ уже давно!

Мой собратъ окрысился, и по справедливости.

— Что вы, мосье, хотите этимъ сказать? воскликнулъ онъ. Мосье Дёчъ бросилъ строгость и лукавство.

— Я васъ видѣлъ на балу экспонентовъ! дружески сказалъ онъ и затѣмъ ретировался. Но мой собратъ остановилъ его:

— Потрудитесь припомнить, когда былъ балъ.

Мосье Дёчъ попробовалъ заговорить о погодѣ.

— Балъ былъ третьяго дня, настойчиво продолжалъ собратъ.

О погодѣ заговорилъ уже мосье Легранъ.

— Итакъ, милостивый государь, что вы хотѣли сказать? не отставалъ собратъ.

Нетолько оба мосье, но уже и я попытались отвлечь мысли собрата на погоду. Погода и на этотъ разъ не подѣйствовала. Тогда и у мосье Дёча, и мосье Леграна

по какому-то фокусу, точно они изъ рукава вытрясли, очутилось по толстой пачкѣ билетовъ. Дёчъ вручилъ билетъ мнѣ, Легранъ — собрату, и оба провели насъ до дверей, съ необыкновеннымъ одушевленіемъ говоря о томъ, что Парижъ красивый городъ.

Когда мы были внизу, собратъ разсмотрѣлъ свой билетъ и рѣшительно повернулъ назадъ.

— Куда вы?

— Обманъ! Билетъ не для прессы, а обыкновенный.

Мнѣ удалось, однако, остановить собрата, представивъ ему, что намъ предстоятъ еще два похода: за билетомъ на смотръ и за билетомъ на сегодня, на балъ, который правительство и городъ даютъ рабочимъ выставки. Судя по только-что испытаннымъ трудностямъ, времени и энергіи тратить было нельзя.

Въ полной боевой готовности мы двинулись по трехверстной улицѣ Риволи къ Елисейскимъ полямъ, гдѣ предстояло взять билеты на балъ. Мы идемъ, а на насъ смотрятъ вѣка.

Вотъ башня святого Іакова, остатокъ прекрасной готической церкви начала XVI вѣка. Теперь башня куплена городомъ и въ ней учреждена метеорологическая станція, а вокругъ разведенъ густой садъ съ зелеными лужайками.—Мимо.

Вотъ Пале-Рояль, построенный въ началѣ XVII вѣка кардиналомъ Ришилье. Во внутреннемъ дворѣ—магазины, преимущественно ювелирные; тутъ безпутничалъ во время малолѣтства Людовика XV регентъ, Филиппъ Орлеанскій; отсюда Демуленъ повелъ народъ на Бастилію; тутъ... Но мимо.

Налѣво Лувръ, что по-русски значитъ Волчій дворъ: до XII вѣка тутъ стоялъ замокъ, гдѣ короли жили, когда охотились на мѣстѣ теперешней улицы Риволи на волковъ и дикихъ свиней. Съ тѣхъ поръ и до Наполеона III каждый король и императоръ что-нибудь да пристраивали. Вышелъ дворецъ, достойный вмѣщать въ себѣ знаменитую Венеру Милосскую. Кстати замѣчу, что по новѣйшимъ изслѣдованіямъ Венера оказалась вовсе не Венерой за туалетомъ, а статуей побѣды, записывающей на щитѣ имена побѣдителей; такъ-что старикъ Гейне напрасно пѣлъ статуѣ гимны любви: ей нуженъ былъ персидскій маршъ... Однако, намъ некогда, и—мимо.

Лувръ, наконецъ, кончился, и начался Тюильерійскій садъ. Дворца Тюильери (по-русски—кирпичный заводъ) уже нѣтъ; его снесли, потому что послѣ разрушеній, произведенныхъ въ немъ коммунарами, не было возможности его исправить. Садъ остался въ томъ видѣ, какъ его разбилъ при Людовикѣ XIV знаменитый Ленотръ. Это настоящій королевскій старый садъ: продолговатый четырехъугольникъ въ двадцать десятинъ, аллеи шириной съ хорошую улицу, стѣною стриженныя деревья, земля высыпанная пескомъ, насаженныя по шнуру, темныя какъ пещеры, прохладныя каштановыя и липовыя рощи, бассейны-пруды, мраморныя нимфы, бронзовые герои древности, отсутствіе газоновъ, отсутствіе цвѣтовъ, но зато цѣлая аллея померанцевъ въ кадкахъ, изъ которыхъ 43 дерева насчитываютъ себѣ больше трехсотъ лѣтъ. Величественный, строгій садъ, подъ

стать Людовику XIV, съ его симметричнымъ парикомъ, гладко-выбритымъ орлинымъ лицомъ и царственной фигурой. Говорятъ, по ночамъ, туманнымъ осеннимъ ночамъ, тутъ бродитъ его тѣнь, опираясь на высокую «протопопскую» палку. Она идетъ по главной аллеѣ, и и ея голова подымается вровень съ вершинами деревьевъ. Тѣнь доходитъ до Тюильерійскаго дворца—дворца нѣтъ, на его мѣстѣ стоитъ памятникъ Гамбеттѣ. Тѣнь поворачиваетъ назадъ, доходитъ до площади Согласія, содрогается и исчезаетъ...

Мы уже на площади Согласія. Сколько тутъ крови! Все ея семидесятинное пространство залито ею сплошь. Тутъ происходили казни революціи. Бывали дни, когда падало подъ гильотиной до восьмидесяти головъ. Тутъ стояли лагеремъ союзныя арміи въ 1814 году и пруссаки въ мартѣ 1871 года; тутъ въ маѣ того-же года происходило ожесточенное сраженіе между версальцами и коммунарами. Площадь Согласія, это—кровавое пятно на рукѣ лэди Макбетъ — Франціи, и Франція дѣлаетъ все, чтобы смыть его. Она назвала ее не площадью крови, а Согласія; она устроила два огромныхъ фонтана, которые бьютъ день и ночь. Вѣтеръ относитъ брызги въ сторону и площадь всегда влажна. Вокругъ площади—зеленые, пышные сады: Тюильери и Елисейскій. Отсюда видны стоящіе другъ противъ друга церковь Мадлены и палата депутатовъ, первая въ концѣ улицы Рояль, вторая сейчасъ-же за Сеной,—обѣ въ стилѣ классическихъ храмовъ. Франція посадила тутъ восемь колоссальныхъ статуй, величественныхъ и строгихъ жен-

скихъ фигуръ, изображающихъ восемь лучшихъ городовъ страны. Онѣ сидятъ, какъ судьи, призванные судить исторію кровавой площади. Предъ ними, какъ символъ безпристрастія,—Луксорскій обелискъ, поставленный въ Фивахъ Рамзесомъ II за четырнадцать вѣковъ до Рождества Христова. Судьи читаютъ іероглифы обелиска, но тѣ говорятъ тоже о войнахъ, тоже о казняхъ, тоже о крови... И судьи медлятъ приговоромъ... Да одного изъ судей и нѣтъ, а есть только его изображеніе, сплошь покрытое черными траурными вѣнками. Это Страсбургъ.—Мимо и это. . . . . .

— Позвольте... обращаясь къ собрату, началъ было я, когда мы рѣшительно безъ всякихъ препятствій, а еще и въ сопровожденіи довольно пріятныхъ любезностей, получили въ Дворцѣ Промышленности (всемірной выставки 1855 года) наши билеты на балъ.

— Послушайте... началъ и собратъ, пристально разсматривая меня, какъ и я разсматривалъ его.

И затѣмъ мы кончили вмѣстѣ:

— Послушайте, однако, чего-же мы такъ разбушевались и разскакались?!

И мы значительно умѣрили темпъ нашихъ дѣйствій.

Итакъ, въ два мѣста билеты получены. Остается третье,—смотръ. Но гдѣ-же, спрашивается, брать билеты на смотръ?

— Знаете, что̀, сказалъ собратъ,—зайдемте въ первое кафе и сядемъ...

— Въ первую пивную, перебилъ я.

— Ну, въ первую пивную. Я и забылъ, что нынче

французы ничего, кромѣ пива, не пьютъ, и что старое Café давно уже замѣнилось современной Brasserie... Сядемъ и разспросимъ публику.

Такъ и сдѣлали. Пришли, сѣли и сначала стали говорить между собою, какъ будто намъ ничего и не нужно. Около насъ—старый французъ, съ орденской ленточкой и несомнѣнной печатью парижскаго «старожила»: на гарсоновъ фыркаетъ, пьетъ что-то такое необыкновенно парижское,—теплую воду съ анисовкой, и вообще держитъ себя хозяиномъ.

— Какая хорошая погода! обращается къ нему собратъ, припомнивъ, что его самого укрощали погодой messieurs Дёчъ и Легранъ.

— А у васъ, въ Германіи, хуже?! иронически отвѣтилъ старикъ, прищурилъ лѣвый глазъ и слегка высунулъ кончикъ языка вправо.

— Это насъ мало интересуетъ. Мы—русскіе журналисты.

Старикъ, вмѣстѣ съ туловищемъ, стуломъ и даже столомъ, обернулся къ намъ. Куда дѣвалась его раздражительность! Старикъ оказался словоохотливѣйшимъ и любезнѣйшимъ собесѣдникомъ. Разговоръ о погодѣ сразу былъ брошенъ, и заговорили о русско-французскомъ союзѣ.

— Формальный союзъ! говорилъ старикъ.—Зачѣмъ намъ формальный союзъ, когда въ силу вещей существуетъ фактическій. Мы нужны вамъ, вы во сто разъ больше нужны намъ, и мы отъ васъ не отстанемъ. Мы многое снесемъ отъ васъ и все-таки не отстанемъ. Зло-

употреблять этимъ съ вашей стороны было-бы жестоко. Знаете-ли, Франція только и дышетъ вами, хотя и не хочетъ, и не должна, не теряя своего достоинства, показывать этого. Конечно, формальный союзъ былъ-бы лучше, но—старикъ понизилъ голосъ и оглянулся—но у насъ нѣтъ твердаго правительства, нѣтъ продолжительнаго министерства...

Старикъ вздохнулъ.

— Кто-же могъ-бы основать у васъ твердое правительство? спросили мы.

Старикъ изобразилъ изъвсей своей фигуры нѣчто, напоминавшее нижнюю часть картины Айвазовскаго «Сотвореніе міра»,—хаосъ. Потомъ хаосъ принялъ форму, и старикъ, шепотомъ и оглядываясь, но дѣлая видъ, что онъ не оглядывается и говоритъ полнымъ голосомъ, сказалъ:

— По моему убѣжденію, графъ Парижскій.

— А! вы легитимистъ.

Старикъ сдѣлалъ видъ, что слѣдитъ за полетомъ ласточки, но на самомъ дѣлѣ оглянулся на гарсоновъ и публику, и храбро сказалъ намъ на ухо:

— Да, я легитимистъ.—Затѣмъ онъ откинулся на спинку стула и громко и твердо произнесъ:—Что касается Германіи и союза съ вами, во Франціи нѣтъ партій!

Гарсоны и публика одобрительно посмотрѣли на старика и на насъ. Въ насъ признали русскихъ, а въ старикѣ—патріота.

Послѣ этого намъ уже не трудно было разспросить насчетъ билетовъ, и нашъ собесѣдникъ и ближайшіе

изъ публики, устроивъ между собою совѣщаніе направили насъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Туда мы шли сначала Елисейскими полями, улицей, прорѣзающей Елисейскій паркъ, гдѣ размѣстились знаменитыя елисейскія учрежденія, въ видѣ садовыхъ эстрадъ и танцовальныхъ залъ. Затѣмъ свернули вправо, на улицу Мариньи, и пошли вдоль каменной стѣны, окружающей садъ президентскаго Елисейскаго дворца. Верхъ стѣны увѣнчанъ красивой чугунной рѣшеткой, обвитой плющемъ. Изъ-за стѣны подымается вѣковой паркъ, насаженный Людовикомъ XV для его Помпадурши. Дворецъ, какъ и всѣ парижскіе дворцы, громаденъ, величественъ и простъ. Во время выставки президентъ давалъ въ немъ рядъ баловъ, и такъ-какъ, согласно демократическимъ принципамъ третьей республики, доступъ туда нетруденъ, а порядочной, американской, демократіи, Франція и въ особенности Парижъ еще не выработали, то половина общества на балахъ бываетъ довольно сомнительнаго свойства. Несмотря на то, дворецъ охраняется караулами и полиціей, точно тамъ живетъ не monsieur Carnot, а королева Викторія.

— Гдѣ здѣсь неподалеку министерство внутреннихъ дѣлъ? обратились мы къ часовому, у дворца, имѣвшему такой видъ, что съ нимъ разговаривать можно.

Не понимаетъ.

— Гдѣ министерство внутреннихъ дѣлъ и исповѣданій?

Это сейчасъ понялъ и радушно указалъ, гдѣ министерство. Вообще французы очень туги на пониманіе

того, что хотя немного расходится съ «утвержденными» образцами. Четверть часа спустя, когда мы стали розыскивать министерство торговли, пришлось называть его министерствомъ торговли, промышленности и колоній. Если вы, нанимая извощика въ ратушу, въ Hotel de ville, произнесете эти три слова раздѣльно, а не слитно и съ удареніемъ на ville, онъ не будетъ знать, куда васъ везти. Эта косность идетъ дальше, дѣлаетъ однообразнымъ уличное остроуміе толпы, превращаетъ веселые фельетоны газетъ въ игру не ума, а словъ; проникаетъ въ искусство и дѣлаетъ его преувеличеннымъ и манернымъ.

Въ министерствѣ—новыя встрѣчи и бесѣды съ дворниками, читающими утреннія газеты, курьерами «стррашно занятыхъ» секретарей и директоровъ, и полный неуспѣхъ: билеты даютъ не здѣсь, а въ министерствѣ торговли, промышленности и колоній, къ которому причислены иностранные журналисты.

Энергія-ли въ насъ упала, или мы послѣ сочувственнаго пріема въ кафе заважничали, но и на томъ берегу Сены, въ министерствѣ торговли, мы не имѣли успѣха. Правда, курьеръ согласился, что намъ, въ качествѣ возможныхъ союзниковъ, необходимо видѣть состояніе школьныхъ батальоновъ и французскихъ войскъ; правда, онъ носилъ наши карточки съ нашими журнальными титулами въ какой-то директорскій кабинетъ; но изъ этого ничего не вышло. Курьеръ вернулся изъ кабинета, съ плечами поднятыми выше ушей, медленнымъ движеніемъ слабо уронилъ наши карточки обратно намъ въ

руки и огорченнымъ мычаніемъ выразилъ свое сожалѣніе и полную безпомощность.

— А вы не пробовали,—спросилъ насъ впослѣдствіи одинъ свѣдущій человѣкъ,—сунуть этимъ курьерамъ большую серебряную медаль?

— То есть?

— То есть пяти-франковикъ?

— Кому? Этимъ министрамъ?! воскликнули мы.

— Эка, батюшка, какимъ сравненіемъ вздумали поразить! Министры-то у насъ и берутъ. Старики все ловкіе, прожженные; кормилицу сосали при Луи-Филиппѣ, который все училъ французовъ: enrichissez vous, а росли при Бонапартѣ, уже форменномъ разбойникѣ. Вотъ, дастъ Богъ, молодежь подростетъ. Авось, дѣла иначе поведутся. Эти и покрѣпче, и почище обѣщаютъ выйти.

Школьные батальоны.

Утро, восемь часовъ утра. Погода прохладная и сѣренькая. Послѣ жаровъ, которые стояли до сихъ поръ, сначала сухихъ, заряженныхъ электричествомъ, когда чувствовалъ себя тоже заряженнымъ, а потомъ влажныхъ, парныхъ,—послѣ этого холодокъ и сѣренькій свѣтъ—просто отрада: опять становишься человѣкомъ, а не лейденской банкой или баннымъ вѣникомъ. То набѣгаетъ дождь, то на время показываются просвѣты синяго неба. Вокругъ площади ратуши уже непролазная толпа. Мы, однако, храбро врѣзались въ нее и постарались сдѣлаться пожестче. Сосѣди, которымъ это не-

пріятно, отталкиваютъ насъ, сами ёжатся и вертятся, и такимъ образомъ выпихиваютъ насъ на площадь. Линію толпы, саженей въ десять, сдерживаетъ всего лишь одинъ городовой. Ни забора, ни каната. Сказано: стоять на тротуарѣ—всѣ и стоятъ. Городовой далеко и не видитъ насъ. Но едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ по площади, какъ услышали не грубый, но строгій и властный окрикъ: «Эй, тамъ, тс-с! Здѣсь не проходятъ!» Вообще французы удивительно зоркій народъ. Ихъ вниманіе, кажется, не знаетъ утомленія. Городовой видитъ рѣшительно все, что происходитъ въ сутолокѣ толпы и безчисленныхъ экипажей. Ресторанный гарсонъ помнитъ десятки заказовъ и разсчетовъ. Магазинныя выставки—прямо на улицѣ, и приказчики изъ середины магазина, занятые покупателями, ни на минуту не перестаютъ наблюдать за вещами.

Мы показали наши билеты и прошли дальше. Предъ нами былъ величественный фасадъ ратуши и по серединѣ его—большая трибуна, амфитеатромъ, выложенная краснымъ сукномъ. Противъ нея, на площади, оркестръ.

Мы остановились у подножія трибуны въ небольшой кучкѣ публики и ждемъ. Ничего необыкновеннаго не происходитъ. Подошли городовые, оцѣпили публику и вмѣстѣ съ нами отвели въ сторону. Снова ждемъ, снова ничего величественнаго нѣтъ, снова городовые и новое перемѣщеніе публики дальше въ сторону. Въ это время откуда-то сзади насъ раздались сердитые крики, свистъ, мяуканье и вой. Это сердится толпа, внѣ площади, которой мы загородили видъ на площадь. Это пострашнѣе

городовыхъ; толпѣ сопротивляться нельзя, потому что ей недолго и самой распорядиться. Кучка нашей публики это знаетъ твердо и спѣшитъ ретироваться. Въ толпѣ мирное ворчаніе, показывающее, что она удовлетворена и больше на насъ не сердится.

Ждемъ еще нѣкоторое время. Нѣсколько разъ раскрываемъ зонтики, нѣсколько разъ ихъ свертываемъ. То проглянетъ солнце, по свѣтло-голубому, омытому дождемъ небу мчатся жидкіе клочья бѣлыхъ и дымчатыхъ облаковъ, и сизая ратуша съ острыми аспидными крышами стоитъ подъ солнцемъ какъ чеканеная. То набѣжитъ мокрая тучка и хлынетъ крупный дождь, пуская по лужамъ пузыри. Но необыкновеннаго все еще ничего нѣтъ.

Вотъ, однако, на трибунѣ, гдѣ сидятъ городскія власти, зашевелились. Это появляются власти очень важныя: сначала — Фальеръ, министръ народнаго просвѣщенія, потомъ—Пубель, префектъ Сены, а по нашему губернаторъ Парижской губерніи, потомъ—Шотанъ, президентъ муниципальнаго совѣта, и наконецъ, генералъ, котораго не знаешь какъ выговорить, генералъ Jeanningros, главнокомандующій школьныхъ батальоновъ. Хозяева тутъ — генералъ, котораго не знаешь какъ выговорить, и городскіе власти. Это—городъ обмундировываетъ, вооружаетъ и учитъ военному строю начальныя и среднія училища Парижа.

Когда прибылъ невыговариваемый генералъ, оркестръ грянулъ марсельезу, и съ Сены, съ моста показался первый батальонъ, будущая гроза нѣмцевъ.

Будущая гроза въ настоящее время находится въ томъ возрастѣ, когда папаша еще сѣчетъ, а мамаша подъ дурную минуту даетъ подзатыльники. И странно видѣть эти мамашины затылки и папашино прочее облеченными въ форменные матросскіе мягкіе колпаки синяго сукна съ красной кистью на макушкѣ, въ синія куртки, съ воинственнымъ краснымъ шитьемъ, и такого-же цвѣта штанишки съ лампасами. На плечахъ ружья со штыками, но безъ возможности стрѣлять изъ нихъ Мальчуганы идутъ, какъ и слѣдуетъ маленькимъ мальчуганамъ, плоховато; но на солдатъ все-таки похоже.

Батальонъ идетъ, останавливается передъ трибуной, выслушиваетъ фразистые комплименты старыхъ... людей, которые тамъ сидятъ, получаетъ въ награду какую-то дудку, или бабаранъ, и уходитъ. Его мѣсто занимаетъ слѣдующій батальонъ, потомъ слѣдующій, и такъ проходятъ всѣ, числомъ двадцать четыре. Внѣшній видъ парижскихъ мальчугановъ неважный: небольшіе, блѣдные, худенькіе, а тѣ, которые постарше, уже носятъ на лицѣ отпечатокъ тѣхъ гаденькихъ пороковъ, которымъ подвержены городскіе мужскіе подростки. Если въ публикѣ были нѣмцы, конечно, они самодовольно улыбались, мысленно сравнивая своихъ розовыхъ нѣмчатъ, воспитанныхъ на гимнастикѣ, съ этими зеленоватыми французиками, замученными шагистикой.

Когда дѣти прошли, старые... люди на трибунѣ начали говорить рѣчи, тоже... старыя. Одинъ говорилъ, что настоящее торжество весьма умилительно. Другой говорилъ, что торжество глубоко значительно. Тре-

тій говорилъ тоже что-то подходящее. Но лучше всего отличился неудобовыговариваемый генералъ. Этотъ объявилъ, что «единственное его желаніе—повести въ бой этихъ дѣтей Франціи, эту надежду отечества!» Чортъ знаетъ что такое! И тутъ стояли матери, которыя хотя и награждаютъ ребятишекъ подзатыльниками, но скорѣй вступятъ въ бой съ генераломъ, чѣмъ позволятъ ему отдать своихъ Жановъ, Жаковъ и Марселей на съѣденіе нѣмцамъ. Должно быть, матери не слыхали словъ генерала, потому что не было потомъ слышно, чтобы ему выцарапали глаза.

— Какъ, уже все?! воскликнули мы съ собратомъ, когда, послѣ того какъ прошелъ послѣдній батальонъ, городовые облегченно вздохнули, а публика хлынула на площадь и стала расходиться.

Оказалось, что все. Ни манифестацій, ни аплодисментовъ, ни криковъ, ни воодушевленія. Посмотрѣли все, что тамъ по программѣ этихъ дѣтоѣдовъ полагалось, убѣдились, что парижскихъ дѣтей дѣйствительно портятъ, хотя-бы и съ патріотической цѣлью, солдатчиной, и разошлись.

Мы утѣшили себя тѣмъ, что манифестаціи и воодушевленіе увидимъ позднѣе, на смотру и на вечернихъ уличныхъ балахъ.

Буланжисты на площади Согласія.

— Кажется, еще не кончилось! сказалъ собратъ, когда мы проѣзжали по площади Согласія на выставку.—Эй, кучеръ, что, съ Деруледомъ тутъ кончено?

Кучеръ сердито повелъ плечами—онъ, должно быть, былъ буланжистъ—и мрачно отвѣтилъ:

— Кончено.

Дѣло въ томъ, что на девять часовъ утра, то-есть тогда, когда мы должны были смотрѣть школьные батальоны, была назначена манифестація лиги патріотовъ, съ ея вождемъ Деруледомъ во главѣ. Лига уничтожена, но ея члены продолжаютъ составлять преданное Буланже сообщество, переименовавъ его въ «бывшую» лигу. Въ настоящее время буланжисты приперты къ стѣнѣ. Буланже бѣжалъ, его лейбъ-публицистъ, великій журнальный зазыватель и выжига, Рошфоръ, — тоже. Лигу распустили. Изданъ законъ, воспрещающій выступать кандидатомъ въ депутаты болѣе чѣмъ въ одномъ округѣ. Наконецъ, Буланже и его сообщники уличены въ казнокрадствѣ и мздоимствѣ. Правда, и теперешніе правители не ахти какіе. Но все-таки теперешніе правители, во-первыхъ, уже у власти, во-вторыхъ, пока крадутъ умѣренно, и въ-третьихъ, не отнимаютъ у страны величайшаго залога порядка, стоющаго десятка «конституцій», — самой широкой гласности. Буланжистамъ пришлось плохо, и 14-го іюля они сдѣлали попытку поднять массу.

Около девяти часовъ утра въ трехтысячной толпѣ, пришедшей къ подножію статуи Страсбурга, возложить на нее траурный вѣнокъ, показались Лагеръ, буланжистскій публицистъ, и Деруледъ. Я видѣлъ Деруледа на русскомъ концертѣ въ Трокадеро. Деруледъ высокій, плотный мужчина, въ сѣромъ сюртукѣ военнаго покроя,

съ тщательно причесанными и припомаженными мягкими, пепельнаго цвѣта волосами, маленькими и тусклыми глазками, блестящимъ лицемъ, съ тонкой и бѣлой кожей, и огромнымъ, узкимъ горбатымъ носомъ. На концертѣ онъ сидѣлъ въ дешевыхъ мѣстахъ, аплодировалъ, но судорожно зѣвалъ въ ладонь и шляпу и послѣ перваго отдѣленія, съ облегченнымъ видомъ, напѣвая что-то никоимъ образомъ не русское, ушелъ и больше не возвращался.

Итакъ, Лагеръ и Деруледъ появились у статуи. Около нихъ очутился полицейскій офицеръ, Клеманъ, и образовался кружокъ буланжистовъ. Невдалекѣ находился отрядъ полицейскихъ, человѣкъ въ пятьдесятъ. Лагеръ положилъ на подножіе статуи вѣнокъ отъ бывшей лиги патріотовъ, и на его мѣсто сталъ Деруледъ.

— Патріоты! воскликнулъ онъ.

Сейчасъ-же къ нему подошелъ Клеманъ и непреклонно, но безъ человѣконенавистничества, которое у насъ проявляютъ въ подобныхъ случаяхъ полицейскіе, въ особенности изъ жидковъ, произнесъ:

— Вы могли положить вѣнокъ, это ваше право. Но говорить я вамъ не позволю.

Деруледъ въ негодованіи передернулъ плечами и закричалъ:

— Вы мнѣ не помѣшаете крикнуть: да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ генералъ!

— Ну, за это я васъ арестую! непреклонно сказалъ Клеманъ.

— Не имѣете права. Я сказалъ «генералъ», но какой генералъ,—не сказалъ.

И Деруледъ хотѣлъ уйти. Но Клеманъ схватилъ его за воротъ. Деруледъ схватилъ и разорвалъ воротъ Клемана. Издали къ нимъ стали пробиваться полицейскіе. Буланжисты городовыхъ не пускали. Свалка, желанная свалка росла: хватали за воротъ, хватали поперекъ тѣла, били между лопатокъ, били снизу вверхъ по подбородкамъ, ругались, сопѣли, хрипѣли, кашляли, таращили глаза... «О, парижская толпа, о, милая парижская толпа,—навѣрное думалъ въ это время Деруледъ,—вѣдь сколько разъ ты именно съ этого начинала революціи! Вѣдь ты какъ лошадь съ колеромъ: стоитъ тебѣ только вспотѣть, чтобы понестись опрометью, куда глаза глядятъ. Ну-же, милая, ну, еще разогрѣйся, еще раззадорься»... Нѣтъ, не выгораетъ! Полицейскіе «работаютъ» вяло, точно впередъ видятъ, что безъ нихъ кончится ничѣмъ; а кто-то изъ буланжистовъ самъ способствовалъ ускоренію конца, схвативъ Клемана самымъ коварнымъ образомъ... Клеманъ зашатался и упалъ, выпустивъ изъ рукъ воротъ Деруледа. Тому ничего больше не оставалось, какъ уйти, проклиная это дурацкое избавленіе.

Тѣмъ все и кончилось. Даже Клеманъ чрезъ десять минутъ былъ уже на ногахъ и въ порядкѣ.

Парадъ въ Булонскомъ лѣсу.

Сенъ-Сирская школа. Политехническая школа. Инфантерія. 1-й инженерный Версальскій полкъ. Пѣшіе

Венсенскіе стрѣлки. Кирассиры. Версальская артиллерія. И т. д., и т. д.—Все это очень интересно, но благодаря непредупредительности здѣшнихъ властей, на которую сильно жалуются и здѣшнія газеты, никого изъ войскъ мы хорошенько не увидимъ. Все-таки—ѣдемъ.

Какъ безконечно разнообразенъ Парижъ! Кто заѣзжалъ въ него только на нѣсколько дней и видѣлъ только кольца бульваровъ, устроенныхъ, какъ московская Садовая, на мѣстѣ старыхъ городскихъ оградъ, тотъ и не знаетъ Парижа. Этимъ бульварнымъ туристамъ онъ представляется сплошной торговлей бездѣлушками, сплошнымъ рестораномъ, кафе-шантаномъ, вѣчно молодой и безстыжей кокоткой,—словомъ «веселымъ» городомъ. Парижъ дѣйствительно веселый городъ, но только безъ ковычекъ. Онъ веселъ, потому что здоровъ, ибо нѣтъ города, гдѣ-бы было больше чистоты и зелени: на улицахъ Парижа, не считая семидесяти скверовъ, больше четырехъ сотъ тысячъ деревьевъ, посаженныхъ на троттуарахъ аллеями. Онъ веселъ, потому что жить дешево и можно хорошо питаться. Онъ веселъ, потому что богатъ: онъ очень трудолюбивъ и бережливъ. Онъ веселъ, потому что дѣла идутъ хорошо: весь міръ пріѣзжаетъ имъ любоваться. Онъ веселъ, потому что его мущины и женщины красивы и граціозны. Веселъ онъ и отъ мягкаго климата, отъ ясныхъ дней, отъ синяго неба. Веселъ, наконецъ, просто отъ своей славной гальской крови, которой римляне, германцы, арабы и чистое виноградное вино придали много благородныхъ качествъ. Школа долгой борьбы за существо-

ваніе сдѣлала француза жесткимъ по отношенію къ чужимъ. Но въ семьѣ и въ толпѣ, семьѣ народной,—это любящее, нѣжное, изящное и веселое созданіе, возбуждающее глубокую симпатію.

Я не забуду сцены, видѣнной мною въ одномъ изъ садовыхъ кафе-шантановъ. На эстрадѣ, подъ забористые звуки оркестра, голоногія пѣвицы отмачивали сальные куплеты и отдергивали неистовый канканъ, а около меня на дешевыхъ мѣстахъ сидѣлъ рабочій, съ женой и ребенкомъ. Мѣшковатый черный сюртукъ, дешевая соломенная шляпа, галстухъ, завязанный неумѣлымъ бантомъ, сухое небольшое тѣло и худое лице, съ большими черными глазами. Онъ не смотрѣлъ на сцену, онъ смотрѣлъ на свою дѣвочку, которая лежала у него на рукахъ, откинувшись навзничь, шевеля крошечными ручками и что-то лепеча. Надо было видѣть, какъ отецъ держалъ въ своихъ грубыхъ рукахъ свое сокровище! Столько въ его позѣ было нѣжности, осторожности и женственной граціи, такъ бережно дышала его грудь. Казалось, видишь его сердце, которое замедляетъ свои біенія, полное любви къ маленькому существу. А какъ онъ на него смотрѣлъ! Лице было неподвижно, но такъ и жило, такъ и говорило выраженіемъ глубокой любви. Глаза не отрывались отъ маленькаго личика, были серьезны, но въ нихъ читалась цѣлая книга любви, счастія и счастливой заботы. Что современемъ выйдетъ изъ дѣвочки? Можетъ быть, она на такой-же вотъ распутной эстрадѣ будетъ пѣть сальные куплеты и танцовать канканъ? Можетъ быть. Но навѣрное, не разъ она

будетъ вспоминать лицо и глаза своего отца и то, что въ нихъ отражалось... Французскіе натуралисты много клевещутъ на свой народъ, а мы, знающіе только «француженокъ» да французскихъ гувернеровъ и прикащиковъ, совсѣмъ не имѣемъ объ немъ понятія. Славный народъ! Наглыя парижскія созданія, въ видѣ носильщиковъ и таможенныхъ на вокзалѣ, кучеровъ, кондукторовъ омнибусовъ, гостинничной прислуги и администраціи, трактирныхъ гарсоновъ, — вся эта грязная пѣна большого города только пѣной и оказывается. Стоитъ лишь немножко свернуть съ бойкой улицы, чтобы увидѣть настоящій парижскій peuple. А когда вы въ него вглядитесь вы должны будете сознаться, что никогда еще вамъ не приходилось сталкиваться съ чернью—джентльменомъ. Это можно увидѣть только въ Парижѣ.

Бульвары, это — исключеніе, это — огромный дворъ Парижа-гостинницы, гдѣ съ утра и до ночи толкутся пріѣзжающіе и отъѣзжающіе, прислуга и извощики. Остальной Парижъ—уютный и серьезный, почти строгій городъ. Его многоэтажные, темносѣрые, изъ песчаника, дома, съ черными крутыми крышами, всѣ носятъ отпечатокъ благороднаго французскаго ренессанса, Лувра и Тюильери. Старый городъ дореволюціонной эпохи, занимающій 3,800 десятинъ и населенный при Людовикѣ XVI полу-милліономъ жителей, этотъ гигантскій «старый кварталъ», предъ которымъ ничто старыя части Вѣны и Берлина, представляетъ собою лѣсъ узенькихъ, всего въ три-четыре сажени, и извилистыхъ уличекъ, пересѣкающихся между собою подъ очень острыми углами. Въ

этомъ лѣсу попадаются небольшія, круглыя и четырехъугольныя площадки, на которыхъ стоятъ старинные монументы королей и великихъ мужей Франціи. Тутъ-же множество древнихъ церквей и часовень, которыя надо искать, какъ деревья въ лѣсу,—такъ онѣ попрятались и сжаты домами. Это торговая часть города. По узенькимъ троттуарамъ, то и дѣло сбѣгая отъ тѣсноты на улицу, торопится дѣловая толпа, а по асфальту мостовой безшумно катятся огромныя ломовыя двуколки, запряженныя колоссальными лошадьми.

Затѣмъ, съ выставки въ Булонскій лѣсъ мы ѣхали по Пасси, предмѣстью, которое включено въ черту города въ 1860 году. До того Пасси было дачнымъ мѣстомъ. Теперь это кварталъ домовъ-особнячковъ. Крошечный домикъ, любовно изукрашенный вьющимися растеніями, вычурными дверьми и разрисованными подъ старину оконными стеклами: предъ домикомъ цвѣтникъ, величиной съ шапку, но съ фонтаномъ, и отгороженной отъ улицы красивой чугунной рѣшеткой, за домомъ маленькій садъ съ двумя-тремя старыми деревьями. Тутъ живутъ удалившіеся отъ дѣлъ мелкіе буржуа.

Чѣмъ дальше отъ центра города и чѣмъ ближе къ Булонскому лѣсу, тѣмъ выше эти домики. Увеличиваются вмѣстѣ съ ними и ихъ цвѣтники и парки. И, наконецъ, мы—въ «загородномъ городѣ», среди полу-деревенскихъ особняковъ-дворцовъ, окруженныхъ парками — послѣднимъ словомъ садоваго искусства. Тутъ живутъ уже крезы,—банкиры, разбогатѣвшіе художники, «короли въ изгнаніи».

Вотъ мы и въ Булонскомъ лѣсу, который называется лѣсомъ только потому, что въ немъ нѣтъ стриженныхъ газоновъ. Пересѣкаемъ его,—и мы на огромной полянѣ, которая сбѣгаетъ внизъ, а внизу упирается въ два холма. На одномъ—мѣстечко Сенъ-Клу; другой, островерхій,—знаменитый фортъ Монъ-Валеріанъ.

Однако, за народомъ, который толстой стѣной стоитъ на краю поляны, ничего не видно. Какой-то человѣкъ, остриженный подъ гребенку, безъ шапки и въ синей блузѣ, предлагаетъ намъ стать на старую ручную двуколку.—Сколько стоитъ мѣсто?—«Франкъ».

Лѣземъ на двуколку. Оказывается, она живая,—шатается и скрипитъ. А къ намъ и еще лѣзутъ. Сначала мужъ и жена, съ годовымъ ребенкомъ на рукахъ. Потомъ молодая парочка, которая все закрывается зонтикомъ и цѣлуется. Попробовалъ взлѣсть еще какой-то грузный господинъ, но и мы, и парочка, и родители и даже ребенокъ запротестовали; хозяинъ двуколки не настаивалъ, видя, что дѣйствительно и экипажъ сломаешь, и публику перекалѣчишь, — и толстякъ ретировался.

Вынимаемъ бинокли и оріентируемся. Чортъ возьми, мы попали какъ разъ на противоположный трибунамъ конецъ поляны! Тамъ, на томъ краю, въ трибунахъ—полнымъ полно; онѣ представляются кусками икры отъ покрывшей ихъ черной толпы. Добиться тамъ билетовъ, конечно, нѣтъ никакой возможности.

Смотримъ на поляну. Вся она ближе къ тому краю, полна войсками. Ихъ тутъ собрано тридцать-пять ты-

сячъ. Ближе всѣхъ къ намъ стоитъ кавалерія, но все-таки такъ далеко, что различаешь только темную массу лошадей да цвѣтные вьюки сѣделъ. Люди спѣшились и затерялись среди лошадей. Правѣе — артиллерія. Еще правѣе—пѣхота.

Парадъ начался. Видно было, какъ отъ пѣхоты ломтями отдѣлялись отдѣльныя части, не ломаясь, отлично держа равненіе, описывали полукругъ и затѣмъ шли прямо, къ президентскому павильону. Когда они подходили къ ней, по ихъ массѣ пробѣгала тусклая искра—брали на караулъ; а черныя трибуны покрывались шевелящимися бѣлыми точками,—аплодировали и махали платками.

Погода стояла, какъ и поутру, перемѣнчивая. То проглянетъ солнце,—и небо надъ поляной и надъ противоположными холмами засинѣетъ и высоко поднимется. То выползетъ низкая, сѣрая туча. Сначала закроется дымчатой сѣтью дождя Валеріанъ, который точно подставлялъ подъ него свои высокія плечи, потомъ задернутся трибуны и сейчасъ-же примутъ аспидный цвѣтъ отъ развернутыхъ мокрыхъ зонтиковъ; потомъ масляннымъ блескомъ покроется масса лошадей предъ нами, и наконецъ и на насъ посыплются крупныя капли. Толпа зашумитъ весело переговариваясь, шутя, произнося свои «утвержденныя» остроты, и закроется зонтиками. Наша влюбленная парочка принимается цѣловаться, а заботливые родители, прикрывая своего птенца, льютъ воду съ своего зонтика намъ за шиворотъ. Мы не сердились. Шумѣли такъ бодро, смѣялись такъ полнокровно, мочили

насъ во имя родительской и супружеской любви; толпа, несмотря на то, что она была уличной чернью иллюминацій, парадовъ и балагановъ, была такая мягкая и скромная, что сердиться было нельзя.

За пѣхотой пошла артиллерія, потомъ кавалерія,—и смотръ кончился.

Вдругъ толпу, стоявшую между нами и поляной, стали осаживать. Дѣлаютъ это очень ловко и безъ всякаго шума. «Честью» совсѣмъ не просятъ, а городовые и обозные солдаты, вызванные имъ на подмогу, тяжелые парни, съ тяжелыми палашами, въ потертыхъ венгеркахъ и мѣшковатыхъ красныхъ штанахъ, до колѣнъ обшитыхъ кожей, начинаютъ ходить вдоль линіи толпы и легкимъ прикосновеніемъ руки «равнять» ее, какъ солдатъ. Толпа отступаетъ медленно на шагъ, на половину шага. Это ея право, — отступать медленно, а не опрометью. Городовые и не требуютъ предупредительности; они терпѣливо завоевываютъ еще полъ-шага, еще,—и очищаютъ мѣсто, сколько имъ нужно. Возвратиться на очищенное мѣсто никто и не подумаетъ. Хорошая толпа, право!

Толпа отступала; доходила очередь и до насъ, и мы хотѣли уже слѣзать.

— Что вы? Куда вы? удивленно воскликнулъ нашъ хозяинъ. — Развѣ вы не видите, что предъ вами еще двѣ «нити» людей? Вы уйдете только тогда, когда это будетъ велѣно именно вамъ. Это ваше право.

До насъ дѣйствительно очередь не дошла. Передъ нами осталась только одна «нить», но сами городовые, услышавъ нашу бесѣду, добродушно сказали: «Вы мо-

жете оставаться».—И все у нихъ—право, все—правила. Этакъ-то пожалуй и удобнѣй, даже несмотря на то что если право и правила на сторонѣ городовыхъ, то васъ безъ малѣйшей пощады непреклонно въ бараній рогъ согнутъ, а заставятъ подчиниться. Халатъ во Франціи не въ модѣ.

Оказалось, публику оттѣсняли, чтобы дать дорогу войскамъ, возвращавшимся съ парада въ городъ. Такимъ образомъ, всѣхъ ихъ мы видѣли. Народъ все небольшой' худощавый, но крѣпкій, ловкій и свѣжій. Солдаты не утомились и шли бодро. Старые генералы смотрятъ крѣпкими стариками, которые еще не побоятся лично сцѣпиться съ врагомъ въ рукопашной схваткѣ и выколотить ему зубы. Молодые офицеры — ловкіе франтики. Солдаты одѣты мѣшковато, не затянуты, чтобы нигдѣ не жало и не терло. Ихъ мундиры очень простые и некрасивые. Головастыя шапки, какихъ-то полинялыхъ цвѣтовъ куртки и сюртуки, черные жгуты, желтые и красные басоны. Только кирасиры, въ серебряныхъ латахъ, золотыхъ каскахъ въ формѣ фригійскаго колпака, съ висящимъ сзади хвостомъ лошадиныхъ волосъ, имѣютъ нѣкоторую претензію на великолѣпіе. Лошади въ кавалеріи и артиллеріи не очень сытыя, не слишкомъ хорошо вычищенныя. Но вообще войско производитъ впечатлѣніе хорошее. Видно, что понятливый французъ отлично обученъ, что онъ здоровъ, крѣпокъ, смѣлъ и сердитъ, когда разсердится. А сердится онъ легко. Говорятъ, что во время первой аттаки, или когда войско видитъ, что его сила беретъ, это настоящіе чертенята.

Все это очень пріятно, по теперешнимъ обстоятельствамъ.

Генералы и полковники, которые вели войска, косились на публику сначала вопросительно, потомъ обиженно и, наконецъ, презрительно. Ни одного аплодисмента, ни одного крика, несмотря на то, что французы любятъ армію еще больше, чѣмъ любятъ цѣловаться съ женами и возиться съ ребятишками. Что-то такое нашло на публику въ этотъ разъ.

— Да здравствуетъ знамя! торжественно сказалъ стоявшій за нами солидный буржуа и торжественно приподнялъ шляпу. Проходило знамя венсенскихъ стрѣлковъ.

Публика шумно зааплодировала, но не знамени, а тамбуръ-мажору стрѣлковъ, глуповатому и некрасивому парню, ростомъ съ ломовую лошадь. Парень улыбался и сконфуженно, и польщенно. Шедшій сзади него солдатикъ оглянулся, не увидятъ-ли офицеры, и хотѣлъ ему сдѣлать рожки, но не досталъ до головы великана. Публика хохотала.

Уличные балы.

— Ну, хоть вечеромъ-то что-нибудь, наконецъ, *случится!* говорили мы, ожидая вечера.

Вѣдь вы знаете нашего брата, корреспондента и репортера. Человѣкъ умираетъ. Къ нему является корреспондентъ и говоритъ: «А, вы умираете. Знаете-ли, это чрезвычайно интересно. Не будете-ли вы такъ добры всего лишь въ нѣсколькихъ словахъ сообщить мнѣ, какъ

вы умираете? Я задержу васъ только одну минуту».— И вынимаетъ записную книжку.

Вотъ и мы ждали какого-нибудь бунта, демонстраціи, драки, можетъ быть даже стрѣльбы. Столько было въ Парижѣ революцій и баррикадъ,—а при насъ ни одной, хотя бы примѣрной устроить не хотятъ.

Кое-что какъ будто и предвѣщало «случай». Утромъ Деруледъ подрался съ полиціей. Буланжистскія газеты предвѣщали, что скоро придетъ «часъ возмездія», т. е. часъ драки. За послѣднюю недѣлю по бульварамъ ходили какія-то толпы, какія-то прибывшія въ Парижъ гимнастическія и пѣвчія общества; на ходу они пѣли марсельезу голосами, въ которыхъ какъ-будто слышалась угроза, трещали въ барабаны, играли въ трубы и потрясали знаменами. Городовые смотрѣли на нихъ неодобрительно. Въ настоящее время въ Парижѣ два соціалистическихъ конгресса. Наконецъ, теперь, вечеромъ, вездѣ по улицамъ разставлены группы городовыхъ, съ вооруженными солдатами въ придачу.

Мы начали наше путешествіе отъ Грандъ-отеля, самаго бойкаго мѣста Парижа, гдѣ стоитъ Оперный театръ, безумно дорогая прихоть Наполеона, изъ которой ничего красиваго не вышло. Тутъ, передъ театромъ, на площади, былъ балъ, устроенный извѣстною «скромной» газетой «Gil Blas». Собственно говоря, газета только наняла оркестръ да выставила свою рекламу. Публика, то-есть та-же толпа иллюминацій и парадовъ,— дворники, прачки, мелкіе прикащики, кучера, лакеи, модистки,—публика, скромно, но прилично и изящно одѣ-

тая, усердно танцовала польки, вальсы, польки-мазурки, шотишъ и еще какіе-то танцы въ томъ-же родѣ, у насъ неизвѣстные. Мазурки не было: французы говорятъ, что это танецъ жеребятъ. Толпа стояла сплошная, но извощики посмѣлѣе все-таки рѣшались ѣздить. Ихъ пропускали, заставляя, однако, напередъ раскланяться на три стороны, притомъ не просто снять цилиндръ, а еще вѣжливо и привѣтливо улыбнуться. Извощикамъ, которые здѣсь считаются образцами грубости, это было, конечно, очень тяжело,—но съ парижской толпой не шутятъ: не поклонись—не пропустятъ, отвѣть грубостью — перевернутъ экипажъ вверхъ колесами; хоть при этомъ и постараются не ушибить и ничего не испортить, а все-таки лучше раскланяться, чѣмъ подымать экипажъ.

Отсюда по бульвару мы пошли къ Мадленѣ. Толпа все такая-же, но совершенно спокойна. Отъ Мадлены по улицѣ мы спустились на площадь Согласія. Площадь точно сплошь уставлена свѣчами. Она слишкомъ огромна, чтобъ ее освѣтить, какъ залъ. Но тѣмъ эффектнѣй ея огни въ темномъ воздухѣ пространства. Горятъ ея всегдашніе огни, больше сотни канделябровъ-фонарей. Горятъ и газовые щиты, гирляндами повѣшенные между ними. Фонтаны бьютъ; статуи замерзли въ своихъ величественныхъ позахъ; въ сторонѣ выставки—цѣлые волканы, выбрасывающіе разноцвѣтные огни; съ башни освѣщаютъ площадь электрическимъ свѣтомъ, и каждый разъ, когда наведутъ на нее лучъ, она покрывается какъ-будто двойнымъ числомъ людей: и людьми, и ихъ тѣнями. Толпа гудитъ вдали, смѣется и болтаетъ

вблизи. Дѣти несутъ въ рукахъ игрушки или воздушные шары. Изрѣдка кто-нибудь изъ мужской молодежи выкрикнетъ остроту, или вспрыгнетъ товарищу на плечи, или затянетъ какую-нибудь парижскую пѣсенку, съ припѣвомъ—скороговоркой. Вотъ и все; *случая* нѣтъ какъ нѣтъ.

Свернули въ улицу Риволи. Она—вся въ мачтахъ и флагахъ. Флаги на стѣнахъ, на мачтахъ, на оградахъ Тюильери, на веревкахъ, протянутыхъ черезъ улицу. Флаги большіе и малые, въ одиночку и пучками. Улица, точно деревенская невѣста,—вся въ разноцвѣтныхъ лентахъ и лоскутахъ. Главная масса флаговъ, конечно, французскіе, трехцвѣтные. Затѣмъ идетъ американскій, а за нимъ русскій, — желтый съ чернымъ двуглавымъ орломъ. Въ большую мы честь тутъ теперь попали.

Дошли до ратуши — танцуютъ. Дошли до площади Биржи:—огромный оркестръ, нанятый биржевымъ комитетомъ, и танцы. Пошли бродить по ущельямъ стараго города—вездѣ пляшутъ, гдѣ подъ нѣсколько инструментовъ, нанятыхъ трактиромъ, гдѣ подъ шарманку, гдѣ и совсѣмъ безъ музыки. Улицы, вылитыя асфальтомъ, гладки какъ полъ, и танцовать отлично. Когда музыки нѣтъ, толпятся. Музыка заиграла, — сейчасъ-же образуются пары, берутся за руки, за талію, за плечи и тутъ-же на мѣстѣ начинаютъ плясать. Одна пара завертѣлась, другая, третья, — и вотъ уже и вся толпа закружилась. Гарсонъ улучилъ минутку посвободнѣй, взялъ свой бѣлый передникъ подъ мышку и сдѣлалъ два круга вальса. Быстроглазая горничная бѣжала въ

лавочку, остановилась, разохотилась и не устояла—пошла на нѣсколько туровъ съ подвернувшимся кирасиромъ, который услужливо понялъ ея вопросительный взглядъ. Студентъ шолъ мимо,—и онъ, не выпуская изъ рукъ палки, протанцовалъ, можетъ быть, съ своей прачкой. Танцуютъ рабочіе, въ синихъ блузахъ, со своими простоволосыми, чистенькими, затянутыми въ корсетъ пріятельницами. Всѣ танцуютъ. Даже тамъ, за угломъ, чтобы не такъ ужь совѣстно, отдуваясь и пыхтя, пляшутъ старикъ со старухой. Ихъ открыли. «Браво! Браво! Смотрите, какими они молодцами! Смотрите, имъ точно двадцать лѣтъ!» Старики попались, перестаютъ вальсировать, но не могутъ не улыбаться. Вездѣ шныряютъ подъ ногами ребятишки и ихъ закадычные пріятели, собаченки. На подоконникѣ сидитъ молодая, неопытная кошка, и вытянувъ шейку, поставивъ хвостъ восклицательнымъ знакомъ и изо всѣхъ силъ раскрывъ свои зеленые глаза съ узкимъ зрачкомъ, глядитъ и удивляется. И ни одного пьянаго, ни одного браннаго слова, ни одного злого или хотя-бы сердитаго лица! Еще разъ:—славная толпа! У насъ все это уже было-бы давно запачкано и въ синякахъ. Итальянцы уже зарѣзали-бы пару-другую своихъ amico. Нѣмцы непремѣнно стали-бы пѣть Wacht am Rhein и грозиться истребить враговъ. Французы-же, когда веселятся—только веселятся.

Мы исходили чуть не полъ-Парижа,—и вездѣ то-же самое. Только въ одномъ мѣстѣ, къ сожалѣнію не при мнѣ, разнесли итальянское кафе за то, что хозяинъ выставилъ одни итальянскіе да германскіе флаги.

Такъ и не «случилось» ничего.

Балъ рабочихъ.

Мнѣ остается сказать только объ этомъ балѣ, чтобы покончить съ празднествами 14-го іюля. Балъ хотя и принадлежалъ къ серіи развлеченій этого дня, но происходилъ наканунѣ. Устроенъ онъ былъ правительствомъ и городомъ для рабочихъ выставки.

Я не стану описывать балъ. Его обстановка и дѣйствующія лица уже знакомы читателю. Старый дворецъ промышленности, это—такой-же сарай изъ стекла и желѣза, какъ и галлерея машинъ на теперешней выставкѣ, только поменьше. Для бала затянули его потолокъ сплошнымъ velum'омъ, который стоилъ десятка тысячъ. Столькоже стоили освѣщеніе и оркестръ. Каковъ здѣшній рабочій, здѣшняя чернь, читатель тоже знаетъ. Гостей обоего пола набралось около тридцати тысячъ.

Интереснѣй всего президентъ, присутствовавшій на балу. Бѣдный, почтенный, достойный президентъ! Навѣрное, не разъ онъ ропщетъ на свою президентскую судьбу. Не разъ вспоминается ему, какъ онъ жилъ себѣ да поживалъ обыкновеннымъ смертнымъ, но богатымъ инженеромъ. Одинъ здѣшній юмористическій журнальчикъ помѣстилъ его изображеніе, во фракѣ, исхудалымъ какъ щепка, со скосившимися, поднятыми къ небу перепуганными глазами и съ чашей страданій въ рукахъ. Внизу подпись: «Великомученикъ Карно», а на чашѣ:—«пріемы, парады, обѣды, рѣчи, посѣщеніе выставки, объѣзды провинціи, юбилеи, столѣтняя годовщина».

Въ началѣ бала, до танцевъ, заиграли марсельезу, и въ громадной президентской ложѣ появился любимый французами monsieur Carnot. Онъ во фракѣ и лентѣ. Онъ небольшого роста, строенъ и худощавъ. На видъ ему лѣтъ за сорокъ. Черные съ просѣдью волосы гладко зачесаны назадъ, такая-же бородка, густыя брови, небольшіе, очень утомленные, точно онъ только-что плакалъ и сейчасъ лишь промылъ ихъ водою, чтобы не было слишкомъ замѣтно, сѣро-зеленые глаза и длинный, тонкій носъ. Добродушно и покорно онъ выслушалъ марсельезу и сѣлъ. Поднялись крики: «Vive la république! Vive Carnot!» Больше кричали: Carnot! Президентъ, превозмогая утомленіе, неумѣло и невеличественно, но очень добродушно кивалъ головою и ласково и какъ-будто съ маленькой насмѣшкой надъ самимъ собою (вотъ, молъ, до какихъ церемоній дожить пришлось!) улыбался себѣ въ усы. Ласковость, добродушіе и усмѣшка невольно передавались толпѣ, и долго не смолкали бодрые и какъ-бы ободряющіе президента крики: «Vive Carnot! Vive la république»!

Рядомъ съ президентомъ была его жена, по возрасту и наружности подъ пару ему. Позади толпились министры и высшая администрація выставки. Въ первомъ ряду креселъ возсѣдали министерскія жены. И тѣ, и другія—некрасивые, плотные, смышленные и малорасполагающіе буржуа и буржуазки.

Письмо IV.

Мы отдыхаемъ.

Итакъ, вернувшись съ Эйфелевой башни на твердую землю, мы сѣли отдыхать, но не отдохнули, потому-что празднество 14-го іюля заставило вашего покорнаго слугу бѣгать по Парижу вдоль и поперекъ втеченіе еще цѣлаго «письма». Теперь отдохнемъ по настоящему.

Эйфелева башня рѣшительно подавляетъ всѣ прочія зданія выставки. А эти зданія колоссальны. Ихъ вышина все—15, 20, 25 саженей, ихъ длина измѣряется десятками саженей; площади, накрытыя ихъ крышами,—цѣлыя десятины; «галлерея» машинъ спрятала-бы въ себѣ порядочный кусокъ петербургской улицы, изъ тѣхъ, что поуже—Гороховой, напримѣръ, или Казанской, со всѣми домами и церквами, мостовой, пѣшеходами и извощиками. Всѣ эти колоссы кажутся въ сравненіи съ башней карликами. Долго надо привыкать къ выставкѣ и къ башнѣ, чтобы пріучиться замѣчать размѣры и формы всего того, что не башня.

Главное зданіе выставки, чудовищный Главный Дворецъ, или Дворецъ Промышленности на Марсовомъ полѣ,

весь изъ желѣза и стекла, весь изъ небольшихъ полосъ и пластинъ желѣза, изъ стальныхъ гвоздей и винтовъ. Люди-мурашки свезли сюда безчисленное количество этихъ маленькихъ частицъ и не торопясь и искусно сложили и сшили изъ нихъ почти такія-же гигантскія сооруженія, какъ и муравейникъ по сравненію съ муравьемъ. Разница въ постройкѣ была та, что муравей обходился одной своей силой, а человѣкъ себѣ въ помощь призвалъ машины; затѣмъ, человѣкъ, кромѣ прочности, имѣлъ въ виду еще и красоту своихъ построекъ.

Красивы-ли колоссы выставки?—Нѣтъ. Въ желѣзныхъ постройкахъ человѣкъ еще слишкомъ во власти матеріала и строительныхъ законовъ, чтобы сдѣлать незамѣтными «разсчеты» и дать волю своей фантазіи. Съ желѣзомъ на нашихъ глазахъ происходитъ то, что въ эпоху свайныхъ построекъ было съ деревомъ, а во времена пирамидъ—съ камнемъ. Эйфелева башня,—это Хеопсова пирамида нашего времени. Эйфель и строители галлереи машинъ, какъ и Хеопсъ, достигли только одного,—громадности. Пирамида, пожалуй, еще совершеннѣй зданій выставки 1889 года, потому-что прочнѣй: она стоитъ вотъ уже шесть тысячъ лѣтъ, тогда какъ башня разсчитана только на 25 лѣтъ, и въ этомъ отношеніи она несовершеннѣй пирамиды въ двѣсти разъ. Сколько-же времени пройдетъ, пока люди научатся строить прочныя Эйфелевы башни, и сколько потомъ останется ждать, пока «желѣзная» архитектура достигнетъ красоты, равной красотѣ классическихъ каменныхъ храмовъ! Можете утѣ-

шиться, скучающій читатель: еще много новаго ожидаетъ васъ впереди.

Но пока въ «пирамидахъ» выставки вы не найдете ничего, чтобы порадовало ваше эстетическое чувство. Все—громадно, и только. И это *только* громадное возбуждаетъ въ васъ чувство, похожее на страхъ, такъ что не даромъ по-русски можно сказать «*страшно* громадный». Выраженіе, подходящее къ этому, въ ходу теперь и у французовъ. Прежде они говорили: «c'est joli, c'est gentil, c'est beau!», потомъ поддали жару и стали говорить: «c'est grand, c'est admirable, c'est splendide!»; теперьже, когда они увидѣли галлерею машинъ и башню, у всего Парижа съ языка не сходитъ слово «épatant». Все теперь у Парижа—épatant. Новый романъ Мопассана—épatant; уронилъ и потерялъ пять сантимовъ—épatant; кавалерія хорошо скачетъ на смотру—épatant; солнце ярко свѣтитъ—тоже épatant; Сара Бернаръ потолстѣла, за «Angelus» живописца Милле заплатили 600,000 франковъ, monsieur Carnot въ одинъ день былъ на тридцати торжествахъ и сказалъ тридцать рѣчей, министръ внутреннихъ дѣлъ Констанъ укралъ у вассальнаго эфіопскаго царя брилліанты, штатскаго военнаго министра Фрейсине побилъ пьяный офицеръ за то, что тотъ не умѣетъ ѣздить верхомъ и на смотрахъ сидитъ въ дамской трибунѣ—все это épatant. Epater—значитъ и «расплющить», и «сшибить». Epatant, поэтому, выйдетъ или съ-ногъ-сшибательно, или въ-порошокъ-растирательно. Сильно, но вѣрно. И башня, и главный дворецъ и съ ногъ сшибаютъ, и въ порошокъ истираютъ ошеломленнаго зрителя.

Зрителю съ особенно впечатлительными нервами приходится и того хуже; сначала онъ прямо дурѣетъ, со всѣми признаками одурѣнія: съ потерею способности отличать правое отъ лѣваго и съ забвеніемъ адреса той гостинницы, гдѣ онъ остановился, и только впослѣдствіи уже начинается съ ногъ сшибленное и истертое въ порошокъ состояніе души. Épatant—вотъ что доставляетъ блаженство современной человѣческой душѣ, рождающейся, живущей и умирающей на курьерскомъ поѣздѣ, дѣлающемъ не меньше шестидесяти верстъ въ часъ. И вѣдь образовалась уже на земномъ шарѣ цѣлая огромная нація, которая жаждетъ и цѣнитъ только то, что épatant. Это—американцы. Макей, богачъ, у котораго Ротшильдъ годился-бы развѣ-развѣ во вторые прикащики,—вотъ настоящій человѣкъ. Картина, хотя-бы и плохая, за которую заплаченъ милліонъ,—это картина! Докторъ Таннеръ, который не ѣлъ сорокъ дней,—самый остроумный человѣкъ на свѣтѣ. Впрыскиваніе морфія—самое веселое препровожденіе времени. Взятка поголовно всему чиновничеству обширныхъ Соединенныхъ Штатовъ, которую даетъ каждый новый президентъ, замѣщая прежнихъ служащихъ своими приверженцами,—это ужь и не взятка. А башня Эйфеля—вѣнецъ всему, что съ-ногъ-сшибательно, и Америка, мужская и женская, чуть не поголовно направились въ Европу, чтобы поклониться этому чуду міра.

Красивы-ли зданія выставки? Они были-бы красивы, еслибы были докончены. Башня смотритъ совсѣмъ «лѣсами», а главный дворецъ имѣетъ видъ чего-то наскоро и торопливо сколоченнаго. Остовъ дворца, какъ я уже

сказалъ, состоитъ изъ желѣзныхъ полосъ: таковы его стѣны, таковы его столбы, колонны и потолки. Но нельзя было оставить этотъ строительный скелетъ безъ всякаго архитектурнаго мяса, и его одѣли терракотовыми изразцами, лѣпными украшеніями и каріатидами. Всѣ эти украшенія сдерживаются желѣзнымъ остовомъ, во многихъ мѣстахъ выходящимъ наружу. Гдѣ онъ видѣнъ, онъ выкрашенъ въ свѣтлосиній цвѣтъ, и его перекрещивающіяся полосы производятъ впечатлѣніе шнуровокъ, стягивающихъ свѣтлокофейныя стѣны терракоты. Эти «шнуровки» повсюду: и сверху до низу, на узкихъ колоннахъ, и на стѣнахъ, и внутри зданій. Смотришь, и видишь, что это совсѣмъ новый и совсѣмъ скверный архитектурный стиль,— «полураздѣтый». Вездѣ вы видите все корсеты и корсеты терракотоваго цвѣта, стянутые синими шнуровками. Зачѣмъ это такъ сдѣлано, не знаю. Вѣроятно, для дешевизны. Во всякомъ случаѣ, это некрасиво и слишкомъ бара̀чно.

Полураздѣтый дворецъ Марсова поля разфранченъ только у входовъ. Тутъ корсета не видать подъ роскошными платьями. Самое роскошное, безумно роскошное и прихотливое, надѣто на главный входъ, украшенный гигантскимъ куполомъ, на которомъ на одной ножкѣ стоитъ колоссальный геній, раздающій вѣнки и пальмовыя вѣтви. Главный входъ, куполъ и геній—какъ-разъ противъ Эйфелевой башни и должны были своимъ великолѣпіемъ выдержать борьбу съ впечатлѣніемъ, производимымъ башней. Съ такимъ дьяволомъ, какъ башня, бороться, конечно, невозможно. Еслибы главный куполъ подымался не на

26 саженей, а вдвое больше,—и тогда онъ не былъ-бы особенно замѣтенъ рядомъ съ башней. Теперь-же его отыскиваютъ, и начинаютъ разсматривать такъ скоро, какъ это дѣлаю я, лишь тѣ, кто ходитъ по выставкѣ нетолько для удовольствія, но и по обязанности.

«Когда путешественникъ возвращается изъ Константинополя,—говоритъ одинъ изъ Гидовъ-зазывателей выставки,—его спрашиваютъ: какое впечатлѣніе произвела на васъ Софія? Точно также всякаго, кто былъ на выставкѣ, спросятъ: видали-ли вы главный входъ?»

Я видѣлъ. «Что это за стиль?» спрашивалъ я знающихъ людей.—«Да какъ вамъ сказать, отвѣчали знающіе люди,—это, пожалуй, будетъ поздній французскій ренессансъ». Вглядываясь въ этотъ «поздній французскій ренессансъ», я, кажется, уловилъ его основную черту. Поздній французскій ренессансъ, это—article de Paris, блестящая бездѣлушка, загроможденная украшеніями всевозможныхъ формъ и всевозможныхъ цвѣтовъ. Тутъ и поддѣльные драгоцѣнные камешки, и дутый жемчугъ, и золотыя и серебряныя насѣчки, и металлическія пластинки, и деревянная мозаика, и фигурки людей и звѣрей, куполы и колонки, ящики и шкафики, замки въ видѣ цвѣточныхъ гирляндъ, и замочныя ручки въ видѣ плодовъ. Все вмѣстѣ составляетъ туалетную шкатулку для перчатокъ, или сигарный ящикъ, или роскошную чернильницу, изъ тѣхъ, что подносятъ грамотнымъ юбилярамъ. Главный входъ, съ его разноцвѣтнымъ кубическимъ основаніемъ, накрытымъ золотымъ куполомъ, съ золотымъ геніемъ на макушкѣ, былъ-бы прелестной чер-

нильницей, еслибы его уменьшить разъ въ тысячу. Строители поступили какъ-разъ наоборотъ: сдѣлали небольшую чернильницу и въ тысячу разъ ее увеличили. Можетъ быть, поздній французскій ренессансъ всегда такъ дѣлается, но зрителю онъ не нравится. Смотришь, вглядываешься:—все необыкновенно изящно, все очень красиво, но ни росинки настроенія, ни капли пафоса. Вглядываешься еще и начинаешь понимать, почему отъ этого безукоризненнаго изящества вѣетъ такимъ холодомъ. Это—красивыя «общія мѣста», которыя вы видѣли уже тысячу разъ. Сказанное впервые это было прекрасно; повторенное здѣсь, съ искуственнымъ жаромъ и поддѣльнымъ волненіемъ, оно не трогаетъ васъ. Вы вглядываетесь въ подробности, и не находите ни одного оригинальнаго мотива; всѣ онѣ взяты по кусочкамъ у другихъ. Вотъ, вокругъ входныхъ дверей изъ стекла и желѣза, дверей, напоминающихъ или окно оранжереи, или стѣну желѣзнодорожнаго вокзала, ободокъ изъ медальоновъ—совсѣмъ неаполитанскій браслетъ изъ лавы. Вотъ большіе часы на дверяхъ—ассирійское солнце. Куполъ имѣетъ въ себѣ черты и эпохи Людовика XV, и арабскаго стиля, и того-же ассирійскаго. Вотъ, наконецъ, два гигантскихъ бюста-горельефа республики, которыми кончаются пилоны, направо и налѣво отъ входа. Загляните тутъ-же неподалеку въ Исторію Искусствъ и Ремеслъ. Этотъ отдѣлъ начинается колоссальной золоченой статуей Будды,—полуопущенныя вѣки, жреческая одутловатость лица и выраженіе безсмысленнаго покоя. Сравните теперь съ Буддой обѣ республики. Варваръ-худож-

никъ, гонясь за новизной и эффектомъ, придалъ этимъ классическимъ лицамъ нетолько одутловатость и безсмыслiе, но еще и окружилъ ихъ ореоломъ, заимствованнымъ у того-же индо-китайскаго идола. Это крупныя заимствованiя. Знатокъ указалъ-бы вамъ и еще сотни другихъ. Послѣ этого понятно, почему зритель остается совершенно холоднымъ предъ этой изящной, но совершенно нелѣпо увеличенной чернильницей.

И вся архитектура на выставкѣ такова: изумительное строительство, изумительно изощренный вкусъ, и ни капли творчества. Всѣ «дворцы», всѣ «павильоны»— или простая копiя образцовъ стараго искусства, или такой артистически составленный винигретъ, какъ главный входъ, или, наконецъ, такiе «корсеты» или такiе архитектурные «скелеты», какъ стѣны Главнаго дворца и труба Эйфелевой башни. Наилучшее впечатлѣнiе производятъ копiи, изъ которыхъ новѣе остальныхъ для зрителя мексиканскiй павильонъ, скопированный съ древняго храма; затѣмъ слѣдуютъ «корсеты» и «скелеты», съ полной откровенностью сознающiе свое архитектурное ничтожество, и наконецъ, на послѣднемъ мѣстѣ идутъ эти туалетныя и настольныя бездѣлушки, которыя совершенно напрасно раздулись въ гигантскiе дворцы.

И все-таки, не сходя съ мѣста, продолжая отдыхать, не заглядывая ни въ галлереи скульптуръ, ни въ залы картинъ, мы можемъ любоваться дѣйствительно прекраснымъ и совершенно оригинальнымъ созданiемъ Францiи. Это—французская женщина. Это женщина на выставкѣ, но никоимъ образомъ не выставочная женщина. Это

даже не парижанка, а простенькая провинціальная мѣщаночка, въ темномъ или даже черномъ платьицѣ, пріѣхавшая съ мужемъ или родителями подивиться на выставку, на городъ, на парижанъ и парижанокъ. И нѣтъ женщины проще, изящнѣй и милѣе, чѣмъ эта скромная мѣщаночка. Средняго роста, стройная и гибкая, какъ кошечка; ни худая, ни толстая, а полная необыкновенно нѣжной полнотой; почти брюнетка и вмѣстѣ съ тѣмъ съ бѣлой кожей, съ розовыми тѣнями блондинки; лицо, въ которомъ нѣтъ ничего кричащаго красотой, безукоризненно благородно благородствомъ хорошей породы,— нѣжное, овальное, безъ единой замѣтной косточки, безъ морщинки или складки. И глаза говорятъ о породѣ, доведенной до совершенства,—большіе, бодрые, свѣтлые, очень умные и очень добрые. Это не красавица, а то, что называется «красоткой». Красотка, кромѣ того, сильна и здорова. Она держится прямо, движется бодро, смотритъ весело. Ея полнота—не жиръ, а изящные мускулы; и чтобы видѣть ихъ силу, надо обратить вниманіе, какъ эти небольшія, нѣжныя какъ цвѣтокъ женщины распоряжаются своими плотными и увѣсистыми ребятишками, которыми онѣ играютъ, какъ мячиками. Но сила и энергія, которая угадывается по выдавшемуся впередъ, но прелестному подбородку, уживаются рядомъ съ удивительной нѣжностью и женственностью. Нѣжные звуки ихъ сопрано, интонаціи голоса, веселое, шаловливое и въ высшей степени приличное кокетство дѣлаютъ француженокъ женщинами по преимуществу. Ихъ ласки, ихъ ласковыя рѣчи, ихъ мимолетные поцѣ-

луи и стыдливое объятіе право-же, съ виду по крайней мѣрѣ, безгрѣшны. Стоитъ только разъ, гдѣ-нибудь во время долгаго переѣзда въ вагонѣ, или въ какой-нибудь уединенной бесѣдкѣ парка подкараулить молодую французскую парочку, чтобы придти въ умиленіе и понять, почему французы слово *amour* произносятъ не иначе, какъ съ блаженствомъ въ глазахъ, почему литература состоитъ преимущественно изъ амурныхъ исторій, которыя на чужой взглядъ слишкомъ переслащены и черезчуръ раздуты; почему французская ревность такая сердитая, а вопросъ объ адюльтерѣ дебатировался и дебатируется съ такимъ жаромъ. Французы, на нашъ взглядъ, слишкомъ много времени удѣляютъ любви. Но они въ этомъ не виноваты. Не виноватъ-же соловей, который можетъ сладко пѣть, въ томъ, что онъ много поетъ. Кому благая природа голоса не дала, тотъ и молчитъ какъ дятелъ. А если дятелъ охуждаетъ соловья, тѣмъ глупѣе дятелъ. Французскій *amour* сладокъ, но онъ и легокъ. Люди здоровы, и любовь протекаетъ безъ «психологическихъ ковыряній», которыми все отравляютъ себѣ хоть-бы наши русскіе хворые нервы, наша болѣзненная впечатлительность, наша во все непрошенно-вмѣшивающаяся безсильная разсудочность. Французы нетолько здоровы тѣлесно, здоровы сами, но и весь строй ихъ частной жизни сложенъ крѣпко и дѣльно. Мужчина бережливъ, работящъ и умѣренъ. Женщина главный свой долгъ видитъ въ заботахъ о мужѣ, дѣтяхъ и домѣ. Нѣкоторыя русскія интеллигентныя барыни, нечесанныя и незастегнутыя, немытыя и съ вѣчной папироской въ

зубахъ, день-деньской сидящія въ «гражданскомъ ознобѣ» на продавленномъ клеенчатомъ диванѣ съ книжкой въ рукахъ, въ тридцать лѣтъ уже измятыя старухи, производящія на свѣтъ золотушныхъ ребятъ, несмотря на вѣчныя нервическія ссоры съ мужемъ изъ-за «убѣжденій»,—такія особы, бросившія заботы о домѣ для «развитія», а въ сущности для распущенности, немыслимы во Франціи, странѣ порядка и характеровъ. Русскій читатель, конечно, зналъ помянутыхъ нѣкоторыхъ интеллигентныхъ барынь. Но пусть онъ не важничаетъ, ибо и русская читательница то-же знавала нѣкоторыхъ интеллигентныхъ господъ. Отъ характеристики «господъ» я отказываюсь, съ меня предовольно и барынь. Одна итальянка вотъ уже два года ищетъ меня, чтобы отомстить за Италію. Одна полька жаждетъ мести за Польшу. Настоящими строками я имъ далъ «тройственную союзницу», отечественную интеллигентную неряху. И только однѣ египтянки, по окончательному своему безграмотству, ничего противъ меня не злоумышляютъ.

Впрочемъ, милая, образцово-чистенькая и изящная, завидно здоровая и свѣжая, умненькая француженка—за меня, и я совершенно вознагражденъ.

Отдохнули вы, читатель? Если да, извините меня за полемическое отступленіе; и пойдемте по выставкѣ. Еще разъ оставимъ въ сторонѣ подробности (до которыхъ, откровенно говоря, мы пожалуй и совсѣмъ не доберемся) и станемъ смотрѣть то, на что смотритъ публика, на что первымъ дѣломъ смотрѣли-бы и вы, если-бы были на выставкѣ лично, а не чрезъ посредство

меня. Всѣ прежде всего бросаются на «курьозы и раритеты».

Курьозы и раритеты выставки.

Поэтому сначала осмотримъ всѣхъ «дикихъ людей».

«Дикіе люди» служатъ не малой приманкой выставки, которую посѣщаютъ люди цивилизованные. Культурный человѣкъ любитъ-таки почваниться и полюбоваться самимъ собою. Отходя отъ клѣтки съ обезьянами или выходя изъ аннамитскаго театра, онъ непремѣнно самодовольно улыбнется и совсѣмъ по-фарисейски скажетъ: «Благодарю тебя, Боже, что я не похожъ на этого мытаря». Смыслъ притчи о мытарѣ и фарисеѣ извѣстенъ. Современный фарисей говоритъ: «Благодарю тебя, Боже, что въ моемъ балетѣ танцуютъ ногами, а не руками, какъ въ явайскомъ, и не животомъ, какъ въ египетскомъ. Благодарю тебя, что мои articles de Paris лучше, чѣмъ берестяныя лодочки и деревянные болванчики, которыхъ дѣлаетъ въ своемъ вигвамѣ американскій индѣецъ. Благодарю тебя, что я мошенничаю на парижской биржѣ и душегубствую на фабрикахъ, а не разбойничаю въ Сахарѣ, подобно этому презрѣнному арабу. Благодарю тебя, что я гублю репутаціи честныхъ людей въ газетахъ, а не ѣмъ человѣческаго мяса, какъ эти негры изъ Центральной Африки. Благодарю тебя, что я продаю свои таланты, способности и убѣжденія, а не тѣло, подобно средне-азіатскимъ бачамъ или египетскимъ погонщикамъословъ. Благодарю тебя за проданныя газеты, полчища кокотокъ, голодныхъ рабочихъ

предмѣстій, генерала Буланже, министра Констана и, наконецъ, за самого себя, который все это находитъ очень хорошимъ».

Обезьяны и аннамитскіе актеры вовсе не такъ глупы, чтобы не прочесть на лицѣ фарисея этой хвалы самому себѣ. Прямо обезьяны и аннамиты этого не выражаютъ, но смотрятъ на фарисея въ высшей степени презрительно и продѣлываютъ всѣ свои «дикія» штуки съ удвоеннымъ цинизмомъ и полной небрежностью: зритель не уважаетъ ихъ,—ну, и они хотятъ на него плевать. Дикій человѣкъ и цивилизованный встрѣчаются на выставкѣ непримиримыми врагами и борятся другъ съ другомъ орудіемъ презрѣнія. Разница только та, что дикій человѣкъ презираетъ послѣдовательно, считая одинаковымъ мерзавцемъ и литератора-шантажиста и погонщикаословъ, тогда-какъ человѣкъ культурный перваго изъ этихъ погонщиковъословъ называетъ руководителемъ общественнаго мнѣнія и жметъ ему руку.

Самые популярные дикіе люди—это яванскія танцовщицы на Эспланадѣ Инвалидовъ. Парижскія газеты славили красоту Яванокъ на всѣ лады. Танцы въ ихъ описаніи выходили удивительно граціозны, музыка, подъ которую танцуютъ, была исполнена своеобразной прелести и т. д. и т. д.,—но лучше всего были *кожа* и *формы* танцовщицъ. Формы описывались въ видѣ «игрушки изъ слоновой кости», а кожа была «золотистый сафьянъ». Изъ парижскихъ газетъ описаніе яванскихъ прелестей перешло въ наши, и теперь въ провинціи, въ глуши, всякій мало-мальски сохранившійся мужчина, узнавъ,

что я былъ въ Парижѣ, первымъ долгомъ меня спрашиваетъ: «Ну, а эти балетчицы съ какого-то тамъ дикаго острова? Золотистыя говорятъ?»

Да, онѣ золотистыя дѣйствительно, но только не отъ природы, а отъ краски. Природа ихъ создала довольно противнаго мутно-сиваго цвѣта, притомъ совершенно одинаковаго, какъ на пяткахъ, такъ и на лицѣ, что имъ придаетъ видъ уродцевъ, посаженныхъ въ спиртъ. И величиной онѣ немного больше уродцевъ, и даже лица у нихъ уродливо-младенческія. Живутъ онѣ цѣлой семьей въ яванскомъ шалашѣ, на курьихъ ножкахъ. Входъ загороженъ, а передъ входомъ толпа. Одна яванка обрѣзала себѣ чѣмъ-то ногу, сидитъ на крыльцѣ и прикладываетъ къ ногѣ тряпочку. Другія стоятъ у загородки и, какъ обезьяны, глядятъ на публику, которая смотритъ на нихъ, какъ на обезьянъ. Какой-то веселый французикъ дотронулся до плеча обезьянки. Та ловкимъ движеніемъ хотѣла оцарапать ему руку, но французикъ тоже ловокъ,—и она промахнулась. Французикъ поклоунски изображаетъ смертельный испугъ, а обезьянка удивительно тоненькимъ, совсѣмъ птичьимъ голоскомъ, коверкая французскія слова, смѣясь, говоритъ, что она пожалуется своему «papa».

— Кто-же твой «papa»? Орангутангъ въ отставкѣ? серьезно спрашиваетъ веселый французикъ.

— Орангутангъ, да,—отвѣчаетъ обезьянка, не понимая.

Изъ шалаша показывается и «papa», а за нимъ и «maman», такіе-же маленькіе, только старенькіе.

— О! О! раздается въ публикѣ.—О-о, какіе смѣшные! Кто-бы повѣрилъ, что они могутъ имѣть дѣтей!

— Что-жь такое, они миніатюристы! Они работаютъ съ лупой! раздаются тамъ и тутъ вольныя французскія буржуазныя остроты, которымъ женщины не стѣсняясь смѣются.

Papa и maman забираютъ своихъ «дочекъ», числомъ четырехъ, забираютъ еще яванскаго малаго и направляются къ сценѣ. Я забылъ сказать, что дѣйствіе происходитъ на Эспланадѣ Инвалидовъ, въ ея густыхъ каштановыхъ и платановыхъ аллеяхъ, высыпанныхъ хрустящимъ подъ ногами гравіемъ.

Сцена и неизмѣнный трактирчикъ находятся за высокимъ заборомъ, въ воротахъ котораго съ васъ берутъ «дополнительныхъ» пятьдесятъ сантимовъ. Сцена, трактирчикъ, его кухня, все это—яванскіе неуклюжіе шалашики, изъ бамбука и тростника. На сценѣ, на заднемъ планѣ, уже сидятъ, поджавъ ноги, музыканты. Передъ ними ихъ инструменты: горшки, тазы, бутылки и стаканы. Танцовщицы садятся полукругомъ на стулья и, въ ожиданіи, пока всѣ мѣста наполнятся, дѣлаютъ гримасы и показываютъ что-то руками веселымъ французикамъ, которые ихъ поддразниваютъ и надъ ними подсмѣиваются.

Представленіе начинается. Горшки, тазы, бутылки и стаканы начинаютъ жалобно и скромно звенѣть. Право, это трогательная музыка, эта дребедень. Чудится тропическая ночь, луна, горящая блѣднымъ пожаромъ, блѣдныя тѣни неристыхъ деревьевъ, свѣтящіяся насѣкомыя, миніатюрными метеорами чертящія лѣсную тѣнь,

тихій плескъ океана, ласкающаго безпредѣльную Азію и семью ея дѣтей, острововъ. Въ лѣсу, время-отъ-времени, перекатываются грозные голоса сказочно-могучихъ, свирѣпыхъ звѣрей. А у костровъ, свѣтъ которыхъ держитъ звѣрей вдалекѣ, у святаго огня-хранителя робко собрались эти крохотные мутно-сивые людишки, жалобно звенитъ ихъ музыка, капельками роняя свои звуки, а сами людишки робко и жалобно веселятся.

Танцы ведутся чрезвычайно напыщенно и изысканно. Ничтожный человѣчекъ хочетъ другимъ показать и себя увѣрить, что онъ ничуть не боится страшныхъ звѣрей, которые ходятъ вокругъ; онъ хочетъ показать, что онъ совершенно спокоенъ, важенъ и величественъ. Лицо танцовщицы остается неподвижнымъ, какъ у статуи Будды; ходитъ она не сгибая ногъ, точно плыветъ, маленькій золотистый торсъ тоже неподвиженъ, золотистыя голыя руки не удостаиваютъ подняться, и шевелятся только узенькія, длинныя кисти рукъ, хитро выгибаясь и вращаясь, да медленно помахивая платочкомъ. Танцующая обезьянка, конечно, воображаетъ себя какой-нибудь сказочной красавицей, плѣняющей воплощеннаго бога и испытывающей сказочныя приключенія. Ее хотятъ пожрать драконы,—а она только помахиваетъ платочкомъ; ей служатъ тигры и гориллы,—она не поднимаетъ глазъ; ея богъ сражается изъ-за нея съ демонами, — она тревожнѣй стала шевелить кистями рукъ; богъ побѣжденъ и на тысячу лѣтъ зачарованъ въ цвѣтокъ лотоса,—она совсѣмъ неподвижна и на тысячу лѣтъ склонилась надъ цвѣткомъ; богъ порвалъ чары и наконецъ заключилъ

ее въ свои объятія,—и тутъ она остается безмятежной, важной и величественной...

Этотъ танецъ длится четверть часа, полчаса, часъ.

— Ah, mais c'est dégoutant! восклицаютъ французы, у которыхъ теперь слово dégoutant такъ-же въ ходу, какъ и épatant.

Цивилизованный человѣкъ скучаетъ, когда ему танцуютъ такое вотъ «Наль и Дамаянти». То-ли дѣло разсказанный ногами забористый эпизодикъ изъ порнографическаго творенія Катулла Мендеса! Выскочитъ этакая цивилизованная женщина. Носъ вздернутъ, юбки вздернуты, бюстъ и животъ—впередъ, нога за ухомъ, а выраженіе глазъ и жесты болѣе чѣмъ непечатные. Это—épatant. И фарисей повторяетъ: благодарю за то, что и хореографія моя совершеннѣй, чѣмъ та, мытарева.

Еще одна пляска,—пляска, которая не совсѣмъ не нравится и фарисею. Чтобы увидѣть ее, надобно перенестись на противоположный конецъ выставки, на Марсово поле.

Мы—въ «Каирской улицѣ». Старая знакомая!

Дѣйствительно, это цѣлый каирскій переулочекъ, немножко кривой, немножко косой; двухъ-этажные глиняные дома съ нависшими балконами-шкафами, чучела крокодиловъ надъ входными дверьми, рѣшетки въ окнахъ, восточные ковры, которыми полузавѣшены входы; продавецъ воды звонитъ своими металлическими стаканчиками, греки и сирійцы зазываютъ на всѣхъ языкахъ въ лавки и кофейни, у стѣнъ на корточкахъ сидятъ фел-

лахи въ синихъ блузахъ, гдѣ-то за стѣной заливается своимъ коклюшемъ хомàръ—оселъ.

— Боже мой! Мустафа! Ты-ли это? забывъ про публику восклицаю я, наткнувшись на моего гида по Каиру, два года тому назадъ.

Мустафа куда-то спѣшитъ, весь потный и запыхавшійся.

— Я, я Мустафа! отвѣчаетъ онъ равнодушно.

— Здравствуй. Какъ живешь?

— Спасибо, живу хорошо.

Мустафа начинаетъ вглядываться въ меня своими цыганскими мокро-черными глазами и съ розмаху ударяетъ себя по желтому лбу.

— Бахъ! кричитъ онъ.—Бахъ! Вотъ не ожидалъ. А что подѣлываетъ Профессоръ, Инглезе, Адвокатъ? Бахъ! Гдѣ пришлось встрѣтиться!

— Что-же ты тутъ дѣлаешь?

— Я—начальникъословъ. Привезъ сюда тридцать штукъ, вмѣстѣ съ мальчишками, и катаю публику.

Да это совершенно Каиръ! И Мустафа здѣсь, и меня и моихъ спутниковъ помнитъ, и то, какъ, съ нимъ на козлахъ, мы комически ѣздили къ хедиву, помнитъ и даже на чай проситъ, потому что онъ по-прежнему «бѣдный человѣкъ» Послѣ этого нельзя уйти отсюда, не осмотрѣвъ выставочный Каиръ во всѣхъ подробностяхъ.

Прежде всего спрашивается съ какой стати Египту такой почетъ? Ему нетолько отвели большое и бойкое мѣсто для выставки его произведеній, но и цѣлую улицу построили, и большую конюшню дляословъ и

казарму для ихъ погонщиковъ. Кромѣ того, въ «Исторіи Жилищъ» есть египетскій домъ; есть другой египетскій павильонъ съ выставкою Суэцкаго канала; наконецъ есть магазинъ египетскаго табаку. Этотъ почетъ тѣмъ болѣе страненъ, что Египетъ ровно ничего, кромѣ ословъ да мелочныхъ торговцевъ, не выставилъ. Откуда такая любезность?

Французская любезность очаровательна, но никогда не проявляется спроста, по одному сердечному влеченію. Тоже и тутъ. Любезничая съ Египтомъ, администрація выставки разсчитываетъ досадить англичанамъ. Англичане захватили Египетъ, на который французы со временъ наполеоновской экспедиціи привыкли смотрѣть какъ на свое достояніе,—и французы съ египтянами любезничаютъ: авось, думаютъ, англичане хоть ревностью помучаются. Ничего изъ этого, конечно, не выйдетъ. Самое большое—развѣ что бѣднаго Мустафу, когда онъ вернется въ Каиръ, подъ первымъ попавшимся предлогомъ выдерутъ розгами, чтобы другой разъ по Парижамъ да Франціямъ не шатался и глупыхъ комплиментовъ не слушалъ. Зато французская добродушная и легковѣрная публика будетъ удовлетворена. Египетъ, весь Египетъ былъ у нея въ гостяхъ! Египетъ очарованъ французскимъ гостепріимствомъ! Египетъ послѣ этого непремѣнно возненавидитъ англійское иго и смертельно захочетъ смѣнить его на иго французское! Увѣряю васъ, что французы могутъ такъ разсуждать и дѣйствительно такъ разсуждаютъ. Они не покоряютъ, а «очаровываютъ» свои колоніи.

Заглянемъ сначала въ промышленный отдѣлъ Египта. Ничего, кромѣ мелочнаго торга восточными бездѣлушками. Индѣйскія пепельницы, японскія спичечницы, китайскіе вѣера, суданскія палки, нубійскія метелки для отмахиванія мухъ.

— Господинъ! Дешево! Хорошо! по-русски раздается изъ-за одного прилавка, когда мы проходимъ мимо.

Это—іерусалимскій торговецъ четками и крестиками, неизвѣстно почему причислившій себя къ египтянамъ.

— Господинъ, что покупаешь?—Русскій баринъ, покупай иконы!—Баринъ, баринъ, дешево стоитъ! раздается со всѣхъ сторонъ.

Это—торгаши изъ Яффы, изъ Вифлеема, со своими перламутровыми иконками и бездѣлушками изъ оливы и пальмы. Все это—греки, левантійцы, сирійцы, которые столько-же феллахи, сколько и ослы, которыхъ привелъ на выставку Мустафа.

Выходимъ на «Каирскую улицу». Въ дверяхъ маленькой кофейной стоитъ измятый левантинецъ въ потертомъ пиджакѣ и зазываетъ. Входимъ—прислуживаютъ двѣ гуріи въ шароварахъ и куртках. Ходятъ какъ-то развалисто, руками машутъ и еле-еле говорятъ по-французски. Даже не понимаютъ, что имъ на чай даютъ. Но вдругъ вошла бульварная кокотка,—и восточныя гуріи такъ затрещали съ ней по-французски, что тоже оказались кокотками. Мы покачали головой—гуріи махнули рукой. «По контракту, шепнула одна изъ нихъ,—мы на шесть мѣсяцевъ оегиптились». Вотъ вамъ и Египетъ на парижской выставкѣ! Вотъ и сближеніе съ египтянами!

Остается взглянуть на египетскихъ танцовщицъ и вертящагося дервиша. Эти оказались настоящими, хотя все-таки одна изъ танцовщицъ, молодая и красивая, сильно походила на каирскую прачку изъ сиріянокъ, а дервишъ, можно было объ закладъ побиться, на родинѣ былъ извощикомъ. Зато третья танцовщица, старая и дешевая ярмарочная гавàзи, по мнѣнію публики, собравшейся въ балаганчикъ, была—épatante. Самый балаганъ въ Парижѣ извѣстенъ подъ именемъ «Pavillon de danse du ventre». Это—épatant, этакъ танцовать животомъ. Дѣйствительно, животъ у бабы былъ живой и ходилъ ходуномъ.

Такихъ, болѣе или менѣе «переодѣтыхъ» дикихъ людей на выставкѣ пропасть. Людей, по мнѣнію французовъ, полудикихъ: сирійцевъ, грековъ, персіянъ, румынъ, венгерцевъ и насъ грѣшныхъ изображаютъ французы и француженки. Людей окончательно дикихъ, хотя и бѣлыхъ: кабиловъ, арабовъ, феллаховъ, сидящихъ по «восточнымъ» павильонамъ, шалашамъ и «деревнямъ», корчатъ выжиги-левантинцы. Quasi-венгры и quasi-русскіе, въ венгеркахъ, поддёвкахъ и сарафанахъ, играютъ небольшими оркестрами, непремѣнно съ цимбалами и мандолинами (мандолина—это balalayka russe), почти въ каждомъ ресторанѣ выставки. Французы аплодируютъ и увѣрены, что завоевываютъ горячія симпатіи обширной «empire des tsares» и «таинственнаго» востока,—l'orient mysterieux. Empire des tsares уничтожитъ нѣмца, l'orient mysterieux проглотитъ англичанъ, — и тогда

Франція похвалитъ и насъ, и Востокъ за хорошее поведеніе.

Изъ «дикихъ людей» обошлись безъ французовъ и безъ сирійцевъ, этихъ «французовъ востока», только китайцы и японцы. Китайцы, по случаю громадныхъ наводненій въ ихъ странѣ, потребовавшихъ большихъ расходовъ на возстановленіе плотинъ и помощь пострадавшему населенію, ограничились тѣмъ, что устроили на частныя средства базаръ бездѣлушекъ. Японцы—блеснули. Очень большое пространство занято произведеніями декоративнаго искусства и матеріями. Больше всего роскошной посуды изъ всевозможныхъ матеріаловъ: фарфора, бронзы, мѣди, дерева. Что они дѣлаютъ съ матеріаломъ, просто изумительно. Мѣдь въ ихъ рукахъ превращается въ нѣжнѣйшій фарфоръ, бронза—въ кружево, дерево—въ металлъ. Краски изумительной прелести, подборъ цвѣтовъ обличаютъ тончайшій и изысканнѣйшій вкусъ, до котораго и самимъ французамъ далеко, какъ лаптю до бальнаго башмачка. Рисунокъ украшеній на вазахъ и блюдахъ расположенъ въ недостижимой для всѣхъ другихъ, кромѣ японцевъ, граціи и сказочной фантастичности. Вотъ вамъ и дикіе люди!

По японскому отдѣлу я ходилъ съ однимъ русскимъ художникомъ. Какъ только мы туда попали, такъ и застряли тамъ,—какъ дамы въ ювелирной лавкѣ, какъ мужики около косъ. Должно быть, японцы дѣйствительно молодцы, потому что художникъ восхищался-восхищался, да наконецъ и растрогался, почти такъ-же, какъ одинъ писатель на послѣдней передвижной выставкѣ предъ

отлично написаннымъ портретомъ. Писатель взглянулъ на портретъ и—прослезился.

— Вы были знакомы съ покойнымъ? осторожно спросилъ я (портретъ былъ недавно умершаго музыканта).

— Нѣтъ. Но ужь больно здо̀рово сдѣлано!

Такъ и японцы: ужь больно здорово дѣлаютъ. Съ художникомъ у насъ начался споръ-не-споръ, а разсужденіе: совершенство это, или нѣтъ. Я говорилъ, что—совершенство, до котораго Европѣ еще долго не дойти, особенно если всѣ ея силы уйдутъ на шлифовку бомбъ и на возведеніе въ перлъ созданія шрапнелей. Художникъ за Европу заступался, ставя на видъ, что ея живопись неизмѣримо выше японской и китайской Я не сдавался, говоря, что искусство не ограничивается искусствомъ реальнымъ, черпающимъ свое содержаніе изъ жизни и природы, и что есть еще громадная область искусства фантастическаго, источникъ котораго—фантазія, чистое творчество, творчество по преимуществу. Художникъ возразилъ, что фантазія не безгранична, и такое искусство, о которомъ говорю я, быстро исчерпываетъ всѣ темы и приходитъ въ застой. Я все-таки продолжалъ заступаться за японцевъ и сослался на дамскія моды, которыя, будучи продуктомъ чистаго творчества, служатъ образцомъ непостоянства и неустойчивости. Заступаясь за бѣдныхъ японцевъ, я разгорячился и уже сталъ нападать на Европу. Мнѣ показалось очень обиднымъ, что Европа, ударившись въ реализмъ, забросила искусство фантастическое, потеряла вслѣдствіе этого и равнодѣйствующую обоихъ направленій, искусство иде-

альное,—да еще и важничаетъ этимъ. А Россія такъ и еще больше возбудила мое негодованіе: ей мало реализма, и она изобрѣла еще реализмъ съ тенденціей. Тутъ-же я нашелъ и казнь Европѣ за ея односторонность и самоувѣренность. Куда дѣвала она свою архитектуру, забросивъ фантазію какъ негодную вещь, отучивъ свое воображеніе работать свободно! Развѣ Кельнскій соборъ строенъ съ натуршика? Развѣ Дворецъ Pitti дѣланъ съ какого-нибудь горнаго пейзажа? Развѣ колокольня Флорентинскаго собора сложена по образцу какого-нибудь стараго дуба? Все это создано воображеніемъ. А какъ впали въ односторонность реализма, такъ и стали вмѣсто башень ставить на дыбы желѣзнодорожные мосты, вмѣсто дворцовъ дѣлать что-то среднее между женскимъ корсетомъ и огороднымъ парникомъ. Воображаю, какъ оскорбляется вкусъ японца или китайца, когда онъ смотритъ на Эйфелеву башню и «дворцы» выставки. Гдѣ теперь европейская архитектура, нѣкогда заставлявшая говорить камни? Секретъ этого чуда потерянъ. Если такъ пойдетъ и дальше, Европа скоро не будетъ имѣть ни красивой мебели, ни красивыхъ матерій, ни красивыхъ одеждъ, какъ у нея уже нѣтъ красивыхъ зданій и нѣтъ художественныхъ монументовъ. Нельзя-же назвать глыбу Парижской Оперы архитектурнымъ произведеніемъ. Нельзя-же, хоть бы и въ виду франко-русской дружбы, любоваться памятникомъ Гамбетты, навороченнымъ въ Тюльери изъ какихъ-то львовъ, пьяныхъ и голыхъ дѣвокъ, изображающихъ гамбеттовы добродѣтели, и самого Гамбетты, съ его «абдо-

меномъ» и въ позѣ человѣка по крайней надобности зовущаго извозщика, ѣдущаго вдали. Тутъ не прослезишься. Еще меньше расчувствуешься предъ колоссальными статуями Республики, которыя теперь разставлены по Парижу,—а ужь, кажется, чего-же реальнѣй: такія бабищи, что полъ-слона ей на завтракъ только-что впору...

Прошу читателя не забывать, что все это говорилось въ пылу «разсужденія», и чтобы получить истину, надо-бы произнести столь-же горячую апологію реализму. Тѣмъ не менѣе фантастическое искусство японцевъ и китайцевъ совершенно, а памятникъ Гамбеттѣ, съ «идеей» и «тенденціей», можетъ понравиться только жюри нашихъ передвижныхъ выставокъ; да и то не понравится, потому что жюри и еще-бы поддало реализма фигурамъ отвлеченныхъ добродѣтелей и «идеи» гамбеттовскому абдомену. Бѣдный великій Гамбетта! Потомство поняло только твое брюхо.

«Триста интимныхъ друзей».

Дикихъ и полудикихъ людей, и кромѣ описанныхъ, на выставкѣ еще очень много, и всѣ они нетолько любятъ, но влюблены во Францію. «Онъ меня обожаетъ, бѣдняга... Онъ готовъ за меня въ огонь и въ воду...», говоритъ про каждаго изъ своихъ «трехъ-сотъ интимныхъ друзей» Нума Руместанъ у Додэ. У Франціи какъ и у Руместана, тоже триста интимнѣйшихъ друзей, которые тоже ее обожаютъ, къ которымъ она тоже снисходитъ. О ея собственныхъ обожателяхъ: арабахъ, тон-

кинцахъ, аннамитахъ, мадагаскарскихъ неграхъ etc. etc. ужь и говорить нечего. Вотъ что говоритъ Нума-Франція о дикихъ и полудикихъ ея друзьяхъ, дрессированныхъ на свободѣ.

Аргентина. — «Чтобы доказать свою горячую симпатію къ Франціи, эта богатая страна нетолько воздвигла великолѣпное зданіе, но еще и поручила его исполненіе нашимъ художникамъ» *). Аргентина выставила: вату, сахаръ, чай, табакъ, какао. Впрочемъ, этотъ другъ обѣщаетъ въ скоромъ времени не очень-то «обожать» Францію, потому что того и гляди самъ станетъ на ноги и самъ потребуетъ обожателей. Его земледѣліе и въ особенности скотоводство, продукты котораго въ огромномъ количествѣ идутъ въ Европу на пароходахъ-ледникахъ, обѣщаютъ сдѣлать изъ него вторую Сѣверную Америку, только на южномъ полушаріи.

Боливія. — Это дѣйствительно *бѣдняга*, какъ выражается Руместанъ. Боливія—обожаетъ. «Два года тому назадъ, парижскія газеты оповѣстили о пріѣздѣ въ Парижъ южно-американскаго креза, который сразу-же задалъ балъ на двѣ тысячи приглашенныхъ въ собственномъ отелѣ. Это былъ Арсъ, посланникъ Боливіи. На другой-же день по пріѣздѣ онъ купилъ въ Парижѣ отель за бездѣлицу въ два милліона франковъ. Этотъ необыкновенный человѣкъ, обладатель неисчерпаемыхъ серебряныхъ рудниковъ, до безумія влюбился въ Парижъ и Францію, и оставилъ насъ только тогда, когда Боливія вы-

*) «Guide bleu». Изъ него же и дальнѣйшія цитаты объ «интимныхъ друзьяхъ».

брала его президентомъ республики». Конечно, Арсъ съ восторгомъ отправилъ Боливію на выставку, куда страна послала антропологическую и зоологическую коллекцію и образчики каучука.

Бразилія. — Обожаетъ. «Кавалеръ де-Санта Анна Нери объѣздилъ всю страну, приглашая населеніе на выставку, а императоръ Донъ Педро II нетолько далъ свое согласіе, но еще и написалъ главному директору выставки, Берже, собственноручное письмо». Выставила: зоологическія коллекціи, образчики каучука и цвѣтущую Викторію Регію.

Республика Доминго.—Впервые появляется на выставкахъ, и сдѣлала это ради Франціи, которую обожаетъ. Выставила: кофе, какао, сахаръ, ромъ.

Республика Эквадоръ —«Конечно, парижане не забыли monsieur Антоніо Флореса, милѣйшаго посланника Сдѣлавшись президентомъ, Флоресъ, который всегда былъ преисполненъ пламеннаго энтузіазма относительно Франціи, открылъ всенародную подписку на участіе въ нашей выставкѣ». Выставлены: какао, кофе, вата, лекарственныя растенія, дерево, кожа.

Марокко.—«Марокскій султанъ, съ цѣлью выразить свою симпатію къ Франціи, непремѣнно пожелалъ, чтобы его страна приняла участіе въ парижской выставкѣ», и выставилъ ковры и кинжалы.

Марокко открываетъ собою рядъ восточныхъ обожателей, выставившихъ ковры и кинжалы, тогда какъ обожатели западные навезли какао, сахаръ и кофе.

Сіамъ.—«Сіамская выставка устроена по повелѣнію

его величества короля». Ковры, кинжалы, рисъ, засушенные цвѣты.

Персія.—«Его величество шахъ поручилъ monsieur Дорси устройство персидскаго отдѣла». Ковры, шали, ножи, опій и сабли.

Румынія.—«Исторія участія румынъ въ нашей всемірной выставкѣ въ высшей степени любопытна. Она обнаруживаетъ ту живѣйшую симпатію, которую румынскій народъ питаетъ къ Франціи». Ковры и вышивки.

Греція.—«Эта страна была одной изъ первыхъ, которыя выразили желаніе принять въ выставкѣ офиціальное участіе. Впрочемъ, симпатіи грековъ къ Франціи извѣстны уже давно». Ковры, «болѣе нѣжныхъ цвѣтовъ, чѣмъ другіе восточные», и фотографическіе снимки со статуй, найденныхъ во время послѣднихъ раскопокъ въ Акрополѣ.

Сербія.—«Сербія была первой націей, откликнувшейся на приглашеніе Франціи. Лишь только французское правительство объявило о своемъ желаніи устроить всемірную выставку, правительство короля Милана потребовало у палатъ кредита въ 100,000 франковъ, который и былъ разрѣшенъ немедленно». Ковры, черносливъ идущій даже въ Америку, и произведенія бѣлградскаго пивовара, Георга Вейферта.

Болгарія.—Мы не признаемъ Болгаріи.

Финляндія.—«Великое княжество Финляндія не оказало офиціальной помощи своимъ экспонентамъ. Но въ народѣ возникло живѣйшее желаніе принять участіе въ мирномъ состязаніи на Марсовомъ полѣ, и правитель-

ство нетолько не препятствовало, но поощряло подписку, давшую 130.000 франковъ и позволившую 150 финляндцамъ послать свои произведенія въ Парижъ». Ковры, дерево, гранитъ и выборгскіе крендели...

— Та, фиборски, настоясса фиборски! раздается около насъ чистѣйшій «фиборско-русскій языкъ продавщицы кренделей.—Дѣпры гаспатинъ, поддерзитъ семлякъ на цузой сторона. Рассаренье совсѣмъ. Никто не купайтъ. Тва мѣсяцъ тутъ сиву, никто не пакупайлъ.

Землячка (ага, теперь такъ и землячкой признаешься!) въ полномъ отчаяніи. Финляндскій павильонъ стоитъ въ сторонѣ и никто туда не заходитъ. Урокъ:— сепаратистничай, но ужъ не очень.

Россія.— Увы, и мы у французовъ на линіи полудикихъ людей, и, между нами говоря, далеко не безъ основаній. Спасибо еще французамъ за то, что они нашу полудикость окружаютъ поэтическимъ ореоломъ. Тургенева, который былъ вылитый бурмистръ, они сравнивали со скандинавскимъ богомъ, а о Россіи теперь говорятъ устами Гида Готье такъ:

«Вотъ фасадъ русскаго отдѣла, весьма монументальный, весьма интересный, въ старо-московскомъ, въ кремлевскомъ, если мы не ошибаемся, стилѣ *).

«Это самая своеобразная, на французскій глазъ, изъ

---

*) Фасадъ «кремлевскаго стиля», сочиненный французомъ, изображаетъ кремлевскую стѣну, съ зубцами, изъ-за которой на голубомъ фонѣ подымаются, по другому французскому описанію: *La tour Soukareff*, *Wassili-Lajenij* и *le clocher d'Ivan le Terrible* (!?).

всѣхъ европейскихъ выставокъ и наиболѣе привлекающая насъ чѣмъ-то страннымъ, чѣмъ-то таинственнымъ, но во всякомъ случаѣ симпатичнымъ. Чувствуется, что пошлое нашей западной цивилизаціи еще не глубоко проникло въ страну, которая хранитъ въ себѣ своеобразное сочетаніе Востока съ Сибирью.

«Чувствуете-ли вы этотъ острый запахъ пахучей кожи и этотъ духъ дикаго звѣря? Это Россія, страна синихъ лисицъ и бѣлыхъ медвѣдей, страна теплыхъ мѣховъ.

«Видите-ли вы эти мистическіе сосуды, эти раки, эти трехсвѣчники, эти финифтяные ларцы? Видите-ли эти блистающія красками, но строгія по стилю мозаики? Это Россія, наслѣдница Византіи.

«Видите-ли эти столы изъ малахита, эти драгоцѣнности изъ лазури, оникса и агата? Это Россія, владычица Урала и Кавказа.

«Можете-ли вы оцѣнить роскошь этихъ тканей, этой парчи, усыпанной золотыми и серебряными цвѣтами? Это Россія, владѣющая Туркестаномъ, соприкасающаяся съ волшебными странами Персіи и Индіи.

«А ея оружіе? А ея одежды?.. Да, это она, Россія, Россія славянская, казацкая, Россія степей!»

Очень лестно!

Притча о двухъ департаментскихъ писцахъ.

Вотъ мы и до Россіи дошли.

Припоминается мнѣ одинъ разговоръ, подслушанный въ петербургской департаментской канцеляріи, происхо-

дившій между двумя писцами. Одинъ былъ старъ, сѣдъ, съ очками на кончикѣ носа и умудренъ опытомъ. Жилъ онъ въ крохотной конуркѣ на Вознесенскомъ и по вечерамъ самъ съ собой игралъ въ шахматы. Другой былъ молодъ, легкомысленъ, жилъ неизвѣстно гдѣ, но больше въ трактирѣ «Трехъ купающихся лебедей». Умудренный опытомъ носилъ чинъ губернскаго секретаря, заслуженный тридцатилѣтнимъ переписываніемъ бумагъ. Легкомысленный чина еще не имѣлъ никакого.

Писцы бесѣдовали о чинахъ. Умудренный разсуждалъ умѣренно и здраво и каждому чину отдавалъ должное. Титулярный совѣтникъ былъ чинъ малый, но хорошій тѣмъ, что все-же — совѣтникъ. И надворный очень хорошъ, ибо уже пахнетъ статскимъ совѣтникомъ. Статскій-же, что-бы тамъ ни говорили вольтеріанцы, чинъ почти генеральскій. Тайный совѣтникъ чинъ очень большой, потому что не бываетъ безъ звѣзды...

— Все это дрянь чинишки! перебилъ легкомысленный.—По-моему только одинъ чинъ есть порядочный,— дѣйствительный тайный совѣтникъ перваго класса.

Умудренный посмотрѣлъ на легкомысленнаго, помолчалъ и потомъ спокойно проговорилъ:

— Дуракъ ты, дуракъ. Ты вотъ сначала до регистраторишки достукайся, а потомъ уже о чинахъ разсуждай.

И сталъ писать, въ надеждѣ быть когда-нибудь произведеннымъ въ коллежскіе секретари.

Не безполезно прибавить, что умудренный черезъ пять лѣтъ дѣйствительно получилъ коллежскаго, тогда

какъ легкомысленный былъ принужденъ оставить службу и въ настоящее время состоитъ въ трактирѣ «Трехъ купающихся лебедей» младшимъ маркеромъ.

Каждый разъ, когда русскіе люди начинаютъ толковать при мнѣ, что западъ сгнилъ, что Европа — дрянь странишка... Впрочемъ, отложимъ на время поясненіе нашей притчи и вернемся къ курьезамъ и раритетамъ, изъ которыхъ двухъ главныхъ мы еще не видѣли.

Еще курьезы и раритеты.

Недалеко отъ Каирской улицы, внѣ выставки, находится «Новая Бастилія», точное воспроизведеніе старой съ площадью передъ Бастиліей и улицей Saint-Antoine, которая ведетъ на площадь. Это—живая картина, въ натуральную величину, Парижа Людовика XVI, когда городъ былъ въ пять разъ меньше и во сто разъ скромнѣе.

У старыхъ воротъ, Porte de la Conférence, стоятъ часовые восемнадцатаго вѣка, въ пудренныхъ парикахъ и съ косами, одѣтые какъ попугаи. Когда этотъ восемнадцатый вѣкъ заговариваетъ съ вами, когда вы видите, что этотъ манекенъ съ наслажденіемъ куритъ папиросу и отираетъ потъ со лба, а слѣдовательно и потѣетъ, вамъ дѣлается странно. Вы платите за входъ тоже какому-то восемнадцатому вѣку, сидящему въ будочкѣ, и входите. Предъ вами небольшой кривой переулочекъ, обставленный небольшими домами,—улица Saint-Antoine.

Прежде всего мальчишка восемнадцатаго вѣка навязываетъ вамъ свѣжую газету, самую свѣжую, только-

что изъ типографіи, № 11 «Journal Officiel de la Bastille» отъ 10-го іюня *1789* года!

Что новенькаго пишутъ?

Какое потрясающее извѣстіе! *На-дняхъ* (!) «въ замкѣ Мёдонъ скончался Луи-Жозефъ-Ксавье-Франсуа, дофинъ Франціи, въ возрастѣ семи лѣтъ семи мѣсяцевъ и двѣнадцати дней. Утрата этого принца, обнаруживавшаго уже въ нѣжномъ возрастѣ столько хорошихъ качествъ и блестящихъ способностей, оставила во всѣхъ сердцахъ глубокую скорбь. Въ тотъ-же день г-нъ Вильдёль, государственный секретарь, по приказанію его величества короля, въ присутствіи герцогини Полиньякъ, воспитательницы августѣйшихъ дѣтей, сообщилъ монсеньеру герцогу Нормандскому, что король объявилъ его дофиномъ. 7-го сего мѣсяца, дворъ надѣлъ трауръ на два мѣсяца съ половиной».

Итакъ, дворъ въ настоящее время въ траурѣ, населеніе королевства погружено въ печаль, но жизнь идетъ своимъ чередомъ. — Появился новый политическій памфлетъ, подъ заглавіемъ «Отвѣтъ анонимамъ, посвященный господамъ представителямъ трехъ сословій», съ портретомъ автора, г-на Мутрабефъ-де-Тенаргъ, который изображенъ сидящимъ за столомъ въ великой задумчивости. — Главное управленіе по дѣламъ печати обнародовало королевское повелѣніе, коимъ разрѣшается газетѣ «Французскій Меркурій» печатать отчеты о засѣданіяхъ собранія представителей, съ тѣмъ, однако, чтобы означенные отчеты не сопровождались никакими толкованіями и коментаріями.—Наконецъ, мы находимъ

въ газетѣ свѣженькія новости о вышеупомянутыхъ засѣданіяхъ. Оказывается, что сословіе дворянъ все еще упорно настаиваетъ на засѣданіяхъ каждаго сословія отдѣльно, причемъ ссылается на Тацита, который ясно говоритъ, что въ его время сословія совѣщались порознь. На это одинъ изъ представителей третьяго сословія возразилъ, что у франковъ совѣщанія происходили вмѣстѣ.—Газета заключается остроумной шарадой, и затѣмъ въ видѣ приложенія напечатанъ списокъ арестантовъ, содержавшихся въ Бастиліи въ концѣ XVII вѣка. Въ Бастилію сажали всякаго рода преступниковъ. Въ спискѣ встрѣчается много чиновниковъ, арестованныхъ за преступленія по должности, преимущественно за растраты и взятки; тутъ есть и убійцы, и воры, гадальщики на картахъ, вредные знахари, торговцы запрещенными книгами, авторы политическихъ памфлетовъ, какая-то Марія-Женевьева Сентъ-Андрэ, выбившая стекло въ каретѣ королевы, какой-то Осипъ Ярина, конечно, славянинъ, лакей венеціанскаго посланника, въ томъ-же году похвалявшійся въ сѣняхъ версальскаго дворца: «а кто мнѣ помѣшаетъ убить короля?»

И вотъ, мы вступаемъ въ старый Парижъ, который былъ свидѣтелемъ всѣхъ новостей, напечатанныхъ въ «Journal de la Bastille» въ 1789 году.

Жизнь течетъ тутъ очень бойко. Въ полутемныхъ магазинчикахъ торгуютъ, на площади поютъ уличные пѣвцы, каждый день происходитъ свадьба, и два раза въ день арестантъ убѣгаетъ изъ Бастиліи. Сама Бас-

тилія—неуклюжее темное зданіе, съ восемью круглыми башнями. Прежде всего, посѣтитель, переселившійся въ восемнадцатый вѣкъ, осматриваетъ Бастилію. Если у него въ рукахъ гидъ Бедекера, онъ знаетъ, что слово «бастилія» значитъ—бастіонъ, что старая Бастилія была остаткомъ ограды четырнадцатаго вѣка и тогда называлась бастіономъ святого Антонія. Въ Новой Бастиліи, въ копіи, помѣщается театръ, гдѣ даютъ представленія изъ «бастильнаго быта», да въ одной изъ башень — остальныя стоятъ только для проформы—сидятъ манекены арестантовъ. Въ башню вы проходите по подъёмному мосту, перекинутому черезъ ровъ, затѣмъ спускаетесь въ подземелье и тутъ видите упомянутыхъ арестантовъ. Неважно помѣщались бѣдняги! На полу солома, вмѣсто стула—обрубокъ, полуразбитый горшокъ съ водой, миска съ пищей, кандалы на рукахъ и ногахъ,—вотъ и вся обстановка. Просидѣть такимъ образомъ тридцать лѣтъ, какъ просидѣлъ старикъ, изображеніе котораго заковано тутъ въ цѣпи, это было тяжеловато. Что это было тяжеловато, подтверждаетъ и «тюремщикъ», горбатый карликъ, со связкой ключей у пояса и весь въ красномъ, который даетъ публикѣ объясненія. «Въ наше время,—говоритъ онъ,—люди стали гораздо гуманнѣй», — и проситъ на чай. Ему даютъ, ибо только-что онъ похвалилъ современную публику за гуманность.

Изъ подземелья узкой витой лѣстницей вы поднимаетесь на одну изъ башень. Тамъ караульный солдатъ восемнадцатаго вѣка читаетъ «Petit Journal», а впро-

чемъ ничего примѣчательнаго нѣтъ. Тогда вы спускаетесь внизъ. Тутъ уже не витая лѣстница, а длинные и узкіе ходы, переходы и корридоры. Направо и налѣво попадаются толстыя двери или окна за желѣзными рѣшетками. Тамъ сидятъ предполагаемые арестанты: Осипъ Ярина, Марія Андрэ, книгопродавецъ Просперъ Контà, составитель ядовъ итальянецъ Паоло Тровато, президентъ счетной палаты Бургони и Бреста Николай дю-Гэ, растративший казенныя деньги. Переходы кончаются, и мы снова на площади.

На площади толпа слушаетъ уличныхъ пѣвцовъ, мужчину и женщину, которые стоятъ на лавкѣ, и распѣвая, въ тактъ подплясываютъ съ ноги на ногу. Акомпанируетъ имъ визгливая скрипочка. Поютъ подлинные куплеты восемнадцатаго вѣка, въ которыхъ съ наивной скабрезностью разсказывается, какъ кюре влюбился въ свою служанку и что изъ этого вышло. Мелодія тоже наивная и однообразная,—одна на все число куплетовъ которыхъ немало.

Не успѣли пѣвцы окончить, какъ началась свадьба, опять-таки свадьба 1789 года, безъ экипажей, съ баломъ на улицѣ, съ шумнымъ кочеваніемъ гостей отъ жениха къ невѣстѣ, отъ невѣсты въ церковь. Церковь тоже на лицо,—св. Маріи. Свадьба кончается танцами на площади, причемъ особый эффектъ производитъ маркизъ съ огромнымъ носомъ самаго настоящаго фасона XVIII столѣтія.

Наконецъ, начинается «бѣгство арестанта». Въ самомъ верхнемъ окнѣ одной изъ башень показываются

двѣ руки, которыя торопливо начинаютъ ломать раму. Рама, конечно, подается, и высовывается голова, которая тревожно оглядывается. Голова скрывается, и изъ окна выбрасывается веревка, свитая изъ простынь и разорваннаго бѣлья. Арестантъ торопливо вылѣзаетъ и быстро начинаетъ спускаться. Когда онъ наполовинѣ дороги до земли, вдругъ раздается выстрѣлъ часового. Арестантъ раненъ, въ первое мгновеніе онъ чуть не выпустилъ веревки изъ рукъ, но кое-какъ собрался съ силами и снова сталъ спускаться, но уже медленнѣй. Бастилія окружена рядомъ небольшихъ домовъ, за этими домами и скрывается отъ взоровъ жителей арестантъ. Но «бѣгство» еще не окончено. Чрезъ нѣсколько секундъ бѣглецъ показывается на крышѣ домовъ. Да, онъ раненъ, правый бокъ его бѣлой рубахи въ крови. Сначала сгоряча онъ пробирается по крышѣ довольно быстро, но потомъ слабѣетъ, начинаетъ спотыкаться, нѣсколько разъ чуть не срывается съ крыши совсѣмъ и, наконецъ, въ полномъ изнеможеніи ухватывается за дымовую трубу, отъ которой отламываются кирпичи, ложится и лежитъ. Между тѣмъ и солдаты появляются на крышѣ. Бѣглецъ дѣлаетъ послѣднее усиліе, доходитъ до конца крыши, слѣзаетъ по трубѣ внизъ и—попадаетъ въ руки солдатамъ. Появляется тюремщикъ, горбатый карликъ въ красномъ, и всѣ, и тюремщикъ, и солдаты, и бѣглецъ, не въ силахъ удержать улыбку, отправляются «домой», гдѣ сядутъ обѣдать. Публика тоже улыбается и пересмѣивается: видимо, старая репутація Бастиліи уже забыта.

Самый крупный, притомъ «казенный» курьезъ вы-

ставки, безспорно, «Исторія человѣческихъ жилищъ», представленная зданіями, числомъ около сорока, построенными архитекторомъ Гарнье, строителемъ парижской оперы. «Исторія» удалась ему несравненно лучше оперы. Начинается исторія, какъ и слѣдуетъ быть, съ начала, когда не было ни жилищъ, ни ихъ исторій, а кончилась она, тоже какъ по писаному, тѣмъ, что газеты бѣднаго Гарнье выбранили ни за что, ни про что, единственно на томъ основаніи, что репортерамъ показалось, будто Гарнье недостаточно ученъ. Первое жилище—доисторическое, естественная пещера.

Доисторическія жилища кончаются свайными постройками, и затѣмъ идутъ уже настоящія зданія: сначала первичной цивилизаціи, египтянъ, ассирійцевъ, финикіянъ и евреевъ; потомъ цивилизаціи арійцевъ, отъ индѣйскаго дома до русской избы, и наконецъ, цивилизаціи «уединенныхъ»,—Китая, Японіи, Мексики, Перу.

Все это не храмы, не общественныя зданія, а обитаемые дома. Все это очень красиво и здѣсь на выставкѣ имѣетъ троякое назначеніе. Одни, средневѣковыя зданія, служатъ мѣстомъ отдыха президенту республики, когда онъ посѣщаетъ выставку. Другія заняты разными «дикими» базарами, гдѣ за прилавками сидятъ кокоткие переодѣтыя левантинками, и левантинцы, наряженны, арабами. Въ третьихъ помѣщаются мелкіе буфеты. Въ русскомъ домѣ продаютъ, конечно, cidre russe (т. е. квасъ) и liqueur russe (т. е. очищенную).

— Здравствуйте! говоритъ намъ въ русскомъ домѣ человѣкъ въ красной рубахѣ и плисовыхъ шароварахъ.

— Ахъ, здравствуйте!

— Водочки не прикажете-ли?

— На этакой-то жарѣ?

— Ничего. Она прохлаждаетъ.

Мы отъ этого прохладительнаго отказываемся и просимъ «русскаго сидра».

Описывать исторію жилищъ подробнѣе я не стану, потому что это вышелъ-бы цѣлый курсъ архитектуры и археологіи, а русскій читатель, конечно, не такъ терпѣливъ, какъ тѣ французы, которые съ четырехъ часовъ дня занимаютъ мѣста вокругъ главнаго бассейна Марсова Поля, чтобы только къ половинѣ девятаго вечера дождаться иллюминаціи фонтановъ. Впродолженіи пяти съ половиною часовъ и они, и онѣ, и ихъ родители, и дѣтишки не встаютъ со стульевъ, вопервыхъ, потому, что не хотятъ вторично платить десять сантимовъ, и вовторыхъ, чтобы не терять мѣстъ, ближайшихъ къ бассейну. Тутъ ѣдятъ принесенную съ собою въ корзинахъ провизію, тутъ пьютъ, почти даже спятъ. Говорятъ, одна терпѣливая француженка даже маленькаго французика произвела тутъ на свѣтъ, и все-таки не заплатила во второй разъ десяти сантимовъ. Зато какой неподдѣльный восторгъ овладѣваетъ публикой, когда загораются огнями два ряда четырнадцати малыхъ фонтановъ, одинъ большой и одинъ каскадъ. «О! О-о! О-о-о!» раздается при каждой перемѣнѣ цвѣта. И это «О-о!» произносится даже ребятишками какъ можно басистѣе, въ знакъ того, что удивляются чрезвычайно. «О-о! Красное!» «О-о-о! Зеленое!» «О-о-о! Всѣ цвѣта!!» Вос-

хищаются отъ всей души одинаково и дѣти, и старики, которые здѣсь удивительно молоды и очень дружатъ съ ребятишками. «Бѣлое! Кончается, кончается!» кричатъ всѣ, когда фонтаны освѣщаютъ послѣднимъ по программѣ свѣтомъ,—бѣлымъ. Кончилось, толпа разсыпается, и всѣ спѣшатъ къ выходу. Набережная Сены въ этотъ часъ кишитъ народомъ. Всѣ идутъ и часто оглядываются назадъ на башню, на вершинѣ которой, высоко въ небѣ, рядомъ съ серпомъ молодого мѣсяца, горятъ три крупныя звѣзды,—двѣ бѣлыхъ и одна мерцающая то зеленымъ, то краснымъ, то тоже бѣлымъ цвѣтомъ. Ровно въ одиннадцать часовъ эти звѣзды внезапно погасаютъ и мѣсяцъ на небѣ остается—одинъ...

Письмо V.

Въ Парижѣ я свелъ знакомство съ французскимъ журналистомъ, изъ наивныхъ и добросовѣстныхъ. Такихъ мало. Мой французъ не дѣлаетъ политики, не заключаетъ международныхъ союзовъ, не подогрѣваетъ международныхъ симпатій и не раздуваетъ антипатій. Съ Россіей онъ познакомился только на выставкѣ. Онъ видитъ Россію такою, какою она явилась въ Парижъ. Такою-же онъ ее и описалъ въ своей статьѣ, напечатанной въ одной изъ французскихъ газетъ. Привожу ее цѣликомъ.

Статья француза о Россіи.

«Очутившись на выставкѣ и отдавъ дань изумленія башнѣ великаго Эйфеля, я прежде всего сталъ искать отдѣлъ Россіи. Эта поспѣшность весьма понятна. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ имя Россіи на устахъ француза появляется столь-же часто, какъ и названіе его родины. Сначала говорили о русскихъ расписанныхъ деревянныхъ чашкахъ, которыя своей дешевизной вытѣснили съ прилавковъ магазиновъ и съ витринъ мѣняльныхъ лавокъ японскую и китайскую посуду. Потомъ надѣлала шума русская беллетристика, заставившая предъ ли-

цемъ Тургеневыхъ, Толстыхъ и Достоевскихъ померкнуть имена Флобера, Доде и Зола. Затѣмъ возникла и стала популярной идея франко-русскаго союза. Наконецъ заговорили мыслители, и въ оборотъ были пущены идеи о нарождающейся болѣе совершенной новой культурѣ, славяно-русской, которая идетъ на смѣну одряхлѣвшей западно-европейской цивилизаціи и призвана обновить міръ. Послѣ этого вы поймете, что я ожидалъ встрѣтить выставку русскаго отдѣла въ одномъ изъ самыхъ грандіозныхъ и великолѣпныхъ зданій Марсова поля и Эспланады Инвалидовъ. О томъ, чтобы администрація выставки отказала въ мѣстѣ какой угодно величины и гдѣ угодно, не могло быть и рѣчи. Россія—нашъ единственный союзникъ, притомъ столь необходимый, что за его дружбу можно отдать всѣ три этажа Эйфелевой башни, со всѣми ея ресторанами. Я ждалъ, что на вершинѣ башни развѣвается рядомъ съ французскимъ русскій флагъ. Это зрѣлище наполнило-бы мое сердце восторгомъ: нетолько европейскій миръ былъ-бы обезпеченъ, но и Эльзасъ и Лотарингія вернулись-бы въ лоно Франціи. Но—это голосъ эгоизма. Другой голосъ, голосъ воображенія, пораженнаго репутаціей Россіи, какъ политическаго и культурнаго колосса, теперь долго обманывалъ меня, заставляя искать русскій отдѣлъ не тамъ, гдѣ онъ помѣщается на самомъ дѣлѣ. Россія—страна необъятно великая, и сначала я принялъ за русскій отдѣлъ главный входъ Дворца Промышленности. Россія страна новой культуры,—и я перебралъ по́одиночкѣ всѣ павильоны американскихъ республикъ, но-

сившіе характеръ чего-то новаго. Россія оригинальная страна, — и я бродилъ по фантастическимъ зданіямъ, которыя, увы! оказались: сіамской пагодой, панорамой трансатлантическаго пароходства, явайскимъ «кампонгомъ», румынскимъ трактиромъ, каирской улицей, павильономъ тонкинской выставки. Россія страна великой литературы,—я поспѣшилъ въ отдѣлъ книгъ, тщательно обошелъ его безчисленныя витрины, но нигдѣ не нашелъ книгъ русскихъ. Тогда я вспомнилъ, что Россія страна необозримыхъ степей, покрытыхъ волнующимися хлѣбами, и поспѣшилъ на Орсейскую набережную, въ международный Отдѣлъ Питательныхъ Продуктовъ. Мнѣ показалось, что я нашелъ, наконецъ, моего колосса. На набережной, у самой воды, возвышается огромное и великолѣпное зданіе нѣсколько странной, но прекрасной архитектуры. На его благородныхъ очертаніяхъ лежитъ печать чего-то непривычнаго, чего-то восточнаго, почти мистическаго. Это былъ такой-то коллективный ренессансъ формъ классическихъ, византійскихъ, арабскихъ. Я припомнилъ, что такова и Россія, наслѣдница Византіи, владѣлица Туркестана, Хивы и Бухары, сосѣдка очарованныхъ странъ Китая и Индіи, даровитая ученица Европы, превзошедшая учителя. Пока я быстрымъ шагомъ приближался къ очаровательному зданію, мое воображеніе успѣло въ великолѣпныхъ картинахъ нарисовать мнѣ сокровища, которыя я найду въ Русскомъ Дворцѣ. Груды драгоцѣнныхъ металловъ и камней, которыми Россія можетъ украсить весь міръ. Безконечные закрома золотой пшеницы, которая питатель-

нѣй хлѣбовъ остального міра. Неисчерпаемые источники нефти и залежи каменнаго угля. Дремучіе лѣса, съ ихъ звѣрями и дичью. Моря и рѣки, съ ихъ рыбами и животными. Степи, съ табунами выносливѣйшихъ лошадей и стадами лучшаго рабочаго рогатаго скота, стадами овецъ и верблюдовъ. Великолѣпная архитектура, безконечно разнообразная, отъ Ледовитаго океана до границъ Индіи. Населеніе, состоящее изъ безчисленныхъ племенъ и народовъ. Наука, развившаяся такъ мощно въ молодомъ и даровитомъ народѣ, соединившемъ въ себѣ знанія стараго востока и новаго запада. Громадное развитіе техническихъ знаній, вызванное разнообразіемъ промысловъ и климатовъ. Періодическая литература, достигшая неслыханныхъ размѣровъ въ средѣ сто-милліоннаго населенія.—Все это, казалось мнѣ, должно быть представлено въ образчикахъ такихъ-же поразительныхъ и колоссальныхъ, какъ и то, что они представляютъ. Мое воображеніе рисовало мнѣ густую толпу зрителей, сошедшихся со всѣхъ концовъ міра, чтобы созерцать союзницу Франціи, могучую носительницу новой культуры. Пораженные ея блескомъ и богатствомъ, они вступаютъ съ нею въ тѣсныя сношенія. Хлѣботорговцы изучаютъ ея торговлю пшеницей и тутъ-же заключаютъ огромныя сдѣлки. Военное министерство задумываетъ покупку лошадей. Трансатлантическое общество дѣлаетъ заказы донецкаго угля. Наши дамы не могутъ оторваться отъ парчей. Наши крестьянки околдованы кумачами. Наши техники поражены простотою и практичностью русскихъ машинъ, причемъ въ особенности изумлены

инженеры, толпящіеся у выставки способовъ передвиженія по снѣгу и льду. Журналисты мечтаютъ о гонорарѣ, которымъ могутъ располагать «Закамчатскій Вѣстникъ», имѣющій 576,823 подписчика, не считая громадныхъ доходовъ отъ объявленій россійско-американской компаніи, «Московскій Кремль», органъ славянофиловъ, съ его $1^1/_2$ милліонами читателей, «Песочница», органъ столь вліятельной въ Россіи бюрократіи, и, въ особенности, знаменитый «Тулупъ», органъ богатаго, изобильно надѣленнаго землей русскаго крестьянства, выписывающаго газету въ числѣ *трехъ милліоновъ* экземпляровъ! Наконецъ изумлены и наши философы, созерцающіе великолѣпныя статуи русскихъ великихъ мужей, которыя, по счастливой мысли архитектора, разставлены—лучшія сокровища Россіи!—среди ея матеріальныхъ сокровищъ. Наши философы смотрятъ съ благоговѣніемъ на эти полумонгольскія, коротконогія и большеголовыя фигуры, съ некрасивыми, грубыми, безпорядочными, но полными выраженія чертами лица. «Вотъ личинка, изъ которой вылетитъ невиданной красоты мотылекъ, говорятъ они,—вотъ работники, грубые съ виду, которые созидаютъ новую культуру неслыханной соціальной гармоніи!»

«Наконецъ я, приведенный звѣздою своего воображенія, вошолъ въ этотъ вертепъ новаго завѣта.—Увы, это былъ павильонъ испанскихъ винодѣловъ!

«Гдѣ-же Россія? Я хотѣлъ уже развернуть мой гидъ, чтобы отыскать ее, но вспомнилъ, что сейчасъ во дворцѣ Трокадеро начинается русскій концертъ, и поспѣшилъ туда·

«До начала оставалось не болѣе четверти часа, но кассы были пусты. Многочисленные сержанты толпились у входовъ, зѣвали и презрительно поглядывали на публику, напрасно искавшую, у кого-бы можно было купить билетъ.

«—Когда-же явятся кассиры? спрашиваю я.

«—О, русскіе не любятъ торопиться; отвѣчаетъ сержантъ.

«— Но вѣдь произойдетъ давка и безпорядки?

«— Безпорядокъ,—да. Давка,—нѣтъ. Давка будетъ во время перваго антракта, при выходѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, было прошлый разъ, когда публика бѣжала: вѣроятно, дѣйствіе русской музыки слишкомъ сильно.

«Невѣжда!» подумалъ я и сталъ ждать. Черезъ десять минутъ явилась кассирша и съ улыбкой переглянулась съ сержантомъ.

«— Вы меня спасете, когда напоръ публики станетъ ломать кассу? иронически спросила она.

«— Если это будетъ возможно, въ томъ-же тонѣ отвѣтили сержанты.

«Купилъ билетъ я, купили пара нѣмцевъ, нѣсколько американцевъ, которымъ нужно видѣть *все*; купили мѣста десятокъ нашихъ провинціаловъ, конечно, вообразившихъ, что русская музыка сопровождается какимъ-нибудь danse du ventre; прошли въ концертную залу и русскіе, которыхъ сейчасъ-же узнаешь по ихъ измятымъ лицамъ и платьямъ. Русскіе имѣли видъ смущенный. «Вотъ и залъ. Едва-ли его четвертая часть занята. Время начинать, но не начинаютъ. Встрѣчаю

собрата по перу и спрашиваю его, почему такъ мало публики и почему концертъ не начался. Отвѣтъ собрата поразилъ меня: эта бѣдная великая нація, насчитывающая сто милліоновъ душъ, еще не научилась дѣлать объявленія даже въ скромномъ размѣрѣ, разсчитанномъ на какихъ-нибудь $2^1/_2$ милліона парижскаго населенія, Рѣшительно никто въ Парижѣ не видѣлъ афишъ русскаго концерта. А между тѣмъ расходы были очень велики. Залъ, оркестръ, путешествіе въ Парижъ русскихъ композиторовъ,—все это стоило немало. Но не успѣлъ я удивиться этой русской неумѣлости, какъ узналъ, что исторія съ объявленіями—ничто въ сравненіи съ другимъ обстоятельствомъ. Оказалось, что музыка великой Россіи еще не вышла изъ періода меценатства. Великіе русскіе композиторы не смогли явиться въ Парижъ, который такъ расположенъ былъ ихъ принять, самостоятельно, и потребовалось вмѣшательство нѣкоего г. Бѣляева, петербургскаго коммерсанта, музыкальнаго мецената, который привезъ сюда композиторовъ, нанялъ залъ, платилъ оркестру и печаталъ объявленія! Г-нъ Бѣляевъ, конечно, образецъ меценатовъ, но что сказать о странѣ, которая безъ послѣднихъ не можетъ обойтись, что сказать о ея музыкантахъ, которые не съумѣли и не смогли появиться и устроиться безъ посторонней помощи?!

«Въ пустомъ залѣ началась музыка. Я ожидалъ многаго, я ожидалъ услышать нѣчто подобное «Аннѣ Карениной», «Дворянскому гнѣзду», стихотвореніямъ Фета, Лермонтова и Пушкина, и я услышалъ нѣчто столь-же

мало похожее на музыку, какъ звуки кухонь Грандъ-Отеля. Пока играли произведенія композиторовъ не совсѣмъ «новыхъ», я даже ощущалъ нѣкоторое удовольствіе, но когда дѣло дошло до г. Бородина и, въ особенности, г. Мусоргскаго, я понялъ г-на Деруледа, сидѣвшаго рядомъ со мной, котораго подергивало такъ, какъ будто ему читали приговоръ о тюремномъ заключеніи лѣтъ на двадцать. И что за охота русскимъ геніямъ брать темы, которыя музыкально быть обработаны не могутъ? Половецкій маршъ, половецкія пляски! Да вѣдь тутъ-же на афишѣ написано: «Les Polovtsi étaient une peuplade sauvage de race turque, en Russie au XII siècle». Какая-же музыка у турокъ! Какая музыка у *дикаго* народа, да еще XII вѣка? И не нелѣпость-ли изображать въ музыкѣ отсутствіе у половцевъ музыки? Другой русскій геній пошолъ еще дальше и представилъ въ звукахъ шабашъ вѣдьмъ на Лысой горѣ. Дѣйствительно, это шабашъ вѣдьмъ, — но не музыка. Однимъ словомъ, при первой-же встрѣчѣ въ Парижѣ съ Россіей, меня постигло разочарованіе, и на основаніи того, что я тутъ слышалъ, я могу сказать, что русская музыка существуетъ лишь въ слабыхъ зачаткахъ, которые, быть можетъ, погибнутъ подъ вліяніемъ полнаго извращенія музыкальнаго вкуса.

«Когда концертъ кончился (о, какъ мучительно долго онъ тянулся!), я почувствовалъ потребность освѣжиться и прошолъ во дворецъ изящныхъ искусствъ. Каково-же было мое удивленіе, когда я наткнулся тамъ на небольшой залъ, съ надписью «Russie». Немедленно я купилъ

непомѣрно дорогой каталогъ «Русскаго отдѣла», который мнѣ продала русская дама, торгующая измятыми и даже исписанными русскими газетами, выдаваемая ею за самыя свѣжія, и принялся за изученіе русской живописи, о которой у насъ тоже немало говорили.

«Прежде всего мнѣ бросилось въ глаза, что между русскими живописными геніями очень много геніевъ женскаго пола, притомъ незамужнихъ, что̀ заставляетъ предполагать, будто въ великой Россіи живописью занимаются между прочимъ, отъ нечего дѣлать, до свадьбы. Я насчиталъ около дюжины геніальныхъ женщинъ, имена которыхъ, конечно, въ Россіи гремятъ: m-lle Бурцевъ Натали, m-lle Бурцевъ Софи, m-lle Дулемба Мари, m-lle Филицъ Ида, m-lle Киреевская, m-lle Рюби Элла и т. д. Всѣ эти mesdemoiselles не живутъ въ Россіи, а разсѣяны по Брюсселямъ, Парижамъ, Римамъ и Мюнхенамъ. Тѣмъ не менѣе, тѣ изъ нихъ, кто пошолъ дальше классичесской *nature morte*, изобразили кто *troïke russe*, кто *boyard russe*.

«Между геніями мужскаго пола почти совсѣмъ нѣтъ русскихъ, если судить по фамиліямъ и мѣсту жительства. Алхимовичъ Казиміръ, Хелмонскій Юзефъ, Гедройцъ, Герсонъ изъ Варшавы, Голынскій, Крыжицкій, Манковскій изъ Кракова (?), Миртонъ-Михальскій, Павлишакъ, Пеховскій, Попель, Пшепіорскій, Сохачевскій, Шимановскій, Вадзиновскій изъ Кракова (!), Залеховскій изъ Кракова (!),—все это несомнѣнно поляки, да еще изъ Кракова, который, сколько помню, еще принадлежитъ Австріи. Сколько-же именъ нѣмецкихъ! Фед-

дерсъ, Гирценбергъ. Гофманъ, Кнопъ, Пассъ Рòманъ и т. д. Если откинуть еще имена еврейскія, греческія и армянскія, то русскихъ останется очень небольшое число, между которыми внушительнѣй остальныхъ звучатъ слѣдующія: Товстолуевскій, Чумаковъ, Лысенко, Кудашевъ, Гриценко и пр.

«Я недоумѣвалъ, но къ счастію (или къ несчастью!) и тутъ встрѣтилъ собрата, болѣе меня знающаго Россію.

«— Скажите, очень извѣстны въ Россіи господа Лысенко, Гриценко и Товстолуевскій? спросилъ я.

Собратъ широко раскрылъ глаза.

«— О нихъ никто никогда ничего тамъ не слыхалъ! отвѣтилъ онъ.

«— А Ида Филицъ, Мари Дулемба, Элла Рюби?

«— Что это, модные магазины?!

«— А Кнопъ, Пассъ, Гирценбергъ, Гофманъ?

«— Это мѣняльныя конторы?

«— Пшепіорскій, Вадзиновскій, Манковскій, Пеховскій, Меховскій, Цеховскій, Леховскій...

«— Постойте, постойте. Навѣрно, вы не тотъ каталогъ взяли. Что за странность, дѣйствительно: *Groupe I—Beaux-arts*, *Classe I—peintures à l'huile* и—Пеховскій, Цеховскій, Леховскій, Кнопъ, Пассъ и Элла Рюби. Да, да, вотъ и monsieur Робертъ Рòманъ тутъ. Ну, слушайте-же...

«И собратъ сообщилъ мнѣ слѣдующія непостижимыя вещи:

«Предсѣдатель жюри отдѣла изящныхъ искусствъ—

Мейсонье, богъ современной живописи. Товарищъ предсѣдателя--русскій живописецъ, Робертъ Ро̀манъ. Этимъ хотѣли выразить симпатію великой Россіи. Кто когда что слышалъ въ Россіи о г. Робертѣ Ро̀манѣ? Никто никогда ничего,—и это было еще самое лучшее. Теперь о немъ узна̀ютъ какъ о вице-президентѣ жюри. Въ Россіи при этомъ извѣстіи всѣ будутъ твердо увѣрены, что и французы, и русскіе выставочные комитеты (а ихъ много: комитетъ центральный, комитетъ главный, комитетъ парижскій и комитетъ изящныхъ искусствъ) просто-на-просто внезапно и поголовно рехнулись. Какъ! скажутъ тамъ.—Мы можемъ назвать Рѣпина, Шишкина, Васнецова, Полѣнова, Куинджи, Айвазовскаго, Антокольскаго, Верещагина, не считая другихъ, менѣе зрѣлыхъ, но столь же даровитыхъ художниковъ, имена которыхъ дѣйствительно составляютъ нашу славу и гордость,—и не кто-либо изъ нихъ, а рѣшительно никому неизвѣстный Робертъ Ро̀манъ займетъ мѣсто одесную Мейсонье! Г-нъ Ро̀манъ, конечно, прекрасный человѣкъ, но Россія все-таки оскорблена. И представьте, во всей этой невѣроятной нелѣпости виновата сама-же Россія, сами ея «гордости» и «славы»,—ея позорныя апатія, инертность и сварливость.

«Гдѣ-бы и показать себя, какъ не на всемірной выставкѣ 1889 года, да еще въ странѣ, которая только и ждетъ, чтобы устроить русскимъ встрѣчу самую радушную, пріемъ самый блестящій. Вѣдь тутъ съ русскими познакомится весь міръ. Вѣдь, не говоря уже о томъ, что русское искусство будетъ оцѣнено по достоинству,—

матеріальный разсчетъ заставлялъ русскихъ художниковъ показать свой товаръ на международномъ рынкѣ и найти сбытъ и внѣ Россіи. Наконецъ дѣло шло о свободѣ! Художники нашли-бы цѣнителей, кромѣ критическаго *шпісит*, нѣкоего г-на Стасова, нашли-бы покупателей, кромѣ нѣкоего г. Третьякова, *) ставшаго по смерти Боткина тоже *уникумомъ*. Г-да Стасовъ и Третьяковъ—прекрасные и почтенные люди, но отношенія между ними, съ одной стороны, и русскими живописцами, съ другой, пахнутъ крѣпостнымъ правомъ. Что не нравится одному и ненадобно другому, то не имѣетъ въ Россіи никакой цѣнности. Пробейся художники на международный рынокъ, найди они международную оцѣнку (а еще не было до сихъ поръ болѣе благопріятнаго въ этомъ отношеніи момента), эта глуповатая крѣпостная зависимость исчезла-бы, и русскій талантъ зажилъ-бы и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи полюдски... Такъ нѣтъ, ничего не сумѣли сдѣлать эти странные люди! Васнецовъ, Рѣпинъ, Антокольскій, Полѣновъ, Шишкинъ, Куинджи остались сидѣть дома, а на ихъ мѣсто сѣли Пассъ, Кнопъ, Леховскій, Цеховскій, Меховскій и Элла Рюби; первую награду по отдѣлу *русской* живописи получилъ г. Хелмонскій, варшавскій полякъ, о которомъ Россія слышала столько-же, сколько и онъ

---

*) Мой французъ «сгущаетъ краски». Во-первыхъ, Боткинъ русскихъ картинъ не покупалъ; во-вторыхъ, г. Третьяковъ все таки не уникумъ; въ-третьихъ, заслуги г. Третьякова передъ русскимъ искусствомъ такъ почтенны, что поминать его въ полемическихъ выходкахъ не слѣдовало-бы. Прим. В. Д.

о Россіи; а розы русско-французской дружбы срываетъ г. Робертъ Романъ, который до того неизвѣстенъ, что даже не знаешь, какой онъ національности.

«— Это невѣроятно! воскликнулъ я.

«— Но дѣйствительно! отвѣтилъ собратъ.

«— Это невозможно, продолжалъ я.—Это не могло произойти. Вѣдь надо быть негромъ изъ Центральной Африки, чтобы не понимать своей пользы или быть до того лѣнивымъ, чтобы не стремиться къ ней. Неужели ничего не было сдѣлано, чтобы устроить дѣло иначе?

«— О, сдѣлано было очень много! всѣ перессорились и, какъ говорятъ въ Россіи «переругались». Художники передвижныхъ выставокъ хотѣли забрать все дѣло исключительно въ свои руки, живописцы выставокъ академическихъ—въ свои, бездомные живописцы, проживающіе преимущественно въ Парижѣ—въ свои Это вполнѣ понятно; но непонятно, до какой степени русскій человѣкъ неуступчивъ, обидчивъ, ругатель и «на все плюетъ». Въ сравненіи съ нами, это дѣйствительно первобытный человѣкъ. Взгляните на нашу выставку. Это колоссальное предпріятіе осуществлялось во время самой разнузданной борьбы политическихъ партій; но когда разсудокъ говоритъ, что слѣдуетъ забыть раздоры, у насъ они забываются: устанавливается соглашеніе, идутъ на компромиссы, наконецъ, стараются сдержать себя. Не то—наши бѣдные друзья. Они знаютъ только «приказаніе», а внѣ его создаютъ анархію. Примѣръ, и чрезвычайно яркій, чрезвычайно печальный, у васъ передъ глазами.

«Все, что сообщилъ мнѣ мой собратъ, было до такой степени нелѣпо, что я ему не повѣрилъ. Я рѣшилъ вѣрить только своимъ глазамъ, и могу сказать, что живописи, какъ и музыки, въ Россіи нѣтъ, что первый ея жанристъ, г. Юзефъ Хелмонскій, и первый пейзажистъ, г. Робертъ Рòманъ,—очевидно, иностранцы.

«Осмотрѣвъ русскую живопись, я принялъ рѣшительныя мѣры для отысканія остальныхъ выставочныхъ отдѣловъ Россіи. Это было цѣлое «отысканіе Ливингстона». Вооружившись планами выставки и указателями къ этимъ планамъ, путемъ долгаго изученія этихъ документовъ, я наткнулся на нѣкоторыя указанія, которыя дѣлали присутствіе Россіи на выставкѣ почти несомнѣннымъ. Слѣды его находятся въ трехъ пунктахъ. Во-первыхъ, кустарный отдѣлъ долженъ былъ находиться во дворцѣ des Arts libéraux, въ поперечной галлереѣ Desaix, около выставки республики Санъ-Марино и противъ индѣйскаго и китайскаго базаровъ. Во-вторыхъ, русская промышленность была означена на моихъ планахъ въ Главномъ Дворцѣ, неподалеку отъ Каирской улицы. Въ третьихъ, продукты питанія помѣщались на Орсейской набережной, вмѣстѣ съ Голландіей и Соединенными Штатами.

«Должно замѣтить, что я уже обѣжалъ выставку, какъ оказывается, былъ нѣсколько разъ около самыхъ русскихъ отдѣловъ, можетъ быть даже былъ въ нихъ самихъ и рѣшительно ихъ не замѣтилъ. Это было очень странно, такъ-какъ Россія составила единственное исключеніе. Всѣ остальные народы и государства сами попадались

на глаза, даже Санъ-Марино, даже Монако. Ихъ не нужно было отыскивать, какъ Стэнли Ливингстона, или какъ Ливингстону источники Нила. О государствахъ бо̀льшихъ, чѣмъ Монако и Санъ-Марино, ужь и говорить нечего: ихъ нельзя было не найти. Америку вы сейчасъ-же узнавали по Эдиссону, сдѣлавшему 600 изобрѣтеній (épatant!) и озабоченному 601-мъ: куклой, которая могла-бы говорить впродолженіе часа. Тамъ, гдѣ вы видѣли произведенія, что называется, перваго сорта, будь это велосипедъ или простокваша, паровая машина въ сотни лошадиныхъ силъ или дешевая фаянсовая тарелка, тамъ навѣрное была Англія. Италія угадывалась по полчищамъ мраморныхъ статуй и бюстовъ чрезвычайно высокой, хотя и ремесленной работы. Въ Швейцаріи ваше вниманіе останавливали швейцарки, небольшаго роста, но необычайной свѣжести и плотности, воспитанныя на альпійскихъ пастбищахъ и между такими-же плотными, какъ онѣ, камнями. Гдѣ были безчисленныя машины, блиставшія своей сталью и равнодушно показывавшія самыя изумительныя штуки: обращавшіяся съ бронзой, какъ съ тѣстомъ, замораживавшія кипятокъ, кипятившія ледъ, печатавшія газету какъ будто сознательными движеніями и дѣйствіями, прявшія, ткавшія и сплетавшія кружева, превращавшія на вашихъ глазахъ глыбу стали въ перья для письма, дѣлавшія изъ трепья и мусора тонкія, какъ паутина, шелковыя нити, писавшія какъ писарь, говорившія какъ адвокатъ, пѣвшія какъ пѣвецъ (правда, страдающій насморкомъ), гдѣ вамъ попадались эти волшебства, тамъ

опять были Америка, Англія, Бельгія, Швейцарія. Когда вы вступали въ безчисленныя галлереи и залы, ходы и переходы, сверху до низу уставленные предметами, выставленными въ изящныхъ витринахъ, искусно расположенными, ласкавшими и манившими глазъ,—это была Франція, съ ея матеріями, платьями, духами, стекломъ, брилліантами, игрушками, керамикой, терракотой. Если вы замѣчали, что машины были особенно изящны, блестящи, даже граціозны, это была снова Франція, вносящая свой чуткій вкусъ даже въ машины. Въ Болгаріи пахло розовымъ масломъ, а въ Сербіи все-еще Миланомъ и австрійскимъ духомъ. Греція бросалась въ глаза своимъ классическимъ фасадомъ. Американскія республики щеголяли роскошью своихъ павильоновъ. Японію, Китай, Индію, Египетъ не замѣтилъ-бы только слѣпой. Но Россіи и я, зрячій, не видалъ. Одно изъ двухъ или она невидимка, или ея комитетъ и экспоненты не имѣютъ и понятія о томъ, какъ надо вести себя на выставкѣ.

«Больше всего меня заинтересовалъ русскій кустарный отдѣлъ. Офиціальный каталогъ Россіи особенно напираетъ на его важность. «Картина народнаго труда,— говоритъ каталогъ, — представленная только крупной промышленностью заводовъ, фабрикъ и мануфактуръ, была-бы болѣе чѣмъ неполна, въ особенности въ томъ случаѣ, когда историческія, общественныя и климатическія условія препятствуютъ развитію крупной промышленности. Въ такомъ положеніи находится сѣверъ и средняя полоса Россіи, такъ-какъ, во-первыхъ, поле-

выя работы, распредѣленныя весьма по временамъ года неравномѣрно, требуютъ много рукъ втеченіе трехъ, четырехъ мѣсяцевъ и оставляютъ ихъ болѣе или менѣе свободными все остальное время, и во-вторыхъ, мужикъ-общинникъ крѣпко держится за свой надѣлъ и отказывается отъ него лишь въ крайности. Кустарная промышленность въ Россіи занимаетъ милліоны рукъ и въ значительной степени участвуетъ въ крупной индустріи, которая доставляетъ кустарю матеріалъ и даетъ послѣднюю отдѣлку его произведеніямъ».

«Это дѣйствительно своеобразно и грандіозно: милліоны кустарей и ихъ союзъ съ крупными предпріятіями! Каково-же было мое разочарованіе, когда, добравшись до кустарнаго отдѣла, я увидѣлъ небольшой залъ, болѣе чѣмъ просторно уставленный плохенькими витринами, запыленными, съ разбитыми стеклами, съ предметами, захватанными грязными пальцами, полинявшими, да и въ первоначальномъ своемъ видѣ весьма непрезентабельными. Яйца изъ сахара, плохенькія зеркала, часишки, гребешки, первобытныя зубныя щетки, дюжина пуговокъ, какія-то татарскія бусы, какія-то страшилища-куклы. И всѣхъ экспонентовъ, которые должны представить *милліоны* кустарей, всего лишь сорокъ-пять!

«Вѣрный своему принципу, вѣрить только самому себѣ, могу сообщить моимъ читателямъ, что офиціальный каталогъ похвастался милліонами кустарей: ихъ въ Россіи нѣтъ и сорока-пяти, потому что многіе изъ экспонентовъ названіе даже и кустарей не заслуживаютъ.

«Въ глубокомъ разочарованіи оглядываюсь и вижу столикъ, на столикѣ какія-то баночки съ жидкостями, въ баночкахъ чертики, а около стола—барышня.

«— Что это у васъ выставлено?

«Оказывается, барышня по-французски — ни слова. По счастью встрѣтился еще одинъ собратъ, который зналъ по-русски и могъ служить мнѣ переводчикомъ.

«— Что это за чертики?

«— Это измѣрителя.

«— Чего?

«— Жидкостей.

«— Какихъ?

«— Спеціальныхъ.

«— Какія-же это спеціальныя жидкости?

«— А Богъ ихъ знаетъ! съ досадой восклицаетъ барышня и отворачивается.

«Я въ изумленіи развелъ руками. О, Россія! Если ты такая расторопная на всемірныхъ выставкахъ, то какова-же ты у себя дома!

«Недалеко отъ загадочныхъ «измѣрителей»—выставка печатнаго и книжнаго дѣла. Знаете-ли, сколько въ Россіи издателей и типографщиковъ?—Тринадцать. Изъ нихъ пять издаютъ ноты, остальные восемь печатаютъ, гравируютъ, литографируютъ и хромолитографируютъ все прочее. Журналовъ въ Россіи оказывается только два: «Новое Время» и «Хозяйственный Строитель».

«Когда узнали, что я и мой собратъ—журналисты, къ намъ подошли три-четыре экспонента, тоскливо бродившіе около своихъ неряшливыхъ витринъ. Съ огор-

ченными физіономіями и раздражительнымъ тономъ они что-то говорили. Собратъ ихъ рѣчи мнѣ переводилъ.

«— Помилуйте, говорили россіяне,—что это за русская выставка! Посылали сюда изъ Россіи вещи,—никто не принималъ Придешь сюда утромъ—соръ, пыль, грязь и ни одного сторожа. Самъ и полъ мети, самъ и пыль стирай, самъ и половую щетку покупай. Если что нужно, ищешь-ищешь комитетскихъ господъ, никого не найти. А найдешь: «ахъ, батюшка, некогда». А что они дѣлаютъ, Господь ихъ знаетъ. Двое вотъ умерли, Поповъ и Андреевъ, ну — это уважительная причина отсутствія. Еще двое въ Парижѣ большое дѣло ведутъ: г. Яблочковъ—свѣчи, г. Шуберскій — печи, а другіе-то гдѣ-же?.. На-дняхъ прибѣгаетъ молодой человѣкъ комитетскій, запыхался, платкомъ обтирается. «Господа, говоритъ,—пожалуйста, чтобы всѣ на своихъ мѣстахъ были! сейчасъ сюда жюри придетъ, награды присуждать».—Помилуйте! говоримъ, — да насъ тутъ всего только трое. Почему-же, говоримъ, заранѣе не извѣстили? «Что-жь, говоритъ, дѣлать, для меня самого это сюрпризъ. Всѣ-ли тутъ по-французски говорятъ?»— Никто не говоритъ! «Кто-же будетъ объясненія давать?»—Да вы-же, комитетъ. «Да мы ничего не знаемъ».— Это комитетъ-то ничего не знаетъ! Что тутъ дѣлать! Спасибо, молодой человѣкъ оказался бойкій, насъ поразспросилъ, выслушалъ, и какъ жюри подошло, такъ онъ ему все какъ по писанному выложилъ. Вѣрно-ли или невѣрно говорилъ, кто его разберетъ, но складно. Сдѣлайте божескую милость, проберите ихъ, по-своему,

по-французски, какъ вы своихъ министровъ пробираете!

«Послѣднее, что мы видѣли въ кустарномъ отдѣлѣ, былъ человѣкъ, имѣвшій видъ безумнаго. Онъ громко хохоталъ; здравствуясь съ русскими экспонентами, онъ съ размаху хлопалъ ихъ по плечу. Прощаясь, онъ давалъ имъ сзади пинка колѣномъ. Лицо его было чрезвычайно блѣдно и въ болѣзненной испаринѣ, глаза мутны. Я предположилъ, что это экспонентъ, помѣшавшійся отъ неудачи русской выставки.

«— Нѣтъ-съ, это купецъ одинъ московскій. Загулялъ, сказалъ намъ русскій кустарь.

«— Что это значитъ «загулялъ»?

«— Пьянствуетъ.

«— Это вашъ близкій пріятель? Вы позволяете ему такъ фамильярно обращаться съ вами.

«— Какое пріятель! Лѣзетъ, куражится, вотъ и все тутъ.

«— Какъ! И вы не оскорбляетесь?

«— Богачъ! Медаль на шеѣ имѣетъ! многозначительно отвѣтилъ кустарь, какъ будто-бы всякій богачъ съ медалью на шеѣ имѣетъ право дать вамъ киселя колѣнкомъ въ задъ.

«Я все шире и шире разводилъ руками и все больше и больше изумлялся. Прибавлю, что этотъ купецъ былъ единственный пьяный, котораго я встрѣтилъ втеченіе мѣсяца на нашей выставкѣ.

«Русскій промышленный отдѣлъ, который я посѣтилъ вслѣдъ затѣмъ, производитъ впечатлѣніе болѣе выгод-

ное, но все-же совершенно ничтожное. Добрую его часть занимаетъ выставка петербургскаго мѣховщика съ нѣмецкой фамиліей Грюнвальдта. Это дѣйствительно внушительно и даетъ понятіе о богатствѣ Россіи пушными товарами,—и о предпріимчивости нѣмцевъ. Затѣмъ замѣтенъ г. Шопенъ (фамилія французская), съ его бронзами. Въ особенности нравятся французамъ статуетки, изображающія русскіе типы и сцены русской жизни. Зато какъ дорого! Просто приступа нѣтъ. И тогда какъ итальянцы и французы продаютъ подобныя вещи сотнями, Шопенъ едва-ли продалъ два десятка.

«Вы замѣтите еще довольно эфектныя витрины съ пунцовымъ товаромъ г. Баранова, съ ситцами г. З. Морозова, съ парчами г. Сапожникова, — вотъ и все. Остальные экспоненты, весьма немногочисленные, тѣснятся по закоулкамъ и выставили кто пару кожъ, кто по нѣсколько штукъ матерій. Публика заходитъ сюда только случайно, повернется, зѣвнетъ и сейчасъ-же уходитъ къ сосѣдямъ, къ американцамъ, швейцарцамъ, итальянцамъ, японцамъ, которые всѣ затмили русскихъ.

«Мнѣ оставалось посѣтить отдѣлъ питательныхъ продуктовъ. Оказалось, что русскіе питаются преимущественно водкой. Въ то время, какъ у русскихъ только двѣ газеты, только восемь типографій и только *одно* школьное пособіе (курсъ счетоводства г-на Езерскаго),— водочныхъ заводовъ у нихъ сорокъ, и какихъ! Г. Биллигъ въ Херсонѣ производитъ водки на 500,000 рублей въ годъ, г. Работкинъ — 705,000 р., г. Панфиловъ — 1.000,000, г. Синюхинъ — 1.440,000, г. Смирновъ —

1.800,000 р. Кромѣ того, сорокъ-два винодѣла, и тоже: какихъ! Въ погребахъ, напримѣръ, князя Багратіона-Мухранскаго въ настоящее время находится 704,000 бутылокъ вина; г. Макаровъ продаетъ вина на 300,000 р. въ годъ, г. Меркуловъ на 200,000, г. Соколовъ на 400,000. Epatant!

«Очевидно, весь хлѣбъ перерабатывается въ водку и только въ видѣ послѣдней поступаетъ въ русскіе желудки, такъ-какъ хлѣбъ въ зернѣ выставили только два экспонента. Водка пьется, повидимому, съ сахаромъ, ибо на выставкѣ есть еще довольно много и сахара. Кромѣ сахара, есть мука. Больше, кажется, ничего нѣтъ, кромѣ почвенныхъ картъ *единственнаго* представителя земледѣльческой статистики (группа VIII, классъ 73), г. Докучаева. Карты изображаютъ безпредѣльныя пространства плодородныхъ земель, производящихъ тотъ хлѣбъ, который перерабатывается въ водку. Во что перерабатывается водка, это я могъ видѣть по пьяному купцу, котораго я встрѣтилъ въ кустарномъ отдѣлѣ и сначала принялъ за безумнаго:—водка перерабатывается въ пьяныхъ варваровъ.

«Гдѣ-же металлы и минералы? спроситъ меня читатель.—Гдѣ каменный уголь, золото и нефть? Гдѣ корабельные лѣса? Гдѣ рыбы рѣкъ и морей? звѣри лѣсовъ? степные табуны лошадей и скота? Гдѣ хлопокъ и рисъ центральной Азіи, ленъ и пенька сѣвера Россіи, сыры и масло съ пастбищъ ея огромныхъ рѣкъ и т. д. и т. д.?

«Читатель, должно быть, это все рекламы нашихъ

руссофиловъ, потому-что ничего подобнаго въ русскомъ отдѣлѣ не имѣется. Надо полагать, что ничего этого нѣтъ и въ натурѣ, такъ-какъ никто не мѣшалъ Россіи показать все, что она имѣетъ. Вѣдь показала-же она водку, показала своего пьянаго купца, показала апатію своихъ художниковъ и нераспорядительность своихъ выставочныхъ комитетовъ.

«Много говорили и много говорятъ о симпатіи, которую къ намъ питаютъ русскіе. Я даже и этому начинаю не вѣрить. Симпатія должна-же быть чѣмъ-нибудь доказана, кромѣ увѣреній на словахъ. Вотъ, напримѣръ, венгры,—эти дѣйствительно симпатизируютъ. Конечно, этотъ народецъ питаетъ симпатію съ разсчетцемъ, но откиньте разсчетъ, все-же останется симпатія. Притомъ бѣдные венгры сдѣлали поистинѣ геройскій поступокъ: изобрѣли *девятьсотъ* однихъ только *выдающихся* литераторовъ и ученыхъ и въ двухъ поѣздахъ отправили въ Парижъ, завѣрять насъ въ венгерскихъ симпатіяхъ. И эти девятьсотъ изъ кожи лѣзли, чтобы заключить съ нами пламеннѣйшую дружбу. Насколько горячо они этого желаютъ, вы можете заключить изъ слѣдующей поэтической рѣчи, которую одинъ изъ девятисотъ выдающихся поэтовъ Венгріи произнесъ предъ остальными 899-ю и предъ французской публикой у памятника Гамбетты.

«Гамбетта не принадлежалъ ни къ какой партіи,—горячился поэтъ Абрани,—онъ весь отдался отечеству. И доказательствомъ служитъ то, что онъ нашелъ покой тамъ, гдѣ нѣтъ смерти, а вѣчное бытіе въ лучахъ сла-

вы. Да, онъ принадлежалъ не партіи, а отчизнѣ. Притомъ не одной отчизнѣ, а всему міру, который всегда воздвигаетъ памятники мужамъ истинно великимъ. Мы помнимъ, это глубоко врѣзалось въ нашу память,—что въ то время, когда вражеское ярмо пало на благородную выю Франціи и когда мы лили потоки горькихъ слезъ, точно предъ нами били нашу мать, мы помнимъ, что въ ту годину онъ, безсмертный, появился изъ мрака ночи, изъ океана крови, озаренный ореоломъ свѣта, какъ путеводный маякъ. Тогда мы перестали плакать, исполненные изумленія и полные презрѣнія къ побѣдителю. Мы громко выразили симпатію къ побѣжденному. О, Франція, о, лучезарный западъ, откуда грядетъ день свободы, воскресившій весь міръ, ты видишь насъ въ этотъ часъ на твоемъ лонѣ. Мы всего лишь небольшой народъ, капля воды, но мы чисты и прозрачны, какъ слеза радости. Мы чествуемъ память твоего великаго сына, ибо онъ былъ преданъ тебѣ. Мы склоняемъ предъ нимъ главу, ибо онъ поднялъ свою, всю въ крови...»

«Конечно, эта растрепанная поэзія сильно отзывается гунномъ, но такъ-какъ поэтъ Абрани говорилъ по-венгерски, и даже несмотря на это, собравшіеся французы кричали: «Vive la Hongrie! Vive la France!» Можете себѣ представить, какой пріемъ былъ-бы оказанъ русскимъ, если-бы они прислали къ намъ не девятьсотъ знаменитыхъ ученыхъ и писателей, а девятнадцать, и конечно, при условіи, чтобы они вели себя не такъ, какъ русскіе музыканты, русскіе художники и комитеты русскаго отдѣла выставки.

«Русскіе скажутъ, что они и рады-бы пріѣхать, но имъ «неудобно» кричать ура въ день годовщины 14-го іюля и возлагать вѣнки на памятники геровъ 4-го сентября 1870 года. Неужели-же русскіе считаютъ насъ такими глупцами, что думаютъ, будто мы требуемъ поѣздовъ, наполненныхъ русскими манифестантами въ пользу республиканской формы правленія? Мы ждемъ ихъ на *всемірную* выставку, а отъ нихъ ждемъ выраженія симпатіи къ нашему *народу*, къ нашей наукѣ и искусству. Всѣ націи были у насъ, кромѣ нѣмцевъ, нашихъ злѣйшихъ враговъ, и... кромѣ русскихъ.

«Да и русскіе у насъ были,—только не настоящіе, не тѣ, которыхъ мы больше всего ждали и которые громче всѣхъ, но издали, увѣряютъ насъ въ своемъ расположеніи. Эти не-настоящіе русскіе были гельсингфорскіе студенты. Они явились къ намъ вмѣстѣ со своимъ прекраснымъ пѣвческимъ хоромъ, вѣнковъ не возлагали, ура не кричали, а просто дали въ Трокадеро концертъ. И этого было вполнѣ достаточно, мы не забудемъ финновъ, какъ и венгровъ. Что это не фразы, тому доказательствомъ служитъ слѣдующее. Вскорѣ послѣ отъѣзда милыхъ финновъ нѣмецкія газеты съ злымъ торжествомъ объявили, что наши недавніе гости, которыхъ мы такъ радушно принимали, выразили свою симпатію къ Германіи тѣмъ, что бросили въ Vater-Рейнъ великолѣпный букетъ французскихъ цвѣтовъ. Это больно укололо французскія сердца. Газета «Matin» сейчасъ-же нарядила цѣлое слѣдствіе. Сообщеніе нѣмецкихъ газетъ оказалось клеветой на нашихъ друзей.

Французскій букетъ былъ подаренъ финнамъ въ день ихъ отъѣзда одной молодой шведкой, дочерью проживающаго въ Парижѣ книгопродавца, г-на Ламмъ. Г-нъ Ламмъ получилъ отъ финновъ письмо, разъясняющее исторію съ букетомъ. Между прочимъ, финны пишутъ, что букетъ завялъ, и что не желая, чтобы французскіе цвѣты попали въ руки нѣмцамъ, они рѣшились похоронить ихъ въ водѣ. Нѣсколько дней спустя, парижскіе студенты получили отъ финновъ слѣдующую телеграмму, разсѣевающую послѣднія сомнѣнія: «*Гельсингфорсъ, 24-го іюля.* Примите нашу искреннюю и горячую благодарность за братскій пріемъ, о которомъ мы никогда не забудемъ». Послѣ этого финскіе студенты стали намъ еще бо̀льшими друзьями, и мы ихъ тоже не забудемъ.

«Что-же помѣшало пріѣхать къ намъ русскимъ студентамъ? Вѣдь мы столько наслушались и начитались о прекрасныхъ качествахъ русскаго «молодого поколѣнія», о его любящемъ сердцѣ, о его благородныхъ порывахъ, о его желѣзной волѣ... И вмѣсто того—доказательство неподвижности, равнодушія и общественной апатіи, которыя были-бы впору развѣ турецкимъ софтамъ...»

Такова статья моего француза. Я ничего къ ней ни прибавилъ, ни убавилъ, а судить о ней предоставляю читателямъ.

P. S. Особаго объясненія Причти О Двухъ Департаментскихъ Писцахъ не будетъ.

Письмо VI.

Парижская выставка—подлинно то чудо, которое ни въ сказкѣ разсказать, ни перомъ описать. Вотъ уже сколько я пишу о ней, а почти все осталось не описаннымъ. Остались національные отдѣлы двадцати-трехъ народовъ, не считая русскаго, о выставкѣ котораго намъ только что разсказалъ французскій журналистъ. Остались предметы тридцати-одного рода обработывающей промышленности. Остались двадцать классовъ машинъ, шесть родовъ питательныхъ продуктовъ, восемь отраслей садоводства и огородничества. Нѣтъ, читатель, я отказываюсь писать, если вы потребуете отъ меня отчета во всемъ этомъ. Омаръ не сжогъ въ Александріи столько книгъ, сколько ихъ пришлось-бы сочинить для полнаго удовлетворенія вашего любопытства.

Выставка—чудо; но еще бо̀льшимъ чудомъ казалось мнѣ то, откуда берутся ея посѣтители. Вѣдь, это самому видѣть, такъ и то не вѣрится. Вотъ, напримѣръ, цифры начала іюля, времени, которое считалось *глухимъ*. Пятница 5-го іюля — 82,726 человѣкъ, суббота — 79,878, воскресенье — 203,427, вторникъ — 111,197, среда —

110,296, четвергъ — 127,150. Въ іюлѣ, въ дни самые смирные, субботы, притомъ въ дождь и слякоть, меньше 70,000 не было. Въ понедѣльникъ 15-го іюля, т. е. на другой день празднованія годовщины взятія Бастиліи, число посѣтителей выставки дошло до 310,000. Въ этотъ день подвели итоги отъ начала выставки, и оказалось, что однихъ платныхъ посѣщеній было 7.982,411. А мы еще хвастаемся успѣхомъ нашего петербургскаго Зоологическаго Сада, въ которомъ за цѣлый іюль мѣсяцъ перебывало народа всего лишь 70,000 съ небольшимъ. Не менѣе эфектны и цифры Эйфелевой башни. Во вторникъ 9-го іюля ее посѣтили 21,304 человѣка, въ пятницу 12-го—23,329, въ субботу 13-го, несмотря на несчастное число мѣсяца,—27,059. 15-го іюля на башню слазили 32,354 человѣка... Пишу эти цифры и любуюсь ими. Вѣдь, до конца выставки ее посѣтятъ двадцать милліоновъ, и двадцать милліоновъ разнесутъ славу Франціи по всѣмъ уголкамъ и закоулкамъ міра! Пусть Франція—«дрянь странишка», пусть ея выставка—пуфъ, ловушка, обманъ, но еслибы это было и такъ, все-таки заставить двадцать милліоновъ людей побывать въ Парижѣ, это—подвигъ. Такой подвигъ совершилъ Эйфель. Его башня несомнѣнная нелѣпость,—а на нее слазило за все время выставки около четырехъ милліоновъ людей.

И все, рѣшительно все здѣсь громадно, эфектно, цѣнно и многолюдно. 13-го іюля тутъ открылась международная выставка племенныхъ домашнихъ животныхъ. Пространство, которое она заняла, равняется

26,000 квадратныхъ саженей. Для принятія животныхъ выстроено 92 сарая. 2,500 стойлъ для рогатаго скота 3,200 загородокъ для овецъ и свиней, и клѣтокъ на 10,000 птицъ.

Животныя были великолѣпны, какъ и все на выставкѣ. Быки—это были все переодѣтые Юпитеры; коровы смотрѣли Изидами. Особенно хороши были быки принца Вельскаго, Serapis и Oxaman, пожаловавшіе въ Парижъ изъ-за моря. Среди быковъ и коровъ были великаны, ростомъ съ Эйфелеву башню, разные фламандцы и дургэмцы, и игрушечныя коровки и бычки бретонской и алжирской породъ. Коровы расположились совсѣмъ по домашнему, и многія тутъ-же и телились. Овцы представляли собою складъ немытой шерсти: ни глазъ, ни морды, ни ногъ, ни даже хвоста, а одинъ только огромный клубокъ. Ни глазъ, ни морды, ни ногъ не было и у свиней, по причинѣ ихъ совершенно неприличнаго жира. Свиньи вели себя свиньями,—спали и просыпались только для того, чтобы поѣсть, причемъ съ чрезвычайной сварливостью ссорились со своими сторожами: ни дать, ни взять раздражительный гастрономъ, который за обѣдомъ ворчитъ на повара и на лакеевъ. Между кроликами я встрѣтилъ земляка, русскаго «бѣляка». Пѣтухи... Но я, кажется, увлекаюсь и растягиваю мое письмо, которое должно быть послѣднимъ.

Въ воскресенье, 14-го іюля, члены международнаго сельскохозяйственнаго съѣзда, въ числѣ двухсотъ, ѣздили осматривать имѣніе Arcy-en-Brie парижскаго винотрговца Nicolas. Имѣніе это, однако, не виноградное, а

молочное. Хотите, читатель, знать, какія бываютъ подгородныя парижскія имѣнія?

Когда г-ну Nicolas пришла счастливая мысль открыть, при 32-хъ его винныхъ погребахъ въ Парижѣ, торговлю молокомъ (это было въ 1872 году), онъ купилъ 272 десятины земли, весьма раздробленной по черезполоснымъ кускамъ. До 1877 года онъ «округлялъ» имѣніе, причемъ совершилъ 81 актъ продажъ, покупокъ и мѣнъ. На восемьдесятъ-первой сдѣлкѣ онъ успокоился: имѣніе было округлено и состояло уже изъ 489 десятинъ.

Тогда г. Nicolas приступаетъ къ хозяйству. Хозяйство проектировалось молочное, а потому прежде всего нужно было озаботиться устройствомъ пастбищъ и луговъ. Хорошо-ли будутъ расти въ имѣніи люцерна и клеверъ? Для этого нужно знать, какова почва. Г-нъ Nicolas приглашаетъ къ себѣ для разрѣшенія вопроса извѣстнаго химика Жули. Жули разводитъ цѣлую лабораторію, варитъ, паритъ, думаетъ, вычисляетъ и отвѣчаетъ:

— Ваша земля никуда не годится. Ни люцерна, ни клеверъ на ней родиться не будутъ, ибо десятина вашей почвы, въ слоѣ толщиною въ 0,20 сантиметровъ, содержитъ: азота 90 пудовъ, азотной кислоты 12 пудовъ, поташа 300 пудовъ, магнезіи 130 пудовъ и извести 1,500 пудовъ.

— А какое количество всѣхъ этихъ вещей нужно для люцерны и клевера? спросилъ monsieur Nicolas.

— Азота 200 пудовъ, фосфорной кислоты 200 пудовъ, извести 5,000 пудовъ...

— Очень хорошо, сказалъ monsieur Nicolas,—я велю

купить всего этого въ магазинѣ аптекарскихъ товаровъ и всыпать въ мою землю.

Вотъ это хозяйство, такъ хозяйство! Люцерна и клеверъ въ Arcy-en-Brie теперь—лѣсъ-лѣсомъ. Его коровы... Но я увлекаюсь совсѣмъ непростительно, и мое послѣднее письмо никогда не кончится.

Кончать, однако, нужно. Что-же дамъ я читателямъ на закуску? Парижъ я, насколько мои слабыя силы позволили, описалъ; парижскую толпу тоже; объ Эйфелевой башнѣ и общемъ видѣ выставки я читателю доложилъ: на годовщинѣ «Бастиліи» мы были; русскій отдѣлъ намъ съ вами описалъ этотъ довольно непріятный французъ,— теперь остается поговорить о Франціи. Легко сказать! Вѣдь Франція-то и занимаетъ главное мѣсто на семидесяти десятинахъ выставки, сплошь заставленныхъ ея машинами, ея картинами, статуями, товарами, цвѣтами, деревьями и скотами. Приходится выбирать что-нибудь одно,—и я выбираю французское искусство. Этимъ и покончимъ.

Французская живопись—французская душа.

Глаза—зеркало души, а то, что ими создано, искусство—воплощеніе души. На выставкѣ это воплощеніе національнаго французскаго духа совершилось очень полно. Начнемъ съ количества.

Французы устроили двѣ выставки. Въ нижнемъ этажѣ Дворца Изящныхъ Искусствъ помѣщаются произведенія ихъ художниковъ за послѣднее десятилѣтіе, созданныя послѣ 1-го мая 1878 года. Въ верхнемъ этажѣ

собраны произведенія за истекшее столѣтіе. Замѣчательно, что очень немногія вещи взяты изъ правительственныхъ музеевъ. Большинство получено отъ владѣльцевъ частныхъ галлерей, такъ что музеи остались въ порядкѣ и сами служатъ полными историческими выставками, для чего они и предназначены.

Десятилѣтняя выставка содержитъ 1,589 холстовъ, рисунковъ, скульптуръ и гравюръ; столѣтняя—1,600. Можете себѣ представить это море, этотъ лѣсъ картинъ и статуй! Человѣку, не подготовленному многолѣтнимъ изученіемъ французскаго искусства, нельзя не заблудиться въ этомъ лѣсу и не утонуть въ этомъ морѣ. Пробовалъ тонуть въ немъ и вашъ покорный слуга,— и вотъ его впечатлѣнія.

Я никогда не отваживался входить въ залы художественной выставки одинъ. Нигдѣ одиночество не бываетъ такимъ невыносимымъ, какъ въ картинныхъ галлереяхъ. Картины захватываютъ зрителя и поступаютъ съ нимъ жестоко. На каждомъ шагу все новыя впечатлѣнія, все новыя настроенія,—всегда (я разумѣю хорошія картины) пріятныя и сильныя. Вашъ глазъ и воображеніе начинаютъ работать, и по мѣрѣ того, какъ вы идете вдоль волшебныхъ стѣнъ, работа все усиливается, все ускоряется, дѣлается все напряженнѣй. Остановить ее нельзя. Картины, какъ колеса мельницы, захватываютъ и затягиваютъ васъ непреодолимо и неудержимо. Если, кромѣ того, вы еще должны и давать себѣ отчетъ въ томъ, что вы видите, для того чтобы дать потомъ отчетъ другимъ, тогда съ вами легко можетъ

случиться то, что произошло съ однимъ слабонервнымъ еврейчикомъ, который оклеивалъ мнѣ комнату яркими обоями, въ мелкія красныя полоски. Сначала еврейчикъ принялся за работу храбро, самонадѣянно увѣряя, что къ вечеру онъ ее кончитъ. Чрезъ часъ онъ замѣтно поблѣднѣлъ и сообщилъ, что отъ этихъ обоевъ у него «въ глазахъ трещитъ». Еще черезъ часъ у него закружилась голова, и онъ зачѣмъ-то стремительно выбѣжалъ изъ комнаты. Потомъ онъ сталъ просить прибавки за наклейку такой каторжной бумаги, а наконецъ и вовсе отказался отъ работы. Окончилъ онъ ее только тогда, когда ему надѣли очень темные синіе очки.

Я не хочу этимъ сказать, что я отказываюсь отъ работы или буду смотрѣть на французовъ чрезъ какіе-бы то ни было очки. Я говорю только, что одному ходить по галлереямъ незнакомой живописи опасно, и что надо имѣть компаньоновъ.

Компаньоновъ у меня было много, но, къ сожалѣнію, помощь ихъ была чисто физическая. Компаньонъ относительно меня, а я для компаньона служили только *картиноотводами*, на случай, когда начинала кружиться голова и ощущался «трескъ» въ глазахъ. Всѣ компаньоны были свѣдущи по части живописи вообще и французской въ частности, всѣ говорили на эти темы очень убѣдительно, но кончилось тѣмъ, что они сбили было меня съ толку.

Одинъ восхищался французами. Какой рисунокъ, какая сила, какія краски! Нѣмцы?—да нѣмцы жалкіе мазилки, безсильная добросовѣстность. Итальянцы—тѣнь

французовъ. Испанцы—тѣнь отъ тѣни старыхъ мастеровъ Испаніи. А русскіе,—не говорите мнѣ о русскихъ, объ этихъ слабыхъ подражателяхъ нѣмецкихъ живописцевъ, объ этихъ невѣждахъ, которые воображаютъ, что схватили зубами луну.

Другой говоритъ какъ-разъ наоборотъ. У французовъ, оказывается, нѣтъ ничего хорошаго. Французъ, это—фраза. Фраза—его политика, фраза—его драматическое искусство, его поэзія, его скульптура, его живопись, архитектура. Вся Франція—красиво сказанная, пустая, лживая фраза. «Помилуйте, говоришь компаньону,—да вѣдь держатся-же на чемъ-нибудь величіе Франціи и ея вліяніе на остальной міръ!»—На фразѣ и лжи, отвѣчаетъ компаньонъ,—на обмѣнѣ: mundus vult decipi...

Третій лучшаго мнѣнія о французахъ, но только потому, что и весь остальной міръ для него птица неважная. Міръ одряхлѣлъ и ждетъ обновленія. Если этотъ третій компаньонъ—нѣмецъ, то обновленіе придетъ отъ Германіи; если онъ русскій,—Россія спасетъ вселенную, а вмѣстѣ съ тѣмъ и искусство. Кто изъ двухъ хвастаетъ больше, трудно рѣшить. Можно лишь сказать, что у нѣмца для хвастовства основаній больше, и что говоритъ онъ доказательнѣй, ссылаясь на факты, тогда какъ нашъ братъ, русакъ, сулитъ только «новое слово»; а какое оно будетъ—или не хочетъ сказать, или и самъ его не знаетъ.

Четвертый, англичанинъ, никакихъ общихъ выводовъ не дѣлаетъ, потому что они уже давно сдѣланы, но только произносить ихъ вслухъ, особенно внѣ Англіи,

онъ считаетъ неудобнымъ. Вкратцѣ выводы эти таковы. Міръ принадлежитъ тому, кто богаче всѣхъ, умнѣе всѣхъ и энергичнѣй всѣхъ. Англичанинъ таковъ,—слѣдовательно міръ принадлежитъ ему. Насколько міръ это признаетъ, настолько онъ хорошъ. Насколько французское искусство англичанину нравится, настолько оно хорошо. Перестанетъ оно нравится,—и чортъ съ нимъ. Это мнѣніе особенно вѣско, потому что дѣйствительно міръ принадлежитъ англичанину. Спорить противъ него можно, но только для «болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго», которое, вѣроятно, когда-нибудь да настанетъ.

Пятый, американецъ,—почти то-же, что и англичанинъ, но только безъ широты взгляда послѣдняго. По его мнѣнію, владыка міра—исключительно деньги, безъ различія происхожденія. Украдены онѣ, или заработаны,—все равно. Поэтому Рафаэль и поддѣлка подъ Рафаэля одинаково хороши, если за нихъ заплачены чудовищныя деньги. Не даромъ «Путеводители» по американскимъ городамъ такъ описываютъ достопримѣчательности: «Зданіе суда въ Нью-Іоркѣ. Одно изъ самыхъ дорогихъ въ свѣтѣ. Стоимость—двѣнадцать милліоновъ долларовъ. *Примѣчаніе.* До двухъ третей этой суммы украдены строителями».

Это только крупныя разногласія моихъ компаньоновъ Если прислушаться къ деталямъ, къ оцѣнкамъ чисто художественнымъ, тогда ужь и совсѣмъ разобраться будетъ невозможно. Поэтому я рѣшилъ дѣйствовать такъ. Во-первыхъ, ходить по выставкѣ изящныхъ искусствъ съ компаньонами, но пользоваться ими исключительно какъ картиноотводами. Во-вторыхъ, оставить надежду

изучить всѣ три съ половиною тысячи картинъ и сотни авторовъ въ подробностяхъ. И въ-третьихъ, говорить только объ общемъ и основномъ впечатлѣніи, которое производитъ французское искусство. Но сначала разскажу о двухъ событіяхъ художественнаго міра, волновавшихъ при мнѣ Парижъ.

Первое — отказы отъ присужденныхъ на выставкѣ наградъ.

Эти отказы чрезвычайно характеристичны для французовъ. Бывали отказы и у насъ, но въ Россіи они основывались на принципіальной почвѣ. У насъ отказывались или потому, что всякія награды признавали вредными, или по той причинѣ, что не считали учрежденіе, раздающее поощренія, судьей достаточно компетентнымъ. Были-ли эти причины искренни—трудно сказать съ увѣренностью, но что форма ихъ была такова, это можно-бы подтвердить фактами.

Совсѣмъ не то у французовъ. Внѣшнее отличіе у нихъ цѣнится чрезвычайно высоко. Что въ старыя времена значила борьба за Гробъ Господень, паломничество и индульгенція, то значитъ теперь Легіонъ, медаль и академическій мундиръ. Самъ Зола, — ужь на что, кажется, революціонеръ во французскомъ искусствѣ, а и тотъ, написавъ свою «Мечту», сдѣлалъ «глазки» академіи. Въ академію хотѣлось, говорятъ, и Додэ, и только послѣ неудачи онъ написалъ своего «L'Immortel». Тогоже какъ будто хочется и Мопассану, недавно выпустившему «Fort comme la mort», романъ, написанный въ «цѣломудренномъ стилѣ».

У живописцевъ жажда отличій еще сильнѣе, и отказы отъ наградъ происходятъ никоимъ образомъ не принципіальные, а разобиженные и разогорченные. Награды настоящей выставки дали широкій просторъ этимъ огорченнымъ и обиженнымъ самолюбіямъ, и они показали себя во всей своей наивности. Каждый *отказъ* немедленно подхватывается печатью и раздувается въ *инцидентъ*. Приведу нѣсколько наиболѣе яркихъ образчиковъ.

Инцидентъ Леонъ Комéръ, 10-го іюля:

„Господину президенту жюри.

Милостивый государь!

Помѣстивъ мои картины на всемірную выставку, тѣмъ самымъ я подчинился приговору жюри; но я никакъ не могъ предвидѣть неожиданной классификаціи художниковъ, которую сдѣлаетъ жюри; не предвидѣлъ я и того, что оно ниспровергнетъ іерархію французскихъ мастеровъ, установленную предшествовавшими наградами.

Жюри присудило мнѣ третью медаль,—позвольте отказаться отъ нея.

Примите etc. Леонъ Комéръ, живописецъ".

Римская премія 1875 г., 3-я медаль въ 1875, 2-я медаль и внѣ конкурса въ 1880, кавалеръ ордена Почетнаго Легіона въ 1885 г."

Инцидентъ Деба-Понсàнъ, съ оттѣнкомъ политическимъ, отъ 11-го іюля, напечатанный въ газетѣ «France»:

„Передъ открытіемъ выставки одинъ изъ членовъ правительства предупреждалъ меня, что на выставку не возьмутъ портрета генерала Буланже, который находился въ салонѣ 1887 г.

Я имѣлъ полное право противиться этому злоупотребленію

силой и властью, но поднятый мною шумъ могъ показаться желаніемъ рекламировать мое имя. Поэтому я уступилъ безъ сопротивленія, я даже поспѣшно замѣнилъ портретъ Буланже другимъ, но все-таки моя выставка была разстроена и приняла не тотъ видъ, котораго я желалъ.

Жюри даетъ мнѣ награду, которая недостойна меня. Я отвергаю ее потому, что мнѣ приходится конкуррировать при условіяхъ неблагопріятныхъ и жюри до настоящаго письма неизвѣстныхъ. Но публикѣ это должно стать извѣстнымъ. Пусть она насъ разсудитъ".

Инцидентъ Ивонъ, 12-го іюля. Ивонъ получилъ первую награду,—почетную медаль еще въ 1857 г., а Легіонъ носитъ съ 1867. Этотъ почтенный мужъ пишетъ завѣдующему отдѣломъ изящныхъ искусствъ, Антонену Пру, слѣдующее, что̀ въ нашей коллекціи «отказовъ» мы назовемъ отказомъ «наплевать»:

„Милостивый государь!

Сейчасъ только узналъ, что жюри дало мнѣ третью медаль.

Я что-то нерасположенъ разыгрывать дурацкую комедію, а потому передайте жюри, что я его награды не принимаю.

Примите и проч. Ад. Ивонъ".

Инцидентъ Діоженъ Мальяръ, отъ 20-го іюля, въ противоположность предыдущему отказу, нетолько не дерзкій, но какъ-бы извиняющійся, хотя не менѣе огорченный:

„Господину президенту жюри.

Милостивый государь!

Вотъ и я, въ свой чередъ, долженъ отказаться отъ присужденной мнѣ награды, по слѣдующимъ причинамъ:

Съ самаго открытія выставки я жаловался завѣдующему отдѣломъ изящныхъ искусствъ на дурное помѣщеніе моихъ картинъ, которыя развѣсили по двумъ этажамъ и по пяти заламъ. Одна изъ нихъ „Этьень Марсель“, кромѣ того, повѣшена такъ высоко, что ея совсѣмъ не видно. Эти жалобы остались и безъ отвѣта, и безъ послѣдствій.

Далѣе, я огорченъ тѣмъ, что жюри совсѣмъ не видѣло моей декоративной живописи для меріи III округа, хотя и внесло ее въ каталогъ.

При такихъ условіяхъ, дѣлающихъ обозрѣніе и оцѣнку моихъ произведеній невозможными, я не могу принять присужденной мнѣ награды. Д. Маньяръ.

Большая римская премія 1870 г., 2-я медаль 1873, главная медаль на всемірной выставкѣ въ Вѣнѣ 1873, медаль на всемірныхъ выставкахъ въ Ліонѣ 1872, Амстердамѣ 1885, Ниццѣ 1866, Мельбурнѣ и Барцелонѣ 1889, кавалеръ Почетнаго легіона“.

Наконецъ, слѣдуютъ двѣ знаменитости, притомъ не старики, какъ Ивонъ, а въ полномъ соку. Первая знаменитость ограничилась одной строчкой отъ 18-го іюля, адресованной президенту жюри:

„Господинъ президентъ!

Я отказываюсь отъ присужденной мнѣ первой медали.

Примите etc. Бенжаменъ Констанъ“.

Вторая знаменитость вызвала цѣлый скандалъ, долго шумѣвшій въ Парижѣ. Это Cain, скульпторъ. Вотъ что написалъ онъ, въ письмѣ отъ 8-го іюля, завѣдующему отдѣломъ изящныхъ искусствъ:

„Господинъ комиссаръ!

Я ищу у васъ защиты. Конечно, безъ вѣдома жюри, произошелъ слѣдующій безпримѣрный случай.

Только сейчасъ я узналъ, что однимъ изъ судей жюри состоитъ нѣкій Ромелли Рафаелло, изъ Флоренціи.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1888 года означенный Рафаелло за поддѣлку моихъ статуй былъ присужденъ къ 500 франковъ штрафа въ мою пользу, къ 500 фр. судебныхъ издержекъ и къ 500 фр. на опубликованіе приговора въ газетахъ, по моему выбору.

Конечно, вы поймете мой отказъ отъ присужденной мнѣ 1-й медали, послѣ того какъ въ средѣ жюри, кромѣ моихъ уважаемыхъ сотоварищей по искусству, я нашелъ поддѣлывателя моихъ произведеній, голосъ котораго относительно меня не могъ быть безпристрастенъ".

Это послѣднее письмо произвело особенно большой скандалъ. Но не въ немъ дѣло. Дѣло въ томъ, что французскіе художники такъ ревниво относятся къ внѣшнимъ наградамъ. Перечитывая приведенныя выше письма, читатель (я разумѣю, русскій читатель), конечно, улыбался. Этотъ разогорченный и негодующій тонъ, эти исчисленія наградъ, слѣдующія вслѣдъ за подписями, шумъ въ печати, шумъ въ Парижѣ, шумъ во всей Франціи,—и все изъ-за какой-то медальки, которая, по мнѣнію художника, которому она присуждена,—однимъ градусомъ ниже полученной прежде или недостойна его таланта. Вы, русскій читатель, уже готовы презрительно пожать плечами и не менѣе презрительно отозваться о французахъ. Но — помедлите немного приговоромъ, а пока займемтесь другимъ, и столь-же характернымъ, событіемъ, — продажею съ аукціона Angelus'a Миллэ. Вотъ что писалось и говорилось втеченіе цѣлаго мѣсяца по этому поводу въ Парижѣ.

Живописецъ Франсуа Миллэ жилъ съ 1814 по 1875

годъ. Его жизнь была безотрадна: это былъ непризнанный геній. Послѣ неудачи первыхъ его картинъ, изображавшихъ богинь, амуровъ и розы, онъ съ отчаяніемъ въ душѣ удалился изъ Парижа въ глухую деревню,—и тамъ сподобился художественнаго откровенія. Амуры и розы были брошены, и Миллэ сталъ писать исключительно природу и ея сыновъ, простой народъ. Никогда ничего подобнаго по совершенству не выходило изъ подъ кисти живописца. Шедевры создавались съ изумительной быстротой и въ огромномъ количествѣ. Несмотря на это, художникъ оставался непризнаннымъ, непонятымъ и сошелъ въ могилу убитый горемъ и нуждой, оставивъ свою многочисленную семью въ полной нищетѣ.

Но вотъ насталъ 1889 годъ, и въ началѣ іюля на распродажѣ галереи Секретана появился «Angelus» Миллэ. Картина эта, изображающая крестьянина и крестьянку на полѣ, которые при благовѣстѣ ко всенощной (angelus), сложивъ руки и наклонивъ голову, молятся,—шедевръ изъ шедевровъ. Внезапно и публику осѣнило художественное откровеніе, внезапно Миллэ былъ понятъ, и вокругъ «Angelus'a» закипѣла неслыханная борьба его новоявленныхъ почитателей. Главныхъ борцовъ было двое: американскіе (ну, конечно, американскіе!) капиталисты и, не болѣе, не менѣе, какъ—Франція, представленная г-номъ Пру, главнымъ распорядителемъ художественнаго отдѣла всемірной выставки, уполномоченнымъ со стороны правительства во что-бы то ни стало удержать «Angelus» во Франціи. Торги были цѣлой бурей, были безкровной войной двухъ дружественныхъ на-

родовъ, американскаго и французскаго. Вмѣсто крови, лились въ жаркой аукціонной залѣ потъ и деньги. Долго было неизвѣстно, на чью сторону склонится побѣда. Наконецъ, г. Пру дошелъ до неслыханной суммы—553,000 франковъ. Тутъ даже американцы оробѣли и вступили съ противникомъ въ переговоры, которые окончились такимъ соглашеніемъ: Если правительство почему-либо откажется заплатить за «Angelus» эти полмилліона, американцы прибавляютъ еще 50,000 франковъ въ пользу французскихъ благотворительныхъ учрежденій и дѣлаются хозяевами картины. Миллэ, хоть и въ могилѣ, побѣдилъ!

Но, увы, и тутъ бѣдному генію не повезло. Какъ нарочно, наканунѣ того дня, когда должны были испросить у палаты необходимые пол-милліона, разразился въ сентъ-этьенскихъ каменноугольныхъ копяхъ страшный взрывъ, унесшій много человѣческихъ жертвъ и оставившій много сиротъ и вдовъ, еще болѣе нищихъ, чѣмъ семья Миллэ. Палата не рѣшилась на кредитъ,—и американцы навсегда лишили Францію лучшаго произведенія лучшаго изъ ея сыновъ.

Такъ говорили и писали, пока дѣло не было кончено. Но какъ только американцы внесли свои сотни тысячъ, картина стала мѣняться.

Былъ ли Миллэ непризнанъ?—Нѣтъ. Вліятельный на художественномъ рынкѣ критикъ, Альберъ Вольфъ, припомнилъ, что онъ уже давнымъ давно, тридцать-пять лѣтъ тому назадъ, любилъ Миллэ *безумно*, что и выражалъ въ своихъ статьяхъ. Имѣлъ-ли Миллэ покупщи-

ковъ?—Да, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ каждая его картина покупалась и оплачивалась двумя-тремя тысячами франковъ; начиная съ шестидесятыхъ годовъ, онъ продавалъ картины уже не дешевле десяти тысячъ. Былъ-ли Миллэ нищъ?—Нѣтъ, онъ жилъ вполнѣ прилично и могъ безъ лишеній дать образованіе всѣмъ девятерымъ своимъ дѣтямъ. Бѣдствуетъ-ли теперь его семья?—Ничуть, всѣ его дочери замужемъ за богачами, а три сына, живописецъ, архитекторъ и спортсменъ, живутъ припѣваючи. Да, наконецъ, подлинно-ли Миллэ геній?—Ну, объ этомъ газеты и публика говорятъ съ большой осторожностью, и тутъ приходится отвѣчать мнѣ. Миллэ не только не геній, но и талантъ весьма некрупный. Онъ взялъ *манерой*. Когда всѣ писали пейзажи декоративные, онъ писалъ обыденные. Когда другіе изъ себя выходили, чтобы создать что-нибудь эфектное, Милле остановился на простотѣ. Когда остальные всѣ свои силы напрягали, чтобы передавать формы и краски, Миллэ передавалъ настроеніе. Краски Миллэ темныя и грязныя; сюжеты болѣе чѣмъ незамысловатые, безсодержательные; исполненіе, при крайней спѣшности, довольно небрежное; погоня за передачей настроенія невольно привела его къ тому, къ чему пришли сознательно теперешніе полоумные импрессіонисты, у которыхъ не разберешь: лошадь на картинѣ, или женщина, или морской отливъ, или переходъ черезъ Березину. Почти таковъ и Angelus: стоятъ какіе-то два пня, наклонившись верхушками другъ къ другу; въ воздухѣ темно, а вокругъ—не то болото, не то вода, не то поле. Конечно, и въ дѣй-

ствительности бываетъ, что людей можно смѣшать съ деревянными столбами, а поле съ болотомъ; но въ дѣйствительности же бываетъ и то, что человѣкъ въ темнотѣ вмѣсто водки выпьетъ купоросу, однако никто вслѣдствіе такой ошибки не пристрастится къ купоросу и не станетъ его рекомендовать въ качествѣ передъобѣденнаго напитка другимъ. Чѣмъ-же объяснить относительный успѣхъ Миллэ при его жизни?—Необыкновенной чуткостью француза, который никогда не пропуститъ мимо ничего новаго, ничего оригинальнаго, и затѣмъ его высокимъ художественнымъ развитіемъ, которое позволяетъ ему цѣнить нетолько шедевры, нетолько громкія и несомнѣнныя побѣды творчества надъ трудностями искусства, но и маленькія проявленія таланта, побѣды въ незначительныхъ стычкахъ и схваткахъ. Французъ—великій критикъ, отъ вниманія котораго не ускользаетъ ни одно, хотя-бы малѣйшее, благородное и плодотворное усиліе художника, котораго онъ сейчасъ-же оцѣнитъ и поддержитъ. Но почему-же Миллэ такъ раздутъ теперь, въ 1889 году?—А, это другое дѣло. Великій критикъ вмѣстѣ съ тѣмъ и великій практическій человѣкъ, а американцы по части художества—круглые невѣжды. У американцевъ послѣ торговъ на Angelus денегъ не убавится, ума не прибавится, а цѣна на произведенія французскихъ художниковъ подымется еще. Печать, правительство и г. Пру хорошо знали, что̀ дѣлали, когда разсказывали легенды о непризнанномъ геніи, умершемъ въ горѣ и нищетѣ, и когда, не пожертвовавъ и полушкой, вогнали американцамъ Angelus въ 600,000 фран-

ковъ. Это скверно, но это могло быть вдесятеро хуже, еслибы не было патріотично. Худо, что смѣшиваютъ искусство съ промышленностью, но это все-таки «мѣра для поддержанія отечественной промышленности».

Бойкій и дорогой сбытъ и признаніе таланта,—вотъ завѣтная цѣль французскаго художника, выросшаго среди чуткаго ко всему выдающемуся и практическаго народа. Послѣ этого понятно, почему французы такъ дорожатъ внѣшними знаками признанія ихъ заслугъ, медалями, медальками, легіонами и легіончиками. Наше презрѣніе, напускное или искреннее, къ этимъ знакамъ —явленіе по отношенію къ отечеству ненормальное, а по отношенію къ французамъ—нелѣпое. Что такое по идеѣ эти офиціальныя отличія? Поощреніе талантовъ, а стало быть и признаніе ихъ. Съ какой-же стати обижаться за то, что вашъ талантъ признанъ, или подсмѣиваться надъ тѣми, кто мечтаетъ быть признаннымъ! Жюри французской выставки состоитъ не изъ канцелярскихъ дѣлопроизводителей и не изъ академическихъ дядюшекъ и племянниковъ, столь-же бездарныхъ, сколь цѣпкихъ; сидятъ тамъ не *уникумы*-критики, пользующіеся вліяніемъ только благодаря своему широкому горлу и «единственности», и не расторопные штабсъ-капитаны, «раньше вставшіе и палку взявшіе». Французъ вѣритъ въ чуткость, отзывчивость и вкусъ своихъ присяжныхъ цѣнителей, вѣритъ, что присужденная ими награда дается за дѣйствительныя заслуги. Жюри, во главѣ которыхъ стоятъ такіе люди, какъ Мейсонье, могутъ ошибаться, но не быть пристрастными или глупыми.

Ошибки ничего не доказываютъ. Онѣ вызываютъ протесты, жалобы, огорченія, образчики которыхъ мы привели въ характерныхъ «отказахъ», но никто во Франціи не подумаетъ принципіально отвергать смыслъ наградъ и отличій.—«Да кто же меня оцѣнитъ какъ не академія, не официальное жюри! воскликнетъ французъ, которому вы стали-бы проповѣдывать нелѣпость медалей и легіоновъ;—кто рѣшитъ мои собственныя мучительныя сомнѣнія, талантъ я или нѣтъ, даю я что-либо новое и хорошее или заблуждаюсь? Если я талантъ, кто и что сдѣлаетъ мнѣ имя, какъ не салонъ, не выставка, не награда? Внутреннее удовлетвореніе—это хорошо; но кто, счастливецъ, можетъ съ увѣренностью опредѣлить свои силы? Говорятъ, умирающій Бетховенъ умолялъ кого-то изъ близкихъ ему людей рѣшить, наконецъ, сомнѣнія всей его жизни и совершенно искренне и правдиво сказать: былъ у него хотя какой-нибудь музыкальный талантъ, или нѣтъ. Вы возразите, что критика и публика—лучшіе судьи. Ну, о публикѣ мы помолчимъ, а что касается критики, такъ и для нея награды служатъ указателями. Это только у васъ, въ Россіи, и гдѣ на выставкѣ всего сотня-другая картинокъ, легко разобраться, а подите-ка, попробуйте изучить тысячи картинъ нашего Салона»... Тутъ нашъ воображаемый собесѣдникъ становится рѣзокъ, и мы заставимъ его умолкнуть. Вмѣсто того, чтобы выслушивать чужія мнѣнія, выскажемся о французскомъ искусствѣ сами.

Странное впечатлѣніе производитъ французская живопись на человѣка, воспитавшаго свой глазъ на чи-

стенькихъ, вылизанныхъ, умѣренныхъ и аккуратныхъ картинахъ русскихъ живописцевъ. Знатоки говорятъ, что мы въ живописи подражаемъ нѣмцамъ. Есть грѣхъ. Стоитъ осмотрѣть выставку нѣмцевъ, помѣщенную недалеко отъ русской, чтобы понять, откуда родомъ нашъ «небывалый», «единственный въ мірѣ» живописный реализмъ. Я не говорю о крупныхъ представителяхъ русской живописи; эти, поѣздивъ по свѣту и пораскинувъ разумомъ, поучившись въ музеяхъ и познакомившись съ новой живописью другихъ народовъ, сильно освободились отъ нѣмецкаго ига. Но масса такіе-же рабы нѣмецкой академіи, какъ ихъ художественные отцы были рабами французской. Эти русскіе нѣмцы пишутъ очень мило. Сюжетикъ у нихъ всегда взятъ понятный, непремѣнно современный, по большей части сентиментальный, всегда нравоучительный, съ идейкой, съ тенденційкой. Рисуночекъ слабенькій, но старательный Красочки завявшія, съ грязцей, дешевой нѣмецкой фабрики. Оригинальности—ни на полушку, точно у нихъ нѣтъ собственныхъ глазъ. Формы они не осязаютъ, цвѣтовъ не видятъ, а пишутъ лишь то, что видѣли на полотнахъ своихъ нѣмецкихъ учителей. Въ результатѣ получается картинка вполнѣ понятная и, въ предѣлахъ слабой силенки художника, вполнѣ законченная,—совершенство посредственности. И вдругъ предъ вами три тысячи картинъ, между которыми посредственностей мало, а стремленія къ ней, къ пошлости—ни одного. Все—оригинально, смѣло, почти дерзко, все—одно новѣе другого, все—независимо, а милой вамъ рутины, однообразія,

которыя въ массѣ производятъ впечатлѣніе силы, и которыя вы принимали за совершенство, вы не найдете нигдѣ. «Что-же это такое! восклицаете вы.—Это обманъ, это погоня за эффектами, это фраза!» Въ первое время вы восклицаете такъ совершенно искренне. Попраніе краткихъ начатковъ россійской, переведенной съ нѣмецкаго, эстетики возмущаетъ васъ. Вотъ восточныя картины, изображающія гаремы, мавританскихъ калифовъ, алжирскія кофейни, тунисскія улицы. Краски горятъ, восточныя красавицы восточны, калифы странно величественны, рабы валяются въ пыли, у фанатиковъ лица безумныя. — Нѣтъ, это фраза, это эфектъ. Вотъ большая картина на тему, которая больше намъ по вкусу. Солнечный день, садъ, столъ, и за столомъ завтракающая семья. Но зачѣмъ свѣтъ такъ ярокъ, зачѣмъ кружевная тѣнь отъ дерева, падающая на столъ и на людей, такъ преувеличенно отчетлива? — И это фраза. Идемъ дальше. Обнаженныя женщины на берегу ручья. Гм. Собственно говоря, втайнѣ мы не недовольны, но современная русская эстетика приказываетъ признавать женскую красоту «безобразіемъ». «Это безобразіе!» восклицаемъ мы, не зная, что французы только того живописца считаютъ законченнымъ техникомъ, который съумѣетъ написать женское тѣло.—Вотъ *nature morte*: мѣдный тазъ, красная тыква, кочни разноцвѣтной капусты, нѣсколько рыбъ и омаръ.—«Чортъ знаетъ что!» роняемъ мы сквозь зубы.—«Помилуйте, да послѣ Веласкеца еще не было такой сильной кисти, какъ этотъ художникъ!» восклицаетъ чуть не до слезъ разобижен-

ный французъ. Но намъ Веласкецъ не указъ, и тыква, по нашему всегда тыква, кто-бы ни нарисовалъ ее. «Мужикъ, выпивающій на послѣдній гривеникъ съ горя перцовки»—это другое дѣло, особенно если на бутылкѣ написано четко: «Перцовка», а въ каталогѣ пояснено, что пьетъ мужикъ *съ горя*, и что лежащій передъ нимъ гривенникъ—*послѣдній*. Это мы оцѣнимъ.—Вотъ знакомый намъ Миллэ и остальные предшественники импрессіонистовъ. Они стояли на ложномъ пути, но тотъ же путь былъ и истинный, потому-что имъ они шли навстрѣчу классикамъ, на немъ съ ними встрѣтились и на немъ ихъ разбили, завоевавъ ту свободу, которой такъ буйно, въ опьяненіи недавней воли, пользуются современные живописцы. — Вотъ Мейсонье... Но Мейсонье мы знаемъ по его «Гонцу», бывшему у насъ въ Петербургѣ. Что такое Мейсонье? Игрушечныя картинки съ игрушечными человѣчками и игрушечными лошадками! Но тутъ опять вмѣшивается въ нашъ монологъ воображаемый французъ и восклицаетъ: «Варвары! Скифы! Да вглядитесь вы въ эти игрушки, если у васъ есть глаза. Вѣдь каждое лицо каждаго человѣчка цѣлая поэма. Каждая лошадь живетъ. Каждая картинка—кусокъ подлинной жизни; вѣтеръ дуетъ, облака плывутъ, трава растетъ, на рукахъ бьются жилы, подъ кожей обращается кровь!» Но мы не внемлемъ: ужь очень маленькіе человѣчки, тогда какъ по нашей эстетикѣ ихъ нужно дѣлать по крайней мѣрѣ въ пять вершковъ. По нашей эстетикѣ, что картина, что вывѣска — все равно; и та и другая должны сами бросаться въ глаза.

Вѣдь нѣтъ миніатюрныхъ вывѣсокъ, стало быть и миніатюрныхъ картинъ мы не признаемъ. Точно такъ-же не признаемъ мы и картинъ «нераскрашенныхъ», какъ одинъ мой знакомый котъ, который не призналъ въ черной гравюрѣ птицы, но какъ только ее раскрасили желтой краской, сейчасъ-же сталъ ловить лапой,—одобрилъ. По этой причинѣ намъ къ художникамъ съ колоритомъ для насъ непривычнымъ и подходить нечего: немедленно обвинимъ ихъ въ погонѣ за эфектомъ и въ балаганщинѣ.

И представьте себѣ: зритель, воспитанный на нѣмецко-русской эстетикѣ, наговоривъ кучу нелѣпостей, правъ въ одномъ отношеніи—французы не достигли совершенства безусловнаго, хотя уже давно оставили позади себя совершенство условное, совершенство посредственностей, которыхъ мы провозгласили «небывалыми въ мірѣ».

Было время, когда живопись достигла совершенства въ произведеніяхъ старыхъ итальянцевъ, голландцевъ и испанцевъ. Живописцы не выдумывали сюжетовъ, сюжеты сами владѣли людьми: религія и радости бытія. Живописцы не задумывались надъ исполненіемъ, ихъ красочная пѣснь лилась свободно и легко, какъ пѣснь соловья. Эти счастливыя времена миновали давно. Религія пала, въ идеалы извѣрились, жизнь превратилась или въ каторжную работу, или въ «пустую и глупую шутку», а съ упадкомъ идеала и жизнерадостности миновала и любовь къ красотѣ. На смѣну старому, цѣльному искусству, вытекавшему изъ гармоническаго духа, появилось, послѣ колебаній туда и сюда, то въ сторону

классицизма, то къ романтизму, однобокое направленіе реализма. Сначала реализмъ попробовали въ видѣ искусства, изображающаго жизнь «такою, какова она есть». Немедленно-же вышла безсмыслица, которой не постигаютъ только «небывалые реалисты», не идущіе дальше иллюстраціи анекдота. Тогда порѣшили, что реализмъ долженъ осмысливать дѣйствительность, дѣлать изъ нея выводы. Но гдѣ критерій для подобныхъ выводовъ? У Рафаеля онъ былъ: онъ вѣрилъ въ свою Мадонну. У Рубенса онъ тоже былъ: онъ, ни что-же сумняшеся, любилъ своихъ толстыхъ нимфъ. Эти люди могли создать совершенныя произведенія. А что цѣльное могутъ создать Золя, не вѣровавшій до послѣдняго времени даже въ академію, или упомянутый нами Деба-Понсанъ, вѣрившій только въ генерала Буланже, портретъ котораго, по его признанію, лучшее его произведеніе, его сикстинская мадонна? Что въ состояніи дать современный раздробленный человѣкъ, когда у него самого ничего нѣтъ?

Что можетъ дать современный художникъ? — Вотъ надъ этой-то загадкой и бьются теперь французы. Они борятся съ мужествомъ, достойнымъ подражанія, они падаютъ въ борьбѣ, опять подымаются, снова борятся и снова изнемогаютъ, а нашъ русскій зритель, воспитанный на иллюстраціяхъ тупыхъ анекдотиковъ и глупенькихъ «начатковъ» гражданской морали, удивляется, отчего такъ засуетились эти французики, и чего они какъ угорѣлые, ищутъ, когда все уже давно найдено въ Дюссельдорфѣ и Петербургѣ.

Въ Петербургѣ найдено все, но не въ Парижѣ. Въ Петербургѣ поэтому все обстоитъ благополучно, и втеченіе послѣднихъ 30-ти лѣтъ «небывалый реализмъ» ни шагу не сдѣлалъ ни въ сторону, ни впередъ—геніальные руководители посолили его впрокъ. Въ Парижѣ не опочили на лаврахъ, какъ мы, а неустанно искали новыхъ путей. Романтики, натуралисты, импрессіонисты, плэнэристы, всѣ эти направленія созданы въ Парижѣ, а не въ Петербургѣ. Чѣмъ-же намъ кичиться предъ французами? Тѣмъ, что мы спокойны? Покорно благодарю за такое спокойствіе.

Найдутъ или не найдутъ французы новое совершенное искусство?—Этого никто не можетъ предсказать, но во всякомъ случаѣ они его ищутъ, и если человѣчеству суждено еще разъ найти духовную гармонію, французы, если будутъ живы и здравы, первые будутъ у цѣли, первые воплотятъ эту гармонію въ живописи.

Прибавьте, что французскіе художники живутъ и работаютъ при условіяхъ, которыя чрезвычайно опасны для искателя истины. Цѣлый рядъ препятствій и соблазновъ мѣшаетъ имъ идти впередъ и манитъ ихъ успокоиться на рутинѣ. Большинство тѣмъ и кончаетъ, но это не такъ замѣтно, какъ у насъ, въ странѣ лѣниваго ума и слабой воли, потому что во Франціи рутина очень высокая и не имѣетъ такой власти, какъ въ Россіи. Не проходитъ и пяти, десяти лѣтъ, является смѣлый новаторъ и снова увлекаетъ за собою массу.

Французскій художникъ, прежде всего, не французъ, а парижанинъ. Большой городъ—опасный врагъ свѣже-

сти и оригинальности. Его стѣны отдѣляютъ его отъ безъискусственной жизни страны, отъ живого источника культуры и дѣлаютъ изъ него простую фабрику цивилизаціи, со всѣмъ однообразіемъ, узостью, сухостью и рутинностью фабричной жизни. Новое врывается за городскія стѣны рѣдко и съ большимъ трудомъ. Жизнь идетъ какъ заведенные часы, личность стирается, и получается огромный муравейникъ, гдѣ все нивеллированно и монотонно. Что было вчера, то будетъ завтра. Ни смерть, ни рожденіе не производятъ такого впечатлѣнія, какъ тамъ, гдѣ людей не такъ много. Красота въ большомъ городѣ не рѣдкость и примелькалась. Любовь, наоборотъ, рѣдкость и, размѣнявшись на мелкую монету, рѣдко кого даритъ крупными выигрышами. Природы, которая замѣнена подстриженными деревьями и газонами, нѣтъ. Сами грозы, и тѣ не производятъ впечатлѣнія, заглушаются шумомъ экипажей и затмѣваются электрическими фонарями. Нѣтъ въ городѣ и человѣка, который здѣсь, какъ и на фабрикѣ, играетъ роль еще неизобрѣтенной части машины. Эти городскія условія сильно отражаются на произведеніяхъ французскихъ художниковъ и дѣлаютъ ихъ, несмотря на всю силу исполненія, мертвенными:—сюжеты не имѣютъ ничего общаго съ художникомъ, берутся случайно и извнѣ, а у написаннаго человѣка «нѣтъ лица», т. е., нѣтъ выразительнаго лица, которое отражало-бы душу и разсказывало-бы ее зрителю. Для русскаго человѣка, въ странѣ котораго такъ рѣдко встрѣчается красота линій и формъ и который поневолѣ привыкъ къ красотѣ вы-

раженія, это особенно замѣтно. Это большой недостатокъ французовъ, хотя и тутъ есть нѣкоторое извиненіе. Французская раса такъ установилась, человѣкъ такъ вылощенъ и скованъ внѣшней культурой, что французское лицо и въ натурѣ менѣе экспрессивно, чѣмъ красиво, а гамма его выраженій и однообразнѣй и короче, чѣмъ у расъ свободныхъ отъ культуры и неперебродившихъ. Что-же касается бѣдности и безсодержательности сюжетовъ, то тутъ приговоръ зрителя остается въ безусловной силѣ.

Парижъ нетолько колоссальная фабрика, но и всемірный рынокъ. Французскія картины участвуютъ въ этой торговлѣ и раскупаются всѣмъ свѣтомъ. Правительство, какъ мы видѣли, способствуетъ расширенію этого сбыта. Въ результатѣ, творчество французскихъ художниковъ въ сильной степени подчинилось рыночности. Удалась, напримѣръ, художнику «марина», какая-нибудь спасательная лодка въ бурю, отчаливающая отъ берега, получилъ онъ за нее видную награду, продалъ онъ ее за десятки тысячъ какому-нибудь аргентинскому ех-президенту или вѣнскому еврею-банкиру,—можно быть увѣреннымъ, что въ слѣдующій салонъ онъ пришлетъ опять марину, опять бурю, опять спасательный ботъ, хотя, для разнообразія, не отчаливающій, а возвращающійся. Второй ботъ будетъ проданъ несомнѣнно. Слава Франціи гремитъ далеко. О счастливой покупкѣ аргентинскаго экспрезидента непремѣнно узнаетъ боливійскій диктаторъ—и купитъ второй ботъ. За вторымъ идетъ третій, и т. д., пока рынокъ не будетъ насыщенъ. Это

ходкій сюжетъ. Съ ходкими манерами та-же исторія. Появился Миллэ, тотчасъ-же появились десятки его подражателей. Прогремѣлъ Воллонъ, авторъ замѣчательныхъ natures mortes, «кисть равная Веласкецу»,—родились дюжины кисточекъ, равныхъ если не Веласкецу цѣликомъ, то сотой его части. Мало того, и Миллэ, и Воллонъ начинаютъ подражать самимъ себѣ, становятся все миллэтистѣй и воллонистѣй, до тѣхъ поръ, пока самая почтительная критика, самая глупая публика и, наконецъ, сами художники не начнутъ находить, что это ужь черезчуръ.

Безсодержательность сюжета, бездушіе человѣческаго лица и манерность,—вотъ недостатки современнаго французскаго живописца. Зато во всемъ остальномъ онъ первый въ мірѣ *силачъ*, какъ любятъ выражаться художники. Рисунокъ его безукоризненъ, и, кажется, нѣтъ ничего, чтобы не послушалось его карандаша. Его смѣлость въ поискахъ новыхъ путей въ искусствѣ не знаетъ препятствій. Его техника безподобна, и тамъ, гдѣ нѣтъ *картины*, а есть только изображеніе, французу нѣтъ равныхъ. Словомъ, всѣ внѣшнія средства къ его услугамъ, и нѣтъ только цѣли, достойной великаго мастера. Въ такомъ затруднительномъ случаѣ живописцы прибѣгаютъ, и очень успѣшно, къ бытовой живописи. Сюжетъ этотъ всегда интересенъ и понятенъ толпѣ и всегда создаетъ автору популярность, которую трудно отличить отъ истинной славы. Французы могли-бы быть первостепенными жанристами. Ихъ зоркая наблюдательность ихъ юморъ, который съ такимъ блескомъ проявляет-

ся во французской каррикатурѣ, ихъ живость,—это драгоцѣнныя качества для безпритязательнаго изобразителя нравовъ. Но французы и тутъ не идутъ на компромиссъ. Поскольку это обстоятельство вытекаетъ изъ внутреннихъ свойствъ художника, постольку оно служитъ къ его чести. Но всемірный поставщикъ картинъ и тутъ подвергается соблазнамъ и искушеніямъ чрезмѣрной извѣстности и почтительныхъ, но всемогущихъ требованій рынка. Франція всегда шла впереди остальныхъ націй, всегда была руководительницей на культурномъ пути,—и кончилось тѣмъ, что французы, подобно класснымъ дамамъ, иновѣрнымъ проповѣдникамъ и учителямъ танцевъ, во всемъ прочемъ препочтеннымъ людямъ, «изблагородничались». Все, что происходитъ во Франціи, должно быть *grand*, *brave*, *digne*, *noble*, а въ послѣднее время и *épatant*. Все, что французы пишутъ и говорятъ, въ большей или меньшей степени, но всегда отзывается разговоромъ актрисы, которая «продрамилась». Не было ни одного политическаго авантюриста, который не дѣйствовалъ-бы во имя величія и славы Франціи и вслѣдствіе побужденій, вытекающихъ якобы изъ чистѣйшаго источника благородства. Нѣтъ такого парижскаго мазурика, который, если только его не поймали прямо въ чужомъ карманѣ, снесъ-бы безъ благороднѣйшаго протеста оскорбленіе его чести. Чего-же вы требуете отъ живописи и живописцевъ? Жанра?—Фи, пусть этимъ занимаются низшія созданія, нѣмцы, англичане, шведы, русскіе. Изъ подъ французской кисти могутъ выходить только высокія, па-

тетическія, потрясающія произведенія. Иначе нельзя: міръ ждетъ отъ Франціи необыкновеннаго. И французы дальше необыкновеннаго не дѣлаютъ и шагу. Гаремы, влюбленныя гориллы, похищающія женщинъ, наиболѣе драматическія злодѣйства изъ византійской исторіи, наиболѣе яркія одежды востока, французскій каменотесъ съ руками величиной въ бревно, Наполеонъ великій у Березины, тѣло первостепенной кокотки, чудеса храбрости французскихъ войскъ, первый въ мірѣ психіатръ Шарко, демонстрирующій студентамъ истеричную больную, портретъ Ротшильда, портретъ Буланже, пока онъ былъ въ благородной славѣ,—вотъ сюжеты произведеній французскихъ живописцевъ. И всѣ эти византійскіе императоры, влюбленныя гориллы, всѣ Буланже и даже кокотки позируютъ тоже необыкновенно благородно. Это выходитъ красиво и изящно, потому что и Буланже и кокотки изучили благородныя позы въ совершенствѣ, но всегда чувствуется, что живописцы и ихъ модели «благородничаютъ» и «необыкновенничаютъ».

— А все-таки они лучше всѣхъ! Все-таки они первые! воскликнулъ знаменитый русскій скульпторъ, съ которымъ мы—я въ тонѣ вопросительномъ, онъ утвердительно—обмѣнялись впечатлѣніями отъ французскаго искусства.

Что-же дѣлать, если у современнаго человѣка нѣтъ сюжета, который захватилъ-бы его всего, нѣтъ цѣли, къ которой-бы стремились всѣ силы души! Цѣли измѣльчали, силы раздробились. Не писать-же выборы депутатовъ, когда художникъ напередъ знаетъ, что на мѣсто

лжеца и мошенника опортуниста будетъ выбранъ лжецъ и мошенникъ соціалистъ, буланжистъ или легитимистъ. Изобразить ложь и мошенничество?—Но, во-первыхъ, это неблагородно, во-вторыхъ, это не служитъ къ чести Франціи, и втретьихъ, каждый французъ глубоко и искренно вѣритъ, что не-сегодня-завтра времена лжи и подлости минуютъ и вотъ-вотъ настанетъ царство добродѣтели и благородства. Великая вѣра, поддерживающая великую бодрость! Эти вѣра и бодрость заставляютъ француза упражнять свои силы, подготовляя ихъ къ тому времени, когда онѣ, наконецъ, найдутъ приложеніе къ настоящему дѣлу. Политики, ученые, художники, простые смертные,—всѣ работаютъ надъ достиженіемъ ближайшихъ цѣлей, надъ разработкой деталей, которыя на очереди и которыя составляютъ часть неизвѣстнаго цѣлаго, надъ упражненіемъ своихъ силъ, надъ накопленіемъ возможно большаго количества средствъ наилучшаго качества. Когда время придетъ, когда часъ ударитъ, когда уравновѣшанный человѣкъ снова обрѣтетъ вѣру, надежду и любовь, французскій народъ будетъ готовъ. Это рабъ, который пріумножаетъ таланты, ввѣренные ему господиномъ. Когда господинъ потребуетъ отчетъ?—Никто этого не знаетъ. Таковы французы, если выражаться высокимъ слогомъ, который, съ легкой руки нашихъ современныхъ поэтовъ, снова входитъ въ моду. Говоря-же просто, французы попрежнему самый передовой, работящій и жизнеспособный народъ Европы. Несовершенства современной жизни и современнаго искусства ими хорошо сознаются, глубоко чувствуются и

тяготятъ ихъ. Оттого-то они и слѣдятъ такъ усердно за чужимъ искусствомъ. Когда Франція познакомилась съ японскимъ искусствомъ, ея художники такъ и впились въ него, въ надеждѣ, что не откроются-ли тутъ новые пути творчества, новыя стороны искусства. Когда французамъ стали извѣстны произведенія нашихъ великихъ беллетристовъ, многіе уже праздновали побѣду новаго человѣка надъ художествомъ. Что романы Толстого были совершенство, это было для нихъ очевидно. Но какія причины его? Что есть у русскихъ такого, чего не достаетъ французамъ? Одни говорили, что это—варварская цѣльность натуры, другіе—что дѣло въ свѣжести и бодрости молодого народа, третьи указывали на философское образованіе Толстого. Увлеченіе русскими авторами было такъ сильно, что даже появились психопаты, которые стали поддѣлываться подъ варварство и цѣльность, нетолько въ литературѣ, но и въ жизни; кто-то единственно отъ цѣльности, ни съ того, ни съ сего, зарѣзалъ любовницу, кто-то кого-то отъ варварства взорвалъ à la russe динамитнымъ патрономъ. Умники дошли до того, что стали себя отпѣвать, какъ расу одряхлѣвшую. Но и тутъ французы увлеклись только *манерой* и *сюжетомъ*. Не проще-ли разрѣшить вопросъ такъ: Толстой вѣритъ въ то, во что французы уже извѣрились. Нашъ историческій моментъ для нихъ уже давно überwundener Standpunct. Мы—счастливѣй, французы—почтеннѣй. Западная Европа не гнила, не стара, и если ея страданія и испытанія превосходятъ наши, такъ это потому, что мы—дѣти, и горе наше дѣтское, а она—

взрослая. И между всѣми нашими старшими братьями-народами—лучшій, подвергающійся наиболѣе тяжкимъ испытаніямъ, но и мужественнѣйшій и сильнѣйшій,—конечно французы.

Гроза.

Я долго не забуду этой грозы. Въ концѣ іюня и началѣ іюля засуха и зной были нестерпимы. Послѣдній день этого «солнечнаго гнѣва», вторникъ 9-го іюля, былъ особенно тяжелъ. Сто-одинадцать тысячъ народа, собравшагося на выставку, бродили какъ отравленныя мухи. Гарсоны были дерзки. Журналисты стали находить въ выставкѣ недостатки:—вентиляція въ зданіяхъ плоха. А какіе тутъ вентиляторы! Въ небо ихъ не вставишь. И. Е. впалъ въ легкую меланхолію и отрывочно выражался въ томъ смыслѣ, что все на свѣтѣ суета, даже и парижская выставка. Спутникъ-земецъ опять «задумался». Въ палатѣ лѣвые подрались съ правыми; а лѣвые и правые, вмѣстѣ, обругали министровъ. Министры потѣли и обтирались.

Двигаться по выставкѣ было почти невозможно. Въ зданіяхъ и галлереяхъ духота стояла спертая. Экспоненты, сторожа и городовые раздраженно топтались на мѣстѣ, какъ звѣри въ клѣткѣ. Публика лѣниво оглядывала выставленныя чудеса. Вотъ брилліантъ, въ два милліона рублей—какая нелѣпость! Вотъ американская бѣговая двуколка, въ тридцать-пять фунтовъ вѣсу—глупость и двуколка, и бѣга и американцы! Вотъ галлерея машинъ—и машины не въ духѣ, сомнѣваются въ смыслѣ

своего существованія и хотя и продолжаютъ работать но того и гляди, оторвутъ руку или ногу изнемогающему отъ духоты рабочему. Сами зданія—и тѣ запыленныя, раскаленныя, хмурятся въ мутномъ воздухѣ. Сама башня потускнѣла; ея верхушка потеряла ясность очертаній и кажется миражемъ въ сухомъ туманѣ атмосферы.

И вдругъ налетѣла гроза. Это было не гроза, а праздникъ. Все ожило, все завеселилось, все получило смыслъ. Мертвыя зданія точно спрыснуло живой водой. Въ ихъ жадно раскрытыя окна и ворота хлынули потоки прохладнаго вѣтра и громовыхъ звуковъ Мокрые флаги на крышахъ трепетали и щелкали. Шторы, занавѣси и драпировки, внутри зданій, заколыхались и заволновались. Люди подняли голову, просвѣтлѣли, ободрились. Молнія сверкала, и дву-милліонный брилліантъ повторялъ вспышки ея олимпійскаго веселья, дробя ихъ въ цвѣта радуги. Громъ пробѣгалъ по безчисленнымъ стекляннымъ кровлямъ то впередъ, то назадъ, грохоча своими тяжкими пятами,—и дворцы отвѣчали ему такимъ же могучимъ грохотомъ, отвѣчали всѣми суставами своихъ желѣзныхъ и кристальныхъ тѣлъ. Гроза становится все сильнѣй, молнія сверкаетъ все чаще, громъ уже не катится по небу и землѣ, а падаетъ мгновенными ударами, точно упавъ онъ глубоко зарывается въ землю. И вдругъ сверкнуло не въ небѣ, а на самой выставкѣ,—и въ то-же мгновеніе раздался странный, звенящій, металлическій мощный звукъ, похожій на ударъ колоссальныхъ литавръ, или какъ будто гдѣ-нибудь за Сеной, противъ выставки, цѣ-

лая армія закричала ура.—Это башня, которую посѣтилъ громъ, небесный гость, отвѣчала ему, что она ему рада: Да здравствуетъ Франція! да здравствуетъ земной праздникъ ея труда!

Гроза праздновала,—и людямъ чудилось, что та духовная гармонія, та радость жизни, которой ждетъ не дождется человѣкъ, похожа на эту грозу...

КОНЕЦЪ.

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе . . . . . 1 — 4

Письмо I . . . . . 5 — 38

Цервые шаги въ Парижѣ (19). — Цервые шаги на выставкѣ (30).

Письмо II. . . . . 39 — 66

Башня Эйфеля (41).

Письмо III. . . . . 67—108

Годовщина взятія Бастиліи (67). — Наши приключенія (73). — Школьные батальоны (86).—Буланжисты на Площади Согласія (90).—Парадъ въ Булонскомъ лѣсу (93).—Уличные балы (102).—Балъ рабочихъ (107).

Письмо IV. . . . . 109—148

Мы отдыхаемъ (109).—Курьезы и раритеты выставки (120).—«Триста интимныхъ друзей» (133).—Причта о двухъ писцахъ (138).—Еще курьезы (140).

Письмо V. . . . . 149—174

Статья француза о Россіи (149).

Письмо VI . . . . . 175—210

Французская живопись—французская душа (179).—Гроза (208).

№ 4304.

Цѣна 1 рубль.

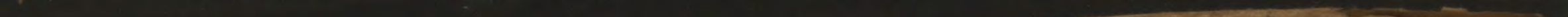
Того же автора:

Мы. Беллетристическіе этюды. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. Въ кн. магазинахъ «Новаго Времени».

Приключенія и впечатлѣнія въ Италіи и Египтѣ. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 25 к. Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 марта 1890 г

ВКИ. [В. ДЬДОВ]


ПИСЬМ